СѢВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

1733–1743

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1851 г.

Изъ IXч. Записокъ Гидрографическаго Департамента.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
54005-44

Обширная сѣверная экспедиція, превосходившая своими размѣрами всѣ извѣстныя, первая въ Россіи по времени—не считая частныхъ посылокъ—въ теченіи десяти лѣтъ ея непрерывной дѣятельности, совершила весьма многое: описаны сѣверные берега Россіи, отъ Бѣлаго моря до устій рѣки Колымы, на протяженіи 130° долготы, въ широтахъ 64°,32′—77′,34′, Охотское море и Камчатка; изслѣдована вся Сибирь, до южнѣйшихъ и восточнѣйшихъ ея предѣловъ; произведены плаванія, къ невѣдомымъ тогда берегамъ сѣверной Японіи и западной Америки, и сдѣланы опредѣленія и открытія этихъ земель—Японіи до 33°,28′, Америки въ 55°,21′—58°,21′, и отъ 59°, 27′ къ западу, съ Курильскими и Алеутскими островами. Издержки на эту экспедицію были огромныя, средства даны всѣ возможныя, трудовъ употреблено множество. Но и пріобрѣтенія были весьма важны; многое изъ изслѣ-

дованнаго ею и по нынѣ остается еще не переизслѣдованнымъ.

Эта экспедиція называлась «Камчатскою» и «Беринговою» второю, также «Академическою» первою; мы предпочли ей настоящее, болѣе общее названіе.

Къ сожалѣнію, никогда не обнародованная вполнѣ, она становилась извѣстною ея пріобрѣтеніями малопомалу: очерки береговъ и пункты астрономически-опредѣленные, вносились въ географическіе и морскіе атласы, но безъ отчетности; предметы естествознанія и древностей, разработывались разными учеными, по времени; свѣденія гидрографическія извлекались отрывочно, по надобности; нѣкоторые изъ членовъ издали только свои личные труды и записки; многое только недавно обработано, и многое остается еще вовсе не разработаннымъ; исторія цѣлой экспедиціи, неизвѣстна въ подробности.

Принявъ на себя трудъ написать исторію этой экспедиціи—одна изъ прекраснѣйшихъ главъ исторіи нашего флота, и одна изъ лучшихъ страницъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны—долгомъ считаю перечислить

предшествующіе по этому предмету начинанія и главнѣйшіе изъ обнародованныхъ трудовъ ея, и указать на источники, которыми я пользовался.

Первое, краткое и невѣрное, извѣстіе объ этой экспедиціи, было обнародовано Парижскимъ географомъ Делилемъ, въ 1752 году, въ его Explication de la carte des nouvelles découvertes au nord de la mer du sud. Въ слѣдующемъ 1753 году, напечатано въ Берлинѣ, на Французскомъ-же языкѣ, тотчасъ же переведенное на Англійскій и Нѣмецкій, но никогда не изданное на Русскомъ, «Письмо Русскаго морскаго офицера,» приписываемое Миллеру, содержавшее опроверженія извѣстій Делиля, и обстоятельнѣйшія свѣденія о настоящей экспедиціи, впрочемъ тоже краткія, писанныя наскоро, изданныя безъвѣдома автора, и потому, по его собственному признанію, мѣстами ошибочныя. Въ 1758 году напечатано, Миллеромъ же, на Нѣмецкомъ и на Русскомъ языкахъ, вскорѣ переведенное на Англійскій (1761 г.) и Французскій (1766 г.), съ карточкою, «Путешествія и открытія Русскихъ по Ледовитому морю и

Восточному океану,» довольно полный, общій очеркъ всей экспедиціи, но тоже безъ подробностей, съ очень краткими указаніями на сдѣланное, съ пропусками многихъ важныхъ работъ и, мѣстами, также ошибочный. Донынѣ, это единственное всей настоящей экспедиціи описаніе. Въ 1820 году прибавлено къ нему только описаніе «О плаваніи Россійскихъ морскихъ офицеровъ по Ледовитому морю, съ 1734 по 1742 годъ,» приписываемое нами Сарычеву, напечатанное въ четвертой части Записокъ Адмиралтейскаго Департамента, довольно подробное въ историческомъ отношеніи, но не исчерпывающее всѣхъ собранныхъ этими плаваніями свѣденій, притомъ съ пропусками и съ ошибками значительными. Между тѣмъ, въ разное время, появлялись частныя описанія: Flora Sibirica *Гмелина*, 1749-69 г.; Путешествіе по Сибири (Reise durch Sibirien) *его же*, 1752 г.; Сибирская исторія *Миллера*, 1750 г.; Описаніе Земли Камчатки *Крашенинникова*, 1755 г.; Сибирская исторія (Sibirische Geschichte) *Фишера*, 1768 г. (Русскій переводъ 1774 г.); Описаніе

Камчатки (Beschreibung von dem Lande Kamtschatka) *Штеллера*, 1774 г.; Путешествіе изъ Камчатки въ Америку (Tagebuch, въ Neue Nord. Beiträge, Палласа) *Штеллера же*, 1793 г.; подробнѣйшее описаніе плаваній отъ Бѣлаго моря до Обской губы (въ Четырекратномъ путешествіи Литке), 1826 г.; прибавленныя подробности къ прочимъ сѣвернымъ описямъ и составленное вновь описаніе плаваній отъ Лены къ востоку (въ Путешествіи по Сибири Врангеля), 1841 г.; наконецъ, Записки Лейтенанта Х. П. Лаптева и замѣчанія другихъ описателей оберегахъ между Оби и Оленека, напечатанныя нами въ IX ч. Зап. Гидр. Департ. Нѣкоторыя изслѣдованія, естественныя, историческія и астрономическія, обнародывались въ изданіяхъ Академіи, а собранныя Миллеромъ въ Сибирскихъ архивахъ документы, послужившъ матеріалами для его Сибирской исторіи и другихъ сочиненій, издаются теперь по частямъ, въ Историческихъ актахъ Археографической комиссіи. Карты настоящей экспедиціи, отчасти служили при составленіи перваго атласа Россійской

Имперіи, 1752 г.; потомъ, вполнѣ, для небольшой карточки Миллера, изданной въ 1758 году; и наконецъ, при изданіи слѣдующихъ географическихъ атласовъ Россіи; но никогда не были изданы отдѣльно, въ размѣрахъ значительныхъ.

Источники, которыми я пользовался для настоящаго описанія, слѣдующія: *Главнаго Морскаго архива*: дѣла собственно «Беринговой (настоящей) экспедиціи,» заключающіяся въ двадцати-пяти большихъ связкахъ (до 30,000 листовъ), нѣсколько растраченныя и разстроенныя, содержащія такъ называвшіеся наряды, донесенія, слѣдствія, протоколы, опредѣленія, указы и нѣкоторые геодезическіе и морскіе журналы. Сюда же относящіяся, десять разныхъ другихъ дѣлъ, называемыхъ «Коллежскими,» подобнаго содержанія. «Журналы Адм.-Коллегіи,» по книгѣ на каждый мѣсяцъ, съ 1730 по 1747 годъ, всего, за семнадцать лѣтъ, до двухъ-сотъ книгъ, служившіе болѣе для повѣрокъ и справокъ. *Архива Гидрографическаго Департамента*: шханечные журналы плаваній, почти всѣхъ судовъ, и всѣ въ копіяхъ. (Под-

линные журналы и карты были отосланы, въ 1754 году, въ Иркутскъ, Сибирскому Губернатору Мятлеву, по случаю готовившагося тогда возобновленія экспедиціи; оттуда, въ 1759 г. пересланы въ Тобольскъ, Губернатору Соймонову, и теперь, содѣйствіемъ Г. Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, Н. Н. Муравьева, отыскиваются на мѣстѣ.) Большая часть этихъ копій, снятыхъ воспитанниками Морскаго Корпуса и Штурманскими учениками, за скрѣпами ихъ, имѣются вдвойнѣ, писаны довольно чисто, съ небольшими по мѣстамъ ошибками и пропусками, какъ оказывается изъ сравненій, одни цѣлаго участка переплетенные вмѣстѣ, другіе порознь, всего сорокъ шесть книгъ. Тамъ же, «карты,» подлинныя и копіи, но не всѣхъ участковъ, генеральныя, и ниодного изъ планшетовъ. Наконецъ, *Архива и библіотеки Императорской Академіи Наукъ:* такъ называемые «Портфели Миллера,» содержащіе, не полно и разрозненно, на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, донесенія и письма Академиковъ, записки и сочиненія ихъ, инструкціи, нѣкоторые ге-

одезическіе журналы и одинъ морской, мастера Хитрова.—Были полезны, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и печатные, вышеисчисленные источники.

Я не имѣлъ въ виду изобразить здѣсь все, пріобрѣтенное настоящею экспедиціею, во многомъ уже предупрежденный другими, иного не находя, иное не считая значительнымъ въ настоящее время, и вообще, не почитая возможнымъ подобное предпріятіе. Я хотѣлъ написать только *исторію* экспедиціи, съ ея цѣлями и средствами, событіями, личностями и общими выводами, предоставляя другимъ, или себѣ современемъ, разработку нѣкоторыхъ, остающихся не совсѣмъ разработанными, частностей.—Не мое дѣло судить, какъ я воспользовался настоящими средствами? Съ моей стороны, я только считаю долгомъ принести мою искреннѣйшую признательность тѣмъ лицамъ, содѣйствіемъ которыхъ мнѣ были облегчены доступы въ архивы, и пожелать, чтобы будущій историкъ этой экспедиціи, съ лучшимъ умѣньемъ воспользовался наличными источниками и отыскалъ новые.

Ал. Соколовъ.

NB. Приложенныя карты: Сѣвернаго берега Россіи и Сѣверной части Восточнаго океана, составлены по новѣйшимъ съемкамъ и опредѣленіямъ; потому, означаемыя въ текстѣ широты, не вездѣ съ точностію на нихъ приходятся. Двѣ другія карты, плаваній Беринга и Чирикова, и плаванія Шпанберга и Вальтона, уменьшены съ имѣющихся у насъ копій подлинныхъ картъ, первая съ двухъ картъ, Вакселя съ Хитровымъ и Чирикова, вторая съ карты Шпанберга; прибавлены, пунктиромъ, земли, предполагавшіяся прежде отправленія настоящей экспедиціи, съ знаменитой карты астронома Делиля (Іосифа). Наконецъ, пятая карточка, о. Каяка или Св. Иліи, скопирована съ находящейся въ журналѣ мастера Хитрова.

Выбранный къ этому сочиненію эпиграфъ, взятъ изъ посвященія подобнаго труда, «Путешествія и открытія Русскихъ,» Миллера. Въ Русскомъ изданіи (Ежемѣсячныя сочиненія 1758 г.), этого посвященія нѣтъ.

ПЕЧАТЬ ФЛОТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ВЪ КРОНШТАДТѢ

СѢВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

1733-43 года.

Памяти Великаго Петра.

Тебѣ я посвящаю этотъ трудъ, Тебѣ, безъ котораго не существовалъ бы онъ, потому что открытія въ немъ описываемыя есть счастливые плоды »великихъ идей, непрестанно занимавшихъ Тебя. Благодѣтель, Отецъ, Создатель обширной Имперіи! Тебѣ обязаны твои подданные: законами, устройствомъ, могуществомъ внутри и внѣ, нравами, знаніемъ, всѣмъ, что дѣлаетъ народъ счастливымъ и уважаемымъ.

Миллеръ.

Открытая и завоеванная казаками, въ теченіи предшествующаго вѣка, Сибирь съ Камчаткою, въ дальнихъ предѣлахъ ея, была извѣстна только по поверхностнымъ разсказамъ этихъ завоевателей, а внутри и ближе къ Европейской Россіи, по очень немногимъ частнымъ извѣдываніямъ, дипломатическимъ и коммерческимъ посылкамъ въ Китай, и отпискамъ воеводъ; на картахъ изображалась наглядно и гадательно, безъ математическихъ основаній. Посылка геодезистовъ Лужина и Евреинова на Курильскіе остро-

ва, 1719 г., не принесла никакихъ видимыхъ плодовъ; экспедиція Беринга 1725-30 г., прошедшая по направленію рѣчныхъ путей до Охотска, оттуда моремъ къ Камчаткѣ, и на сѣверъ къ проливу, названному впослѣдствіи Беринговымъ, сдѣлала на всемъ этомъ протяженіи нѣсколько опредѣленій только однѣхъ широтъ, и обозначила направленіе къ сѣверу Камчатскаго берега; экспедиція Шестакова, 1727-32 г., болѣе военная, простирала плаванія къ Курильскимъ и Шантарскимъ островамъ и къ Америкѣ, но уже вовсе не дѣлала опредѣленій и не доставила почти никакихъ свѣденій; наконецъ, изслѣдованія внутренней Сибири, преимущественно въ отношеніи естественномъ, сдѣланныя Мессершмидтомъ, въ 1719-27 г., обширныя и разнообразныя, во многомъ были недостаточны и оставались неизданными.—Надобно было изслѣдовать эту обширную страну во всѣхъ отношеніяхъ, и начертить ей обстоятельную карту. Съ другой стороны, за Сибирью, за моремъ, близко ли далеко ли—незнали навѣрное—лежали богатыя страны, Америка и Японія, извѣстныя по слухамъ и близкія по признакамъ, никѣмъ съ этихъ сторонъ не занятыя. Америка, положительно изслѣдованная только по Калифорнію, до 40° широты, мысъ

Мендосино, и съ меньшею опредѣлительностію до 45°, гдѣ означался проходъ Д'Агвилара (Кабрильо, 1542 г. Дракъ, 1578 г. и Д' Агвиларъ, 1605 г.), выше этихъ границъ была только предполагаемою, по очень сомнительнымъ разсказамъ о плаваніяхъ Гуаля (1582 г.), Жуанъ-де-Фука (1592 г.), и Де-Фонте (1640 г.) до 55° широты, и по слухамъ въ Сибири о землѣ противъ Чукотскаго носа, въ широтѣ 65°. Японія, положительно, тоже была извѣстна только по 40° широты, а сѣвернѣе предполагались большія и неопредѣленныя земли Іезо и Кампаніи, и между нихъ островъ Штатовъ, видѣнныя кораблями Кастрикомъ и Брескисомъ въ 1643 г., не обойденныя, не ограниченныя и порядочно не описанныя; къ востоку отъ нихъ рисовалась еще, съ 1649 года, подъ 45-47° широты, какая-то невѣдомая земля, открытая невѣдомымъ мореплавателемъ Жуаномъ-де-Гама. — Надобно было провѣдать пути къ этимъ странамъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ первой экспедиціи, 30-го Апрѣля 1730 года, Берингъ представилъ Императрицѣ двѣ записки, названныя имъ «предложеніями.» Въ нихъ онъ предлагалъ мѣры къ устройству Охотскаго края и Камчатки, совѣтовалъ провѣдать пути къ Америкѣ и Японіи, для учрежденія

съ этими странами торговли, и, наконецъ, изъявлялъ желаніе, чтобы былъ изслѣдованъ сѣверный берегъ Россіи, между рѣкъ Оби и Лены (1).

Въ началѣ, было обращено вниманіе только на первую часть его предложеній, устройство того края, изложенную имъ обстоятельнѣе, и съ этою цѣлію, указомъ 10-го Мая 1731 года, было повелѣно: подчинивъ Охотскій край и Камчатку, проживавшему до того въ ссылкѣ, бывшему Оберъ-прокурору Сената, Скорнякову-Писареву, дать ему способы устроить ихъ наилучшимъ образомъ, и завесть въ Охотскѣ портъ; для чего посланы туда, изъ Якутска рабочіе и посельщики, а отъ Адмиралтействъ-Коллегіи ботовый мастеръ, три штурмана и нѣсколько мастеровыхъ (2). Но вскорѣ за тѣмъ дошла очередь и до остальнаго, до экспедицій въ Японію и Америку, и до описи сѣверныхъ береговъ Сибири. 17-го Апрѣля 1732 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, о вторичной посылкѣ Беринга въ Камчатку, «и по поданнымъ отъ него пунктамъ и предложеніямъ—сказано въ этомъ указѣ—о строеніи тамо судовъ и прочихъ дѣлъ, къ

(1) См. Приложенія.

(2) Указъ 10-го Мая и подробная инструкція 30-го Іюля тогожъ 1731 года, въ Полн. Собр. Зак. т. VIII, № 5753 и 5813.

Государственной пользѣ и умноженію Нашего интереса, и къ тому дѣлу надлежащихъ служителей и матеріаловъ, откуда что надлежитъ отправить, разсмотря, опредѣленіе учинить въ Сенатѣ» (1).

Стеченіе многихъ, счастливыхъ обстоятельствъ, способствовало тогда, не только къ осуществленію предложеній Беринга, но и къ развитію ихъ, въ размѣры гораздо обширнѣйшіе. Царствованіе наступило мирное; въ Государственномъ Кабинетѣ, могущественнымъ членомъ былъ Графъ А. И. Остерманъ, нѣкогда секретарь Адмирала Крюйса, обратившій особенное вниманіе на дѣла флота; въ Сенатѣ, настойчиво хлопоталъ объ экспедиціи, знаменитый ревнитель просвѣщенія, Оберъ-секретарь Кириловъ; въ Адмиралтействъ-Коллегіи, предсѣдательствовалъ умный и дѣятельный Графъ Н. Ѳ. Головинъ, а прокуроромъ былъ, такой же ревнитель просвѣщенія, какъ въ Сенатѣ Кириловъ, Соймоновъ; иноземцы академики, только что образовавшейся Академіи, искали себѣ дѣятельности и страстно желали изучить ихъ новое Отечество; наконецъ, духъ Великаго Петра еще жилъ съ нами, Его начертанія были въ свѣжей памяти, Имъ образованное поколѣніе было готово дѣйствовать.

(1) Полн. Собр. Зак. т. VIII, № 6023.

Въ послѣдовавшихъ за этимъ совѣщаніяхъ Сената, Адмиралтействъ-Коллегіи и Академіи Наукъ, назначеніе экспедиціи, постепенно расширяемое, было наконецъ опредѣлено въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Сената 28-го Декабря того же года, по представленіи, что та экспедиція «дѣйствительно въ пользу Ея Императорскаго Величества и къ славѣ Россійской Имперіи отправлена быть можетъ.»

Дѣло объ устройствѣ Охотскаго края и Камчатки, порученное въ прошломъ году Писареву, теперь хотѣли-было поручить Берингу, и Писареву уже былъ посланъ отказъ, но потомъ раздумали, въ томъ предположеніи, что самому Берингу этимъ некогда будетъ заниматься, и, назначивъ въ Камчатку особаго начальника (Капитана Павлуцкаго, находившагося тамъ съ 1727 года), для всего Охотскаго края положили выбрать «достойнаго,» который выборъ, впослѣдствіи, палъ на тогоже Писарева. Академія, по требованію Сената, поручила своему члену, астроному Іосифу Делилю, составить карту Камчатки и прилежащихъ къ ней странъ, и когда эта карта, съ приличнымъ объясненіемъ, была имъ представлена (1), Сенатъ потребовалъ назначенія

(1) См. въ приложеніяхъ.

одного астронома въ экспедицію, съ студентами, назначивъ въ нее еще пробирныхъ дѣлъ мастера (Гардеболя, бывшаго въ Камчаткѣ съ 1727 года), и съ нимъ двухъ или трехъ «рудознатцевъ.» Изъ академиковъ вызвались два охотника въ экспедицію: Профессоръ химіи и натуральной исторіи Іоганъ Гмелинъ и Профессоръ астрономіи Людовикъ Делиль Де-ла-Кроеръ (братъ Іосифа); потомъ присоединился къ нимъ третій, Профессоръ исторіи и географіи Герардъ Миллеръ. Сенатъ принялъ всѣхъ ихъ, и приказалъ еще выписать изъ Москвы, изъ Славянолатинской школы, двѣнадцать студентовъ, которыхъ и обучать при Академіи для предстоящей экспедиціи. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, разсуждая объ инструкціи Берингу, Сенатъ опредѣлилъ назначить ему въ товарищи другаго Капитана, «добраго, изъ Русскихъ.» Въ тоже время Адмиралтействъ-Коллегія представляла, о необходимости произвести опись всему сѣверному берегу Россіи, и сдѣлала назначеніе въ экспедицію, кромѣ уже выбранныхъ начальниковъ, Беринга, Шпанберга и Чирикова, еще 1 Лейтенанта, 3 Унтеръ-Лейтенантовъ, служителей и солдатъ, всего 157 человѣкъ. Потомъ этотъ штатъ увеличили. Есть еще извѣстіе, будто нѣкоторые члены Адмиралтействъ-Коллегіи представляли, сдѣ-

лать отправленіе экспедиціи моремъ, кругомъ свѣта—первая и очень ранняя у насъ мысль кругосвѣтнаго сообщенія здѣшнихъ портовъ съ восточными моремъ—но неизвѣстно почему именно, хотя и нетрудно угадать причину, это предложеніе отвергнуто(1). Вообще было опредѣлено: Берингу и Чирикову, на двухъ судахъ, идти для провѣданія береговъ Америки; Шпанбергу, съ тремя судами, къ Японіи; прочимъ офицерамъ, на трехъ палубныхъ дубель-шлюпкахъ, изъ рѣкъ Оби и Лены, къ описи сѣверныхъ береговъ, и еще назначить одно или два судна къ описи отъ Архангельска до Оби; осмотрѣть Охотскій берегъ до рѣки Уды, особенно эту рѣку, и если будетъ можно, до Тугура, даже до Амура; послать геодезистовъ для изысканія ближайшаго пути изъ внутренней Сибири къ Охотскому морю, между верховій Лены и Уды. Наконецъ, опредѣлены разныя подробности назначеній, средства и цѣли, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе (2).

Начальникомъ экспедиціи, и вмѣстѣ начальникомъ отряда для плаванія къ Америкѣ, назначенъ, по собственному вызову его,

(1) Ссылаюсь на Берха (Жизнеоп. Адм. II, 238) и Гмелина (Reise durch Sibirien, предисловіе). Самъ я немогъ отыскать этого документа въ архивѣ.

(2) Этотъ докладъ Сената, въ Полн. Собр. Зак. Т. VIII, № 6291.

Капитанъ-Командоръ Берингъ, а ему въ товарищи плаванія, «изъ Русскихъ» именно, Капитанъ-Лейтенантъ Чириковъ; начальникомъ отряда для плаванія къ Японіи, Капитанъ Шпанбергъ, съ которымъ были потомъ опредѣлены Лейтенантъ Вальтонъ и Мичманъ Шхельтингъ; для описи сѣверныхъ береговъ: Лейтенанты Муравьевъ и Павловъ, потомъ смѣненные Малыгинымъ и Скуратовымъ, Овцынъ, работы котораго были продолжаемы Штурманомъ Мининымъ, Прончищевъ и Ласиніусъ, по смерти ихъ замѣненные Харитономъ и Дмитріемъ Лаптевыми. Въ помощь ко всѣмъ имъ: 3 Лейтенанта (Ваксель, Плаутингъ и Ендогуровъ, потомъ Чихачевъ), 4 штурмана, 12 подштурмановъ, ботовый и шлюпочный мастера, 5 лекаря, 9 подлекарей, пасторъ, 6 іеромонаховъ «изъ ученыхъ,» комиссары, шхипера, разные ученики, мастеровые и рядовые нижніе чины, всего до 570 человѣкъ. Отъ Академіи назначены: естествоиспытатель Гмелинъ и историкъ Миллеръ, смѣненные потомъ Штеллеромъ и Фишеромъ, астрономъ Делиль Де-ла-Кроеръ, съ ними 5 студентовъ, 4 геодезиста, къ которымъ въ Сибири присоединялось еще 4, переводчикъ, инструментальный мастеръ, 2 живописца и особый конвой изъ 14 человѣкъ (1). Былъ еще на-

(1) Списокъ см. въ приложеніи.

значенъ, къ нѣкоторой странной должности, «къ сочиненію описи берегамъ и всему пути, гдѣ подлежитъ быть почтамъ и строенію гаваней,» какой-то выходецъ Фридрихъ Штель; но надорогѣ въ Сибирь онъ сошелъ съ ума.

Капитанъ-Командоръ Иванъ Ивановичъ (оффиціальное его имя Витусъ) Берингъ, родомъ Датчанинъ, служившій у насъ около тридцати лѣтъ, отъ Унтеръ-Лейтенантскаго чина, съ 1704 года, слѣдственно весьма пожилой, лѣтъ около шестидесяти, былъ человѣкъ знающій и ревностный, добрый, честный и набожный, но крайне осторожный и нерѣшительный, легко подпадавшій вліянію подчиненныхъ, и потому мало способный начальствовать экспедиціею, особенно въ такой суровый вѣкъ и въ такой неорганизованной странѣ, какою была восточная Сибирь въ началѣ осьмнадцатаго вѣка. Выбранный Петромъ Великимъ въ первую экспедицію, по представленіямъ Сиверса и Сенявина, потому что онъ «въ Ость-Индіи былъ и обхожденіе знаетъ» (1), Берингъ успѣлъ уже выказать въ ней всю свою нерѣшительность. Исполняя одна-

(1) См. документъ, напечатанный въ этой же части Записокъ, въ отдѣленіи смѣси: «Начальный планъ первой Беринговой экспедиціи.»

кожъ рачительно, теперь знакомый съ мѣстностію, предлагавшій новую экспедицію, онъ былъ охотно принятъ начальникомъ оной, хотя и неудостоенъ ни особенною довѣренностію, ни особенными наградами. Произведенный, по возвращеніи изъ первой экспедиціи, по очереди, въ Капитанъ-Командоры, онъ получилъ, въ награду за понесенные въ ней труды, только тысячу рублей денегъ—обыкновенная тогда выдача за всѣ дальнія поѣздки—и теперь просилъ себѣ еще чина Шаутбенахта (Контръ-Адмиралъ), за свою долговременную службу и за бытность въ экспедиціи; Адмиралтействъ-Коллегія представляла объ этомъ въ Кабинетъ Императрицы, но разрѣшенія не послѣдовало (1).

---

(1) Почти тѣми же словами описанная Штеллеромъ личность Беринга, точно такою же является во всѣхъ извѣстныхъ намъ дѣлахъ его. Къ біографическимъ свѣденіямъ о немъ Берха, мы прибавили нѣсколько новыхъ подробностей, изъ документовъ архива. Далѣе, мы еще не разъ будемъ возвращаться къ нему. Въ Сибири, съ нимъ была жена и дѣти (два сына, Томасъ и Юносъ, еще оставлены въ Ревелѣ.) Жена его, Анна Матвѣевна, барыня молодая и бойкая, кажется, оставалась не безъ вліянія на его дѣла: извѣстно покрайней мѣрѣ, что въ слѣдствіе сдѣланныхъ на нее доносовъ, указомъ Сената 25-го Сентября 1738 года, было опредѣлено: «для осмот-

Назначенный ему въ товарищи плаванія, бывшій младшимъ офицеромъ въ первой экспедиціи, теперь Капитанъ, Алексѣй Ильичъ Чириковъ, былъ лучшимъ офицеромъ своего времени, краса и надежда флота, умный, образованный, скромный и твердый, человѣкъ, въ которомъ «морская служба не могла ожесточить чувствительное сердце,» по свидѣтельству Миллера. Выпущенный изъ Морской Академіи въ 1721 году, за отличіе прямо въ Унтеръ-Лейтенанты, черезъ

ра ѣдущихъ изъ Сибири, Капитанъ-Командора Беринга жены, такожъ и всѣхъ другихъ по экспедиціи людей, пожитковъ, опредѣлить надежнаго человѣка....»—Осмотрѣнная на границахъ Сибири, оказалось дѣйствительно, что она везла подозрительное множество мѣховъ и матерій, но въ Москвѣ, самовольно распечатала свои, запечатанныя таможнею вещи, сдѣлала кое-кому подарки, и ускакала въ Петербургъ, отвѣчая досмотрщикамъ, что она «не вѣдомства Сибирскаго, а житель Петербургскій.» Въ 1744 году, когда она просила вдовскаго, единовременно, мужнина жалованья, ей было 39 лѣтъ; а въ 1750 г., ходатайствуя уже о пансіонѣ, она писала что ей *больше сорока* лѣтъ. Какъ характеристическую черту самого Беринга, привожу здѣсь увѣщательныя, истинно отеческія слова, говореныя имъ Лейтенанту Плаутингу, тогда (въ 1738 году) ссорившемуся съ начальникомъ Охотскаго порта, Писаревымъ: «Ты самъ знаешь, больше моего, каковъ Пи-

чинъ Мичмана, занимавшійся, сперва на флотѣ, потомъ въ Академіи, обученіемъ гардемариновъ, онъ былъ представленъ Петру Великому тѣми же Сиверсомъ и Сенявинымъ, для посылки въ первую экспедицію, вмѣстѣ съ четырьмя другими офицерами (Шпанбергъ, Звѣревъ, Косенковъ и Лаптевъ), которымъ, писали они, «оная экспедиція годна.» Назначенный тогда вмѣстѣ съ Шпанбергомъ подъ команду Беринга, и произведенный при этомъ (1725 г.), опять не въ очередь, за от-

---

саревъ! Лучше кажется, когда бѣшеная собака бѣжитъ, то отойти отъ нея; не тронь другихъ кусаетъ, а намъ дѣла нѣтъ.... Ты упрямишься, а самъ кругомъ виноватъ, и спѣсивишься, надѣяся, что ты офицеръ и будто нельзя тебя штрафовать. А ежелибъ у Капитана-Командора Вильбоа такъ не послушалъ, то бы давно тебя оштрафовали, и не посмотрѣли бы что ты офицеръ. Не знаю, въ какихъ ты слабыхъ командахъ служилъ, что столько упрямъ. Опомнись и побереги себя, ежели жаль голову... Никто своего счастія не запастъ. Можетъ быть ты будешь Адмираломъ, какъ нынѣ произошелъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ (тогдашній Президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи), а прежде сего былъ у меня въ командѣ Подпоручикомъ. Посмотри же на Шафирова! Нынѣ видишь какую честь получилъ, какъ по письмамъ слышно! И Писарева счастье закрыто....» И проч.

Свою кончину Берингъ нашелъ въ этой же экспедиціи, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи.

личіе, въ Лейтенанты, онъ уже успѣлъ оказать въ этой экспедиціи благоразумную твердость своими совѣтами, и по возвращеніи, въ 1730 г., вознагражденъ слѣдующимъ чиномъ Капитанъ-Лейтенанта. Черезъ два года, при перемѣнѣ штатовъ (Января 1733 г.), по ваканціи, впрочемъ тоже «не по старшинству, а по знанію и достоинству,» возведенъ въ Капитаны. Назначая его въ настоящую экспедицію, Адмиралтействъ-Коллегія, «утверждалась на немъ, по искуству его, не безъ надежды въ той экспедиціи добраго плода, чего ради въ общій совѣтъ во всѣхъ отправленіяхъ съ Капитанъ-Командоромъ Берингомъ сообщенъ,» и предполагала произвести его «для куражу» въ слѣдующій чинъ; но какъ онъ, между тѣмъ, уже былъ произведенъ, по поводу измѣненій штатовъ, то ограничилась только опредѣленіемъ ему старшинства предъ произведенными по штатамъ, чѣмъ онъ повысился покрайней мѣрѣ на десять человѣкъ, и сталъ непосредственно подъ Шпанбергомъ. Находясь, во время его назначенія въ настоящую экспедицію, въ Казани, куда посланъ въ Іюлѣ 1732 года, для разбора лѣсовъ и составленія штатовъ, онъ возвратился въ С. Петербургъ только предъ самымъ отправленіемъ экспедиціи, въ Февралѣ 1733 года, и подалъ весьма важныя

замѣчанія на приготовленную инструкцію, которыми та и была исправлена (1).

Третіе начальственное лице экспедиціи,

(1) Личность Чирикова, и даже его служба, доселѣ были очень мало извѣстны. Къ короткимъ свѣдѣніямъ о его службѣ, сообщеннымъ Берхомъ, мы тоже прибавили нѣсколько новыхъ и, кажется, довольно важныхъ подробностей; о личности его знаемъ по дѣламъ и письмамъ. Въ статьѣ «Первая Камчатская экспедиція,» помѣщенной въ VIII ч. этихъ Записокъ, уже было показано, какой прекрасный совѣтъ тогда подавалъ онъ Берингу; далѣе, увидимъ его превосходство въ настоящемъ плаваніи. По его пріѣздѣ въ С. Петербургъ изъ Казани, онъ представлялъ, между прочимъ, что въ одномъ пунктѣ инструкціи написано, чтобы слѣдовать къ Американскимъ берегамъ до Мехиканской провинціи, слѣдственно отъ Камчатки на SO, а въ другомъ до 67° сѣверной широты, и выше, слѣдовательно на NO; то «сомнительно будетъ, куда идти отъ Камчатскаго устья, между N и O или между S и O;» и потому предложилъ, чтобы границею изслѣдованій Американскаго берега, опредѣлить 50—65° широты, ибо южнѣе, «для одного увѣдомленія о Америкѣ», идти не зачѣмъ, а сѣвернѣе обслѣдуетъ тотъ офицеръ, которому назначено обогнуть Чукотскій носъ, слѣдуя съ устья Лены; притомъ, все назначенное для изслѣдованія пространство, не будетъ никакой возможности обойти въ одно лѣто. Согласно этому, инструкція и была исправлена. (Ср. инструкціи: Сената, 23 Дек. 1732 г. и Адм.-Коллегіи, 28 Февраля 1733 г., послѣдняя не напечатана.) Прочіе пункты его предложеній состояли въ томъ, чтобы: 1.) Для пла-

Капитанъ Мартынъ Петровичъ Шпанбергъ, одноземелецъ Беринга, Датчанинъ, неизвѣстно когда поступившій въ нашу службу,

ванія въ Сѣверномъ морѣ, тому офицеру, которому назначенъ участокъ отъ Лены къ востоку, кругомъ Чукотскаго носа, вмѣсто дубель-шлюпки построить палубный ботъ, и въ первое лѣто назначить ему дойти только до Колымскаго устья, и завести туда провіантъ. Принято. (Тамъ-же). 2.) Пакетботы для плаванія къ Америкѣ построить въ Охотскѣ, ежели тамъ сыщется годный лѣсъ, а не въ Камчаткѣ, какъ было опредѣлено въ началѣ. Принято. (Тамъ-же). 3.) Предложилъ разные способы къ лучшей перевозкѣ провіанта и припасовъ изъ крайнихъ Сибирскихъ предѣловъ къ Охотску. Тоже отчасти принято. (Дополн. инстр. Сената, 16 Марта 1733 г.) Весьма замѣчательно, что въ кляузныхъ дѣлахъ этой экспедиціи, которой всѣ члены перессорились между собою и чернили другъ друга въ доносахъ, имя Чирикова остается почти неприкосновеннымъ; мы не нашли на него ни одной жалобы. Въ Сибири, съ нимъ были жена и дочь. По возвращеніи изъ экспедиціи, Чириковъ проживалъ, до 1746 года, въ Енисейскѣ, больной, въ чахоткѣ. Въ 1746 году, вызванный оттуда, прибылъ въ С.Петербургъ, и сначала, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, опредѣленъ присутствующимъ въ Академической экспедиціи, а потомъ, въ Маѣ, присутствующимъ же въ Москвѣ, при управленіи тамошнихъ адмиралтейскихъ дѣлъ. Въ это время онъ представилъ, по требованію, нѣсколько весьма важныхъ предположеній по предмету настоящей экспедиціи, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе. Въ 1747 году, онъ былъ представленъ Императрицѣ. Скончался въ 1749 году, въ чинѣ Капитанъ-Командора.

но уже участвовавшій въ первой экспедиціи старшимъ офицеромъ, былъ человѣкъ безъ образованія, грубый и жестокій до варварства, жадный къ пріобрѣтеніямъ, однакожъ хорошій практическій морякъ, горячій и дѣятельный. Молва о немъ разнеслась по всей Сибири, и долго хранилась въ народной памяти. Напуганные его самовольствомъ и дерзостію, Сибиряки видѣли въ немъ, нѣкоторые «Генерала,» другіе «бѣглаго каторжника,» всегда сопровождаемаго огромною собакой, которою, говорили, при случаѣ онъ травилъ оскорблявшихъ его. «Чести великій любитель,» по отзыву Чирикова; «козырь,» по выраженію подчиненныхъ— «Нашъ батюшко Мартынъ Петровичъ козырь,» говорили они, съ ироническою ему похвалою. Русскимъ языкомъ онъ плохо владѣлъ. Произведенный въ Капитанъ-Лейтенанты, кажется, еще во время первой экспедиціи, теперь онъ былъ Капитаномъ, наровнѣ съ Чириковымъ, но по списку выше его (1).

---

(1) О Капитанѣ Шпанбергѣ, было извѣстно еще менѣе; за то дѣла настоящей экспедиціи, особенно частныя и кляузныя, полны его именемъ. Жалобъ на его грубости, дерзости и жестокости, множество; его лихоимство, на которое тоже были жалобы, подтверждается распродажею въ Сибири его вещей, въ числѣ которыхъ много чистыхъ товаровъ, какъ напр.

О прочихъ офицерахъ экспедиціи мы не многое можемъ сказать, да и личности ихъ не возбуждаютъ такого участія: Лейтенантъ Вальтонъ, сопутникъ Шпанберга, Англичанинъ, только за два года принятый въ нашу службу; другой его сопутникъ, Мичманъ Шхельтингъ, сынъ Шаутбенахта Петровскаго, Голландца, юноша двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, тоже только за два года опредѣленный во флотъ. Производившіе опись сѣвернымъ берегамъ: Лейтенантъ Ласиніусъ, старшій всѣхъ другихъ по списку, назначенный въ главный участокъ, къ востоку отъ Лены, былъ Датчанинъ, также незадолго предъ экспедиціею принятый въ нашу службу, «искусный и опытный» офицеръ, по словамъ

сотни аршинъ сукна, сотни платковъ, и цѣлые табуны заведенныхъ имъ лошадей. Съ нимъ также были въ Сибири жена и сынъ, сопровождавшій его въ море. Въ С. Петербургъ онъ возвратился изъ Сибири самовольно, въ 1745 году; былъ за это арестованъ и преданъ суду, который присудилъ его «къ смертной казни,» а между тѣмъ судился за другія дѣла, по жалобамъ на его притѣсненія и лихоимства. Освобожденъ, кажется, по ходатайству о немъ Датскаго Посланника, принявшаго въ немъ участіе, какъ въ Датскомъ подданномъ. Въ 1749 году, командуя новопостроеннымъ кораблемъ, по выходѣ за Архангельскій баръ, онъ опрокинулся съ нимъ, былъ опять судимъ, и оправданъ. Скончался въ 1761 году, въ чинѣ Капитана 1-го ранга.

Гмелина; смѣнившій его потомъ Лейтенантъ Дмитрій Яковлевичъ Лаптевъ, тоже старый Лейтенантъ, рекомендованый Петру Великому для первой экспедиціи, человѣкъ замѣчательный по уму и твердости; Прончищевъ, посланный на западъ отъ Лены—участокъ, оказавшійся столько же труднымъ, какъ и первый—также «искусный и опытный,» по словамъ Гмелина, былъ собственно штурманъ, получившій Лейтенантскій рангъ при отправленіи въ экспедицію; заступившій его мѣсто Лейтенантъ Харитонъ Прокофьевичъ Лаптевъ, двоюродный братъ Дмитрія, еще молодой офицеръ, только при его назначеніи въ экспедицію (въ 1737 г.) произведенный въ Лейтенанты, также замѣчательный умомъ и твердостію, оставившій записки о его путешествіи; Лейтенантъ Дмитрій Леонтьевичъ Овцынъ, производившій опись отъ устья Оби къ востоку, изъ штурмановъ, знающій и бойкій, разжалованный потомъ въ матросы, по обстоятельствамъ постороннимъ настоящему дѣлу, служившій еще съ Берингомъ въ его плаваніи къ Америкѣ; продолжавшій его работы, Штурманъ Мининъ, человѣкъ безпорядочнаго поведенія, разжалованный за это въ матросы; Лейтенанты Муравьевъ и Павловъ, начавшіе опись съ Бѣлаго моря до Оби, оказались нерадивыми и буйными, также разжало-

ваны въ матросы, и замѣнены Малыгинымъ и Скуратовымъ; Степанъ Гавриловичъ Малыгинъ, товарищъ Чирикова по выпуску изъ Академіи, 1721 г., выпущенный въ Унтеръ-Лейтенанты, теперь Лейтенантъ «Маіорскаго ранга,» офицеръ свѣдующій, авторъ книги «Сокращенная навигація по картіе-дередюксіонъ,» но жестокій въ обращеніи съ подчиненными. Изъ подкомандныхъ офицеровъ, Ендогуровъ и посланный позже, Чихачевъ, были настоящіе Лейтенанты; Ваксель и Плаутингъ, собственно штурмана въ рангѣ Лейтенантскомъ. Вообще, изъ флотскихъ офицеровъ, половина была иностранцевъ; но штурмана, кромѣ упомянутыхъ двухъ и еще Эзельберга, также всѣ другіе чины, исключая лекарей, все Русскіе.—Было опредѣлено всѣхъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ, выбирать исключительно *изъ Русскихъ, а не изъ иноземцевъ*, но предпочитая «охотниковъ.» А какъ оба главные начальника, Берингъ и Шпанбергъ, были не Русскіе, притомъ довольно невыгодно зарекомендовавшіе себя первою экспедиціею—одинъ излишнею мягкостію, другой излишнею суровостію—третій же начальникъ, Чириковъ, назначенный позже и бывшій въ отсутствіи, не могъ принимать участія въ наборѣ; то число охотниковъ, кажется, не было великое: нѣкоторые изъ Русскихъ от-

казывались отъ назначенія, и были принимаемы другіе вмѣсто ихъ, иностранцы (1).

Въ нравахъ офицеровъ этой экспедиціи вообще, Русскихъ и иностранныхъ, замѣчается нѣкоторая грубость—это отраженіе вѣка; въ нѣкоторыхъ, въ низшихъ особенно, проявляются постыдныя наклонности къ вину, къ взяткамъ и тяжбамъ—явленія конечно случайныя; но особенно грустно и бѣдственно было недружелюбіе почти всѣхъ членовъ экспедиціи, почти во все время ея продолженія. Не знаемъ, чему приписать его: нравамъ-ли, мѣстности-ли, стеченію-ли обстоятельствъ, или слабости начальника? Но оно затемняло и унижало прекрасные подвиги мужества, терпѣнія и труда; ослабляло силы и способствовало неудачамъ.

Изъ Академиковъ, Миллеръ и Гмелинъ, оба молодые, первый 28, второй 24 лѣтъ, просвѣ-

(1) Изъ числа выбранныхъ и отказавшихся, извѣстны намъ: Лейтенанты Фастингъ, Путиловъ и Лопухинъ, Мичманъ Опочининъ, Штурманъ Валуевъ; въ числѣ охотниковъ: Лейтенанты Вальтонъ и Ласиніусъ, Мичманъ Шхельтингъ, Штурмана Ваксель и Плаутингъ (пропзведенные въ Лейтенанты), Эзельбергъ, Елагинъ и два подштурмана. По охотѣ ли поступили всѣ другіе изъ назначенныхъ, не знаемъ навѣрное. Впослѣдствіи (въ 1738 г.) по охотѣ еще поступили: Лейтенанты Х. Лаптевъ и И. Чихачевъ, да еще просился Мичманъ Акинфовъ.

щенные и страстные къ наукѣ Германцы, выѣхавшіе въ Россію за семь и за пять лѣтъ, одинъ Докторъ медицины, Профессоръ химіи и естественной исторіи, другой Профессоръ исторіи и географіи, оба пріобрѣтшіе впослѣдствіи большую знаменитость. Астрономъ Делиль-де-ла-Кроеръ былъ человѣкъ тоже образованный, но въ своемъ предметѣ не великій мастеръ, любившій хорошо пожить и вышить; онъ былъ братъ знаменитаго астронома Іосифа Делиля, Людовикъ (1).

Такъ какъ экспедиція предстояла «самая дальняя и трудная, и никогда прежде небывалая,» то всѣмъ отправлявшимся въ нее, опредѣленъ двойной окладъ жалованья, и кромѣ того всѣ обнадежены, по возвращеніи, «милостивымъ награжденіемъ» Императрицы.

---

(1) Гмелинъ, вскорѣ по возвращеніи изъ экспедиціи, уѣхалъ на свою родину, въ 1749 году совсѣмъ уволенъ отъ нашей службу, и въ 1755 г. скончался. Миллеръ, сдѣланный въ 1747 Исторіографомъ, съ 1754 по 1765 г. былъ Конференцъ-Секретаремъ Академіи, въ 1765 г. назначенъ начальникомъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ, а съ 1766 г. завѣдующимъ Московскимъ архивомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; умеръ въ 1783 году. Де-ла Кроеръ, скончавшійся въ настоящей экспедиціи, въ 1741 году, прежде вступленія въ нашу Академію, по свидѣтельству Миллера, семнадцать лѣтъ служилъ въ войскахъ Короля Французскаго въ Канадѣ.

28-го Февраля 1733 года, даны инструкціи Адмиралтействъ-Коллегіи, по содержанію согласныя въ вышеприведенною Сенатскою, 28-го Декабря 1732 года, но съ поправками по представленіямъ Чирикова; 16-го Марта, дана дополнительная отъ Сената инструкція, заключавшаяся, главнѣйше, въ наставленіяхъ объ учрежденіи корресподенціи, заготовленіи и перевозкѣ припасовъ и провизіи (1). Отправленія экспедиціи начались еще въ Февралѣ мѣсяцѣ.

Остановимся теперь на главнѣйшихъ подробностяхъ инструкцій, Сенатскихъ, Адмиралтейскихъ и Академическихъ.

Капитанъ-Командору Берингу и Капитану Чирикову было повелѣно, построивъ въ Охотскѣ или на Камчаткѣ, гдѣ найдется удобнѣе, два судна, пакетботы, идти «по предложенію и мнѣнію Профессора (Лакроера) и по ихъ общему разсужденію,» не разлучаясь,

(1) Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 6351. Инструкціи подписали: Сенатскую—А. Ушаковъ, Кн. И. Трубецкой, Гр. М. Головкинъ, В. Новосильцовъ, Оберъ-секретарь И. Кириловъ; Адмиралтейскую—Вице-Адмиралы Н. Ѳ. Головинъ и Н. А. Сенявинъ, Контръ-Адмиралы Кн. М. М. Голицынъ, П. П. Бредаль, В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, Капитанъ-Командоры З. Д. Мишуковъ, Т. Транъ, Кн. В. Урусовъ, А. И. Головинъ, Прокуроръ И. Козловъ (Соймоновъ, въ Январѣ мѣсяцѣ, получилъ другую должность).

«для обысканія Американскихъ береговъ, дабы они всеконечно извѣстны были,» полагавшихся недалеко противъ Камчатки, извѣстныхъ, на сѣверѣ, противъ Чукотскаго носа, по объявленіямъ Павлуцкаго, сообщившаго мѣстные слухи, а на югѣ по картѣ Делиля, отъ 45° широты до Испанскихъ владѣній въ Мехикѣ; и когда достигнутъ, «на оныхъ побывать и развѣдать подлинно, какіе на нихъ народы и какъ то мѣсто называютъ, и подлинноль тѣ берега Американскіе;» потомъ слѣдовать подлѣ нихъ «сколько время и возможность допуститъ, по своему разсмотрѣнію, дабы къ Камчатскимъ берегамъ могли по тамошнему климату возвратиться; и въ томъ у него (Беринга) руки не связываются, дабы оной бояжъ учинился не безплодной, какъ и первой» (1); на возвратномъ пути осматривать встрѣчающіяся земли и острова, «и

---

(1) Здѣсь я долженъ сдѣлать весьма важную оговорку, относительно послѣдняго выраженія. Во всѣхъ спискахъ этой инструкціи (дѣло идетъ о данной Адмиралтействъ-Коллегіею), хранящихся въ архивѣ, сказано: «дабы оной вояжъ *не* учинился не безплодной.» Это обстоятельство подало мнѣ поводъ утверждать два раза (въ Сѣв. Пчелѣ 1849 г. № 98 и въ Зап. Гидрографическаго Департамента ч. VIII, стр. 554), что Адм.-Коллегія считала эту первую экспедицію *безплодною*.—Основываясь, въ моихъ суж-

содержать себя во всякой опасности, чтобъ не впасть въ какія (иностранныя) руки и непоказать имъ къ себѣ пути.» Если въ одно лѣто не успѣютъ выполнить назначенія, то не дожидаясь указа, слѣдовать туда же въ слѣдующіе. Впрочемъ, все велѣно «чинить имъ съ общаго согласія.»

Капитану Шпанбергу, на трехъ, построенныхъ тоже въ Охотскѣ или Камчаткѣ судахъ, одинъ ботъ и двѣ дубель-шлюпки, слѣдовать «ради обсерваціи и изысканія пути до Японіи,» и вопервыхъ, осмотрѣть и описать, «сколько возможность допуститъ,» Курильскіе острова, «изъ коихъ, нѣсколько уже было во владѣніи Россійскомъ,» и ежели на нихъ найдутся жители, «то съ ними поступать ласково, и ничѣмъ не злобить, и нападенія никакого и не дружбы не показывать,» а только разузнавъ все обстоятельно, буде которые сами пожелаютъ вступленіяхъ о ней, не на этомъ одномъ выраженіи, и оставаясь при прежнемъ о ней убѣжденіи, спѣшу исправить совершенно невольную ошибку, документомъ теперь только отысканнымъ, подлиннымъ *опредѣленіемъ* Адм.-Коллегіи, 16-го Февраля 1733 года, по которому была написана самая инструкція, и въ которомъ приводимое здѣсь выраженіе написано, какъ здѣсь передается, безъ *не* при словѣ «учинился», потому дающее совсѣмъ иной смыслъ, совершенно одобрительный Берингу.

*

пить въ подданство, то такихъ принимать, не требуя однакожъ ясаку; потомъ, не мѣшкая много, идти къ самой Японіи, развѣдывать о ея состояніи и портахъ, остерегаясь также, чтобъ не попасть въ руки Японцамъ, и всѣми мѣрами стараться расположить ихъ къ себѣ, «дабы своею дружбою ремогать ихъ застарѣлую Азіятскую нелюдность.» Ежели, бывшіе тогда занесенными бурею въ Камчатку, Японцы еще не отправлены въ свое отечество, то отвезти ихъ туда, и воспользоваться настоящимъ случаемъ какъ предлогомъ, для объясненія своего прихода. Чего не успѣютъ сдѣлать въ одно лѣто, то также доканчивать въ слѣдующее; обо всемъ рапортовать Берингу.

Опись сѣверныхъ береговъ, предназначавшаяся «для подлиннаго извѣстія, есть ли соединеніе Камчатской земли съ Америкою, такожъ имѣется ль проходъ Сѣвернымъ моремъ,» распредѣлена на слѣдующіе участки: отъ Архангельска до устья Оби—отрядъ, принятый Адмиралтействъ-Коллегіею подъ свое непосредственное вѣдомство—на двухъ судахъ, кочахъ; отъ Оби до Енисея, на одномъ суднѣ, дубель-шлюпкѣ; отъ устья Лены, на западъ къ Енисею, и на востокъ къ Колымѣ и далѣе, если будетъ возможность къ Камчаткѣ, два судна, дубель-шлюпка и

ботъ. Судну, назначенному слѣдовать на востокъ, если откроется, что Сибирскій берегъ сошелся съ Американскимъ, идти подлѣ него «сколько возможно,» стараясь узнать, какъ далеко за нимъ восточное море; а ежели такого соединенія не встрѣтятъ, то «отнюдь назадъ не возвращаться, а обходить уголъ и придти до Камчатки.» Ему еще приказывалось осмотрѣть островъ противъ Колымскаго устья, «о которомъ разглашено якобъ земля великая,» и ежели тамъ найдутся жители и «самоизвольно пожелаютъ идти въ подданство,» то принять. Эти послѣдніе три отряда, ввѣрялись въ непосредственное распоряженіе Беринга, и ему предоставлено назначеніе на нихъ начальниковъ. Срокъ плаваній опредѣлялся тоже въ два лѣта.

Для вспомоществованія въ этихъ трудныхъ плаваніяхъ, было приказано мѣстнымъ Сибирскимъ властямъ: постановить по всему сѣверному берегу маяки, которые зажигать во все время плаванія; построить въ устьяхъ рѣкъ магазины, и завезти въ нихъ провизію; объявить кочующимъ инородцамъ и промышленникамъ, чтобы они всѣми мѣрами старались помогать экспедиціи; и еще послать предварительно геодезистовъ, для обзора и составленія картъ этимъ берегамъ. Но всѣ эти

прекрасныя мѣры, по недоступности и пустотѣ края, оказались неудобоисполнимыми: плавателямъ, большею частію, самимъ приходилось строить магазины и ставить маяки, посылая своихъ геодезистовъ для описей.

Очень важнымъ считалось отысканіе способнаго пути къ Охотскому морю, «не заходя въ Якутскъ,» по южнымъ предѣламъ Сибири, къ рѣкѣ Удѣ, которую почему-то считали судоходною, пути «хотя-бы для легкихъ посылокъ и пересылокъ писемъ.»

Также изслѣдованія Охотскаго берега до Уды, и этой рѣки, о которой «обносится, что на строеніе морскихъ судовъ лѣсу довольно и земля богатая;» потомъ Тугура, «на которомъ бывалъ Россійскій острогъ;» и наконецъ, до Амурскаго устья, «а далѣе, хотябъ и противности ни отъ кого не было, не слѣдовать, дабы не впасть у Китайцевъ въ подозрѣніе.» Велѣно еще осмотрѣть, тутъ же лежащіе, Шантарскіе острова, о которыхъ говорили, «что на нихъ соболей довольно.»

Ко всему этому, уже предъ окончаніемъ экспедиціи, въ 1739 году (указъ 25-го Сентября) прибавлено: обстоятельнѣйшее изслѣдованіе береговъ Камчатки и всего Камчатскаго (Охотскаго) моря.

Во всѣхъ этихъ путешествіяхъ опредѣлено:

когда случай и возможность допустять, посылать осматривать «не найдутся ли гдѣ богатые металлы и минералы,» и замѣчать, гдѣ есть хорошія гавани, съ лѣсами годными на строеніе.

Академикамъ Гмелину и Миллеру назначалось: изслѣдованіе внутренней Сибири и Камчатки, въ естественномъ и историческомъ отношеніяхъ, помогая другъ другу въ ихъ разнородныхъ предметахъ занятій, и производя, съ помощію геодезистовъ, общегеографическія описанія; Де-ла-Кроеру, съ опредѣленными къ нему собственно, нѣсколько лѣтъ обучавшимися при С. Петербургской Академической обсерваторіи, студентами Красильниковымъ и Поповымъ, назначено производить астрономическія опредѣленія и физическія изслѣдованія по всему пути по Россіи, завѣдывать всѣми геодезическими описями, и сопровождать Беринга въ его плаваніи къ Америкѣ. Предоставляя имъ всѣмъ всевозможную независимость и свободу дѣйствій, предписывая давать имъ всѣ средства къ лучшему исполненію ихъ обязанностей, морскому начальству опредѣлено только «совѣтоваться» съ ними, въ случаяхъ требующихъ ихъ совѣтовъ. Для нихъ были открыты всѣ архивы, и мѣстнымъ властямъ приказано до-

ставлять имъ всѣ требуемыя свѣденія, проводниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ.

Относительно средствъ, экспедиція, снабженная необходимыми инструментами и припасами въ С. Петербургѣ, многія другія вещи должна была получить на пути по Россіи, въ городахъ Нижнемъ, Казани, Тобольскѣ, и вообще, провизіею и громоздкими припасами, довольствоваться изъ Сибирскихъ городовъ, на которые возложено также доставленіе рабочихъ, судовъ и лошадей подъ перевозку. Предполагалось учредить, собственно для нуждъ экспедиціи, малые желѣзные заводы около Якутска и Иркутска; также велѣно отыскивать для этого удобное мѣсто около Охотска. Въ Охотскѣ, вываривать соль изъ морской воды, для чего туда посланы мѣдные котлы. Въ Камчаткѣ сидѣть вино, изъ мѣстной сладкой травы (sphond. foliolis). Въ помощь завезеннаго провіанта, покупать оленье мясо, рыбу и рыбій жиръ. О вспомоществованіи экспедиціи всѣмъ для нея нужнымъ, посланы указы Сибирскимъ властямъ, и было опредѣлено послать въ Якутскъ нарочныхъ офицеровъ, «которые-бъ съ тамошними командирами имѣли въ скоромъ отправленіи экспедиціи общее стараніе, и исправясь, провіантъ и прочее отправлять въ путь со всякимъ по-

спѣшеніемъ, дабы оные въ Охотскѣ, по прибытіи Кап. Командора Беринга, были въ готовности, чтобъ въ вышеписанномъ вояжѣ не могло быть ни въ чемъ остановки.» На подарки инородцамъ, было отпущено экспедиціи 2000 руб. Для скорѣйшей корреспонденціи, велѣно учредить постоянную почту между Москвою и Тобольскомъ, и условиться на мѣстѣ объ установленіи посылокъ между Тобольскомъ и Якутскомъ, по одному разу въ мѣсяцъ, а между Якутскомъ и Охотскомъ по два раза.

Инструменты морскихъ офицеровъ, кромѣ обыкновенно-употреблявшихся въ мореплаваніи, состояли главнѣйше въ квадрантахъ, градштокахъ и ноктурналахъ; у геодезистовъ были астролябіи и мѣрительныя цѣпи. Собственно Академикамъ, было предоставлено выбрать изъ библіотеки всѣ нужныя имъ книги, и купить имъ на счетъ казны, по предметамъ занятій, всѣ требующіеся инструменты и припасы; астрономъ Де-ла-Кроеръ везъ съ собою цѣлый арсеналъ инструментовъ (1).

---

(1) Помѣщаемъ списокъ ихъ:
1 квадрантъ въ $1^1/_2$ ф. въ радіусѣ.
2 стѣнныхъ часовъ съ висячими маятниками.
1 эквинокціальныя солнечныя часы, въ 8 ф.
1 невтоніанова труба.

Вообще, поставляя цѣлію экспедиціи, распространеніе владычества Россіи и пріобрѣтеніе полезныхъ свѣденій, полныя заботливости о исполнителяхъ, эти инструкціи написаны въ духѣ кротости и человѣколюбія: строжайше запрещено дѣлать насилія и обиды, или принуждать, на открываемыхъ земляхъ, народовъ въ подданство; а «когда счастіемъ Ея Императорскаго Величества, найдутъ острова и земли новыя, неподвластныя никому, и на нихъ народы, по силѣ Е. И. В.

---

4 трубы въ 15, 13, 7 и 5 футовъ.
1 инклинаторъ.
1 деклинаторъ.
5 астролябій или теодолитовъ.
1 большой компасъ, съ нѣсколькими иглами.
1 большой компасъ въ 9 ф.
1 морской компасъ.
1 компасъ въ $1^1/_2$ ф.
20 термометровъ.
27 барометровъ.
7 геогрометровъ.
1 мѣдный шаръ для замѣчанія долготы простаго пендула.
1 мѣрительная цѣпь.
1 магнитъ.
1 готовальня.

Въ Тобольскѣ онъ получилъ еще другой квадрантъ (посланный туда, вѣроятно, съ геодезистами), но въ дурномъ состояніи.

Нѣкоторыя подробности объ этомъ, см. еще въ Зап. Гидр. Деп. VII, 537 42.

Высокаго указа, прилежнымъ вашимъ стараніемъ подданство примутъ, съ такими поступать ласково и никакого свирѣпства не показывать и жестокостію не поступать....» Замѣчено еще, на предложеніе Беринга, полагавшаго въ морѣ, за недостаткомъ своихъ судовъ, захватывать встрѣчаемыя Японскія, чтобы этого «отнюдь не чинить.»

Наконецъ—и это весьма важно, гибельныя послѣдствія этого мы увидимъ вскорѣ—власть начальника, и то уже стѣсняемая общими Государственными законами, дѣйствовавшими тогда во всей силѣ, по которымъ никакія важныя начинанія онъ не долженъ былъ предпринимать безъ совѣта съ своими ближайшими подчиненными, Берингу еще особенно предписывалось, кромѣ вышеуказаннаго совѣщанія съ его товарищемъ по походу къ Америкѣ, Чириковымъ, во всѣхъ дѣлахъ экспедиціи какого-либо значенія, поступать по совѣту съ его офицерами и, по надобности, обращаться къ Академикамъ.—Человѣкъ воли болѣе твердой, духа болѣе рѣшительнаго, конечно, личнымъ своимъ вліяніемъ, смогъ бы преодолѣть возникавшія чрезъ это затрудненія, могъ бы нравственно покорить себѣ своихъ подчиненныхъ, даже до безотвѣтственности съ ихъ стороны, даже до самопожертвованія.

Но Берингу это было гибельно: онъ безпрестанно запутывался и падалъ въ этихъ сѣтяхъ, скорбѣлъ, унывалъ и слабѣлъ духомъ.... Подобныя ограниченія произвола, впрочемъ, были опредѣлены и для всѣхъ другихъ отдѣльныхъ начальниковъ. Нѣкоторые пользовались ими, другіе преодолѣвали ихъ.

Замѣтимъ еще, что Берингу предоставлялось важное право: лишать чиновъ (по суду разумѣется) и производить въ чины, даже офицерскіе.

Нечего и говорить о томъ, что по всеобщему обычаю того времени, настоящая экспедиція была въ высочайшей степени *секретною*, и оффиціальныя инструкціи начальникамъ, на случай ихъ встрѣчи съ иностранцами, были даны иного содержанія: именно, что посланы, во исполненіе воли покойнаго Императора Петра Великаго, для узнанія соединяется ли Азія съ Америкою — вопросъ не рѣшенный еще первою экспедиціею.

Отправленіе экспедиціи началось, какъ мы говорили выше, въ Февралѣ 1733 года. Ѣхали въ страну пустынную и далекую, ѣхали на долго—уже Адмиралтействъ-Коллегія разсчитывала продолжительность экспедиціи на шесть лѣтъ—многіе навсегда ѣхали, потому почти всѣ офицеры, и даже нѣкоторые

нижніе чины, везли съ собою свои семейства, женъ и дѣтей.

Первыми отправились въ Казань, для нужныхъ тамъ приготовленій, Лейтенантъ Овцынъ и Шхиперъ Бѣлый; потомъ выѣхалъ Шпанбергъ, съ десятью при немъ мастеровыми, посланный въ Сибирскіе города, и особенно въ Охотскъ, для предварительныхъ построекъ; Чириковъ отправился въ Москву, по собственной надобности, обѣщая присоединиться къ экспедиціи въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ Мартѣ, стали выѣзжать, партіями, всѣ остальные члены экспедиціи, и за ними потянулись обозы съ необходимѣйшими припасами изъ здѣшняго Адмиралтейства; уже въ Августѣ мѣсяцѣ, поѣхали Академики съ геодезистами и студентами.

Главный караванъ морской экспедиціи, до Твери слѣдовалъ на подводахъ; отъ Твери до Казани Волгою; отсюда опять на подводахъ, до Тобольска, въ которомъ зазимовали.

Весною слѣдующаго 1734 года, отправленъ отсюда, на построенной въ теченіи зимы дубель-шлюпкѣ, Лейтенантъ Овцынъ, для описи береговъ по Оби и отъ устья ея на востокъ къ Енисею. Обозъ экспедиціи, значительно увеличившійся забранными на пути и здѣсь припасами, тогда же пошелъ,

подъ начальствомъ Капитана Чирикова, рѣками Иртышемъ, Обью, Кетью, Енисеемъ, Тунгузскою и Илимомъ, до Илимска, откуда, по переправѣ на верховьѣ Лены, къ Усть-куту, сплавленъ въ Якутскъ уже въ половинѣ лѣта слѣдующаго 1735 года. Самъ Берингъ, съ частію команды и нѣкоторыми легкими вещами, поѣхалъ изъ Тобольска сухимъ путемъ, на Тару, Енисейскъ Иркутскъ, и отсюда, Леною, въ Якутскъ, куда прибылъ въ концѣ Октября тогожъ 1734 года.

Здѣсь, въ теченіи зимы, были построены дубель-шлюпка и ботъ, и весною 1735 года на нихъ отправились Лейтенанты Прончищевъ и Ласиніусъ, для описи береговъ по Ленѣ и отъ ея устья къ западу и востоку.

Оставалось экспедиціи, главное, завезти отсюда въ Охотскъ провіантъ и припасы, построить тамъ суда, и слѣдовать на нихъ по назначенію къ берегамъ Америки и Японіи. На этомъ, теперь, была сосредоточена вся дѣятельность; сюда стекались теперь, съ южныхъ и западныхъ сторонъ Сибири, припасы и провіантъ; приходили новыя команды. Бѣдный городокъ оживился.

Мы говорили выше, что въ 1731 году, начальникомъ всего Охотскаго края и Камчатки назначенъ былъ, проживавшій въ ссылкѣ, бывшій Оберъ-прокуроромъ Сената, Скор-

няковъ-Писаревъ, и ему было приказано устроить здѣшній край, завести портъ въ Охотскѣ, улучшить дорогу къ нему и развести хлѣбопашество; что смѣненный при первомъ назначеніи Беринговой экспедиціи, съ отсылкою на мѣсто его прежняго жительства, онъ вскорѣ за тѣмъ опять былъ назначенъ начальникомъ Охотскаго края, а Камчатка поручена другому лицу, Павлуцкому. Между тѣмъ какъ происходили такія измѣненія, въ Охотскѣ ничего не дѣлалось, и посланный туда Писаревымъ, при первомъ его назначеніи начальникомъ, Штурманъ Биревъ съ небольшею командою, претерпѣвая всякаго рода недостатки, даже крайній голодъ, были принуждены бросить все ими начатое, и часть людей разбѣжалась. Въ такомъ состояніи засталъ Охотскъ Капитанъ Шпанбергъ, отправленный, какъ мы говорили, впередъ экспедиціи, пріѣхавшій въ Якутскъ въ Маѣ 1734 года, и сюда переправившійся—не безъ великихъ трудовъ и оставя зазимовавшій въ дорогѣ транспортъ—въ Октябрѣ. Надо было начинать съ вырубки лѣсовъ и постройки себѣ помѣщеній, а между тѣмъ перевозить остававшійся въ дорогѣ транспортъ. Зимою претерпѣвали голодъ—питались падалью и кореньями—и «съ великою и тяжкою трудностію» дождались

весны, когда началось рыболовство. Тогда только могли приступить къ настоящимъ по экспедиціи работамъ: починять старыя суда и приготовлять новыя. Мѣсто для помѣщенія экспедиціи, выбрано при самомъ устьѣ рѣки Охоты. Въ концѣ лѣта 1735 года, прибылъ сюда и новый начальникъ порта, Писаревъ.

Бывшій нѣкогда любимцемъ Петра Великаго, Директоръ Морской Академіи и Оберъ-прокуроръ Сената, пожалованный Екатериною I въ Генералъ-Маіоры, Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, въ 1727 году, за участіе въ заговорѣ противъ Князя Меншикова, былъ лишенъ чиновъ, высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Назначенный къ настоящей должности, онъ однакоже не былъ пожалованъ никакимъ чиномъ, и даже не прикрытъ, по тогдашнему обыкновенію, въ забвеніе позорнаго наказанія, знаменемъ. Человѣкъ съ большими способностями и хорошимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ за границею, характера горячаго, онъ, можетъ чрезъ долговременное угнѣтеніе, предался здѣсь разврату, взяткамъ и ябедничеству, сталъ раздражителенъ и жестокъ до крайности. «Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ—по свидѣтельству Гмелина—онъ былъ еще такъ бодръ и пы-

локъ, что не знавшіе его годовъ, не дали бы ему болѣе тридцати» (1).

Писаревъ и Шпанбергъ, оба облеченные властью обширною, но не зависимые другъ отъ друга, оба люди заносчивые и неуступчивые, столкнувшись здѣсь въ личныхъ интересахъ, завраждовали между собой. Писаревъ жилъ въ острогѣ, выше устья рѣки, а Шпанбергъ обстроивался при самомъ устьѣ, мѣсто, на которомъ учрежденъ портъ. У каждаго была своя команда; каждый называлъ себя старшимъ и предвѣщалъ противнику скорую смѣну; каждый наказывалъ ослушниковъ и оба требовали повинностей—случалось оба и брали ихъ. Мѣстные жители, купцы и кочующіе инородцы, не знали кого слушать. Дѣла останавливались въ безпрестанныхъ пересылкахъ «промеморіями;» доносы другъ на друга понеслись въ Якутскъ и въ С. Петербургъ тетрадищами. Писаревъ однакожъ не выдержалъ наконецъ, и въ Сентябрѣ 1736 года бѣжалъ изъ Охотска въ Якутскъ.

Берингъ, пребывавшій въ Якутскѣ, встрѣчалъ всевозможныя затрудненія со сторо-

(1) О Писаревѣ, подробности тоже въ доносахъ на него и слѣдственныхъ дѣлахъ. Онъ прощенъ и освобожденъ изъ Сибири по указу 1-го Декабря 1741 года; а прежній чинъ ему пожалованъ указомъ 23-го Апрѣля 1743 года, въ С. Петербургѣ.

ны всѣхъ Сибирскихъ властей, относительно снабженія его экспедиціи провизіею и разными вещами. Все это—провіантъ, пушки, якоря, канаты, пенька, порохъ, и пр.—доставляемое сюда трудно и медленно, частію потребляемое на мѣстѣ, многочисленною командою здѣсь собравшейся экспедиціи и двумя отрядами описи уже дѣйствовавшими по Ленѣ, еще труднѣе и медленнѣе могло быть переправляемо въ Охотскъ. Прямая дорога къ Охотску, на разстояніи около тысячи верстъ, лежитъ черезъ горы, дебри, потоки и топи, чрезвычайно трудная, едва проходимая вьючными лошадьми; другая дорога, еще гораздо отдаленнѣйшая, не менѣе трудная, однакожъ для большихъ тяжестей способнѣйшая, по рѣкамъ Алдану, Маѣ и Юдомѣ, съ которой на Уракъ, падающій въ море въ двадцати верстахъ ниже Охоты, и подлѣ берега моремъ, въ Охоту. Отправляя легчайшія вещи на вьючныхъ лошадяхъ, тяжелыя и громоздкія перевозили рѣчнымъ путемъ. Надобно было разчищать дороги, накидывать мосты, устроивать пристани, ставить магазины, дѣлать суда и, слѣдуя, перегружать съ вьюковъ на суда и съ судовъ на вьюки. Суда часто разбивались, лошади падали, проводники разбѣгались, многіе люди заболѣвали и даже умирали въ дорогѣ. «И не

мало мы на себѣ важивали,» говорилъ впослѣдствіи Чириковъ. «Много приняли скорбной нужды подъ такимъ тяжкимъ бременемъ,» замѣчаетъ Шпанбергъ.

Между тѣмъ какъ наши мореплаватели, въ непрестанныхъ физическихъ трудахъ, претерпѣвая всякаго рода лишенія, торопливо хотя и медленно, подвигались къ крайнимъ предѣламъ Сибири, съ которыхъ назначалось имъ начинать свои изслѣдованія, не обращая и можетъ быть не умѣя обратить вниманія на проходимыя ими страны, другое отдѣленіе экспедиціи, ученое, совершенно обезпеченное въ матеріальныхъ нуждахъ, снабженное всѣмъ съ избытками, то на приготовленныхъ вездѣ хорошихъ судахъ, то въ коляскахъ, спокойно начало свои изслѣдованія съ самаго отбытія изъ С. Петербурга (1). Про-

(1) Въ слѣдующемъ здѣсь короткомъ описаніи путешествія Академиковъ, мы пользовались: отрывочно дошедшими до насъ донесеніями; изданнымъ путешествіемъ Гмелина Reise durch Sibirien, и сохранившимся въ рукописи, къ сожалѣнію не полнымъ, подобнаго содержанія сочиненіемъ Миллера.

На каждаго изъ Академиковъ было опредѣлено по десяти подводъ, кромѣ подводъ подъ инструменты, книги и матеріалы; даны имъ коляски, а на рѣкахъ, по которымъ предполагалось ѣхать, построены удобныя суда. Гмелинъ и Миллеръ, въ ихъ описаніяхъ этого путешествія, не разъ восхваля-

свѣщенные наукою, страстные—Миллеръ и Гмелинъ покрайней мѣрѣ—къ знаніямъ, члены этого отдѣленія съ наслажденіемъ видѣли, постепенно раскрывавшійся передъ ними, цѣлый новый міръ для науки, усердно собирали обильныя свѣденія по всѣмъ предметамъ естествознанія, выписывали множество документовъ во всѣхъ архивахъ, распрашивая въ тоже время бывалыхъ и знающихъ людей, опредѣляли астрономически главнѣйшіе пункты, дѣлали разныя физическія наблюденія, и начертывали карты своихъ путей, снимая замѣчательнѣйшіе виды и рѣдкіе предметы.

Обозъ этого отдѣленія, былъ отправленъ изъ С. Петербурга на баркахъ, 3-го Августа,

---

ютъ доставленныя имъ удобства—случались конечно и маленькія непріятности—и послѣдній отзывается, объ одной изъ поѣздокъ, по Ленѣ, что «можетъ быть еще никогда не бывало съ такою выгодою (удобствомъ) соединеннаго путешествія.» Лакроеръ, предъ отпрабленіемъ изъ С. Петербурга, описывая, въ одномъ изъ частныхъ писемъ (къ сестрѣ), приготовленія къ настоящему путешествію, говоритъ: «Теперь вы видите, что относительно продовольствія, дорогъ и безопасности, мы, по милости Ея Императорскаго Величества, снабжены всѣмъ, что только можно было предвидѣть; мы даже имѣемъ повара, прачку, портнова, плотника, столяра и другихъ мастеровыхъ, при чемъ изъ нашихъ слугъ, нѣкоторые умѣютъ печь хлѣбы, дѣлать пиво, и т. п.»

Ладожскимъ каналомъ къ устью Волхова, а члены, представленные передъ тѣмъ Императрицѣ, и обнадеженные Ея милостями, выѣхали въ экипажахъ 8-го тогожъ мѣсяца. Отъ Соснинской пристани Волхова, пересѣвъ на суда, они слѣдовали Волховомъ, Ильменемъ и Мстою въ Бронницы, откуда опять въ экипажахъ до Вышняго Волочка, а изъ него по Тверцѣ въ Тверь, куда прибыли 14-го Сентября. Здѣсь было приготовлено для нихъ, заботливостію самого Беринга, оставившаго еще одного офицера съ нѣсколькими матросами для управленія, большое и удобное судно, на которомъ 27-го тогожъ мѣсяца поплыли они далѣе, внизъ по Волгѣ, и 18-го Октября прибыли въ Казань. Учредивъ здѣсь веденіе метеорологическихъ наблюденій, порученныхъ мѣстному учителю Куницыну, и перемѣнивъ конвой, поѣхали далѣе, опять въ экипажахъ, напередъ Лакроеръ, съ 4 геодезистами, 2 студентами и инструментальнымъ мастеромъ, 8-го Декабря, а потомъ Гмелинъ и Миллеръ, со всѣми остальными, 12-го Декабря, по одной и той же дорогѣ, на Серапулъ, Оссу, Кунгуръ и Екатеринбургъ, въ который прибыли 29-го тогожъ мѣсяца. Здѣсь также учредили метеорологическія наблюденія, порученныя мѣстному маркшейдеру Татищеву. Отсю-

да, порознь, въ разныхъ числахъ Января слѣдующаго 1734 года, переѣхали въ Тобольскъ, гдѣ застали и Беринга со всею его свитою. Прожившъ въ Тобольскѣ четыре мѣсяца, въ ожиданіи вскрытія водъ, учредивъ также метеорологическія наблюденія, порученныя служившему въ дѣтяхъ боярскихъ, бывшему ученику Академіи Мировичу, и взявъ въ свой отрядъ, отъ Горнаго вѣдомства беркгауера Сомойлова, отъ Беринга подлекаря Брауэра, а отъ мѣстнаго начальства двухъ геодезіи учениковъ, и уже постоянный конвой, весною отправились далѣе: Лакроеръ съ геодезистомъ Красильниковымъ, двумя студентами, инструментальнымъ мастеромъ и частію конвоя, вмѣстѣ съ отрядомъ Чирикова, 20-го Мая, внизъ по Иртышу, Обью и Кетью до Маковскаго острога, потомъ на Енисейскъ, гдѣ учреждены метерологическія наблюденія, порученныя казаку Чарошникову, р. Тунгузкою, и разлучившись при устьѣ Илима съ Чириковымъ, Ангарою до Иркутска, куда прибылъ 18-го Октября; Миллеръ и Гмелинъ, со всѣми остальными, 24-го Мая, въ другую сторону, вверхъ по Иртышу, къ Тарѣ, Омску, Ямышевской крѣпости, гдѣ поручили вести метеорологическія наблюденія плѣнному Шведу Гальбергу, и въ Семиполатинскъ, куда

прибыли 26 Іюля. Это было одно изъ пріятнѣйшихъ путешествій нашихъ Академиковъ. «Въ то время, говоритъ Миллеръ, мы еще находились въ первомъ жару, когда ни безпокойство, ни недостатки, ни опасность духа нашего еще не ослабили. Мы пріѣхали въ страны, отъ натуры предъ многими мѣстами превосходствами одаренныя, гдѣ почти все новое намъ являлось. Тамъ увидѣли мы съ радостію множество травъ, отъ большей части незнаемыхъ, увидѣли стада звѣрей Азіатическихъ, самыхъ рѣдкихъ, увидѣли великое число древнихъ могилъ, въ коихъ находили разныя достопамятныя вещи, словомъ, пріѣхали въ такія страны, въ какихъ никто до насъ не былъ, который бы могъ свѣту сообщить извѣстія.»—Пославъ отсюда обозъ прямо на Колыванскіе заводы, сами поѣхали верхомъ, по пограничной дорогѣ, черезъ Усть-Каменогорскую крѣпость, и по осмотрѣ Колыванскихъ мѣдныхъ заводовъ, на подводахъ въ Кузнецкъ. Отсюда, Гмелинъ поплылъ рѣкою Томою, а Миллеръ поѣхалъ сухимъ путемъ, и въ первыхъ числахъ Октября оба прибыли въ Томскъ. Учредивъ въ Томскѣ метеорологическія наблюденія, порученныя казаку Саламатову, выѣхали 26-го Ноября, черезъ двѣ недѣли прибыли въ Енисейскъ, въ Ян-

варѣ слѣдующаго 1735 года въ Красноярскъ, отсюда, черезъ Канскъ, Удинскъ и Балаханскъ въ Иркутскъ, въ который прибыли 8-го Марта.

Лакроеръ, между тѣмъ, прибывшій въ Иркутскъ еще осенью прошлаго года, въ началѣ настоящаго 1735 года, сдѣлалъ поѣздку въ Нерчинскъ, Аргунскій острогъ, Удинскъ, Селенгинскъ и Кяхту, откуда назадъ въ Селенгинскъ, и водою въ Иркутскъ, куда прибылъ 1-го Іюня.

Миллеръ и Гмелинъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ этого же года, поѣхали черезъ Байкалъ, по льду, въ Селенгинскъ—гдѣ встрѣтились съ Лакроеромъ—оттуда тоже въ Кяхту, и назадъ къ Удинску, на Еравинскій и Читинскій остроги, отъ послѣднихъ, на плотахъ, по Шилкѣ и Ингодѣ въ Нерчинскъ, въ который прибыли 15-го Іюня. «Сколько пріятныхъ въ Сибири путей я ни имѣлъ, говоритъ Миллеръ, однакожъ по Нерчинской дорогѣ веселѣе всѣхъ было ѣхать.» Обширные луга, испещренные прекрасными цвѣтами, раскиданные холмы, чудесныя долины, мѣстами густые лѣса и подъ тѣнью ихъ свѣтлые ручейки или широко разливающіяся рѣки; многочисленныя стада; гостепріимство и услужливость Бурятовъ и Тунгусовъ; прекрасная погода и

новость предметовъ, доставляли истинное наслажденіе нашимъ путешественникамъ. Изъ Нерчинска, поѣхали они на Аргунскіе серебряные заводы, потомъ въ Аргунскій острогъ, къ верховью Аргуни, и по Китайской границѣ на Цуруxайту, къ Читинскому острогу, опять въ Удинскъ, 17-го Сентября, изъ него на судахъ по Селенгѣ и Байкалу въ Иркутскъ, въ который пріѣхали 20-го Сентября.

Въ Иркутскѣ, гдѣ находился тогда и Лакроеръ, оставались до начала слѣдующаго 1736 года. Лакроеръ, въ Февралѣ мѣсяцѣ снова поѣхалъ въ Кяхту, для окончанія начатыхъ тамъ въ прошломъ году наблюденій, воротился въ Апрѣлѣ, потомъ ѣздилъ на верховье Лены въ Устькутъ, и оттуда, на приготовленныхъ судахъ, внизъ по Ленѣ въ Якутскъ, куда прибылъ 1-го Іюля. Миллеръ и Гмелинъ, сдѣлавъ двѣ посылки студентовъ, Иванова въ Туминскій острогъ и Крашенинникова въ Баргузинскъ, выѣхали изъ Иркутска 26-го Января, черезъ мѣсяцъ прибыли въ Илимскъ, провели здѣсь еще мѣсяцъ, въ исходѣ Марта пріѣхали тоже на верховье Лены къ Устькуту, и въ ожиданіи приготовлявшихся судовъ на Устьильгинскую пристань. Соединившись съ Лакроеромъ— всего было 6 дощаниковъ и 6 каюковъ, у-

строенныхъ весьма удобно для помѣщенія— 27-го Мая отправились внизъ по Ленѣ. Лакроеръ, ушедшій впередъ и торопившійся, прибылъ въ Якутскъ, какъ мы видѣли, 1-го Іюля, а Миллеръ и Гмелинъ, дѣлавшіе на пути тщательныя изслѣдованія, разсылавшіе въ разныя стороны своихъ студентовъ и геодезистовъ, и сами иногда ѣздившіе для описанія встрѣчавшихся примѣчательностей, притомъ составляя, съ помощію тогда присоединившагося къ нимъ геодезиста Красильникова, обстоятельную карту рѣки, прибыли въ Якутскъ въ началѣ Сентября.—Это былъ самый крайній предѣлъ ихъ общаго путешествія: Лакроеръ, какъ увидимъ, пошелъ съ экспедиціею и погибъ въ ней, а Гмелинъ и Миллеръ возвратились отсюда назадъ. Въ своемъ мѣстѣ, мы разскажемъ о дальнѣйшемъ ихъ странствованіи, а теперь займемся еще одною отдѣльною экспедиціею этого-же времени, именно, посылкою для отысканія легчайшаго пути изъ Сибирскихъ городовъ къ Охотскому морю, между верховьями рѣкъ Лены и Уды.

Для этого, въ 1754 году, были командированы Берингомъ два геодезиста, Скобельцынъ и Шетиловъ, съ инструкціею, подписанною имъ обще съ Академиками. По пріѣздѣ въ томъ же году въ Нерчинскъ,

геодезистые нашли здѣсь для себя проводниковъ, и въ посѣщеніе этого города Лакроеромъ, въ началѣ 1735 года, были отосланы въ Иркутскъ. Миллеръ, бывшій тогда въ Иркутскѣ, отыскалъ имъ проводника, и въ то же лѣто снова отправилъ ихъ въ подлежащій путь. Пройдя изъ Нерчинска, Шилкою, до пограничной рѣки Горбицы, далѣе они слѣдовали на лошадяхъ, вверхъ по этой послѣдней, и черезъ вершины рѣчекъ, впадающихъ въ Шилку и Амуръ, къ рѣкѣ Еловой, впадающей въ Олекму, которая течетъ въ Лену. Остановившись здѣсь, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ, для дѣланія нартъ, чтобы идти къ вершинамъ Уды, они, претерпѣвая всякіе недостатки, не могли удержать въ повиновеніи своихъ провожатыхъ, которые разбѣжались большею частію, и оставшись только съ однимъ проводникомъ и 6 казаками, слѣдующею весною отправились по рѣкамъ въ Якутскъ. Берингъ, бывшій тогда въ Якутскѣ, снова отправилъ ихъ въ Иркутскъ, для слѣдованія по той же дорогѣ, и не обратилъ вниманія на жалобы сопровождавшихъ ихъ проводниковъ. Но Миллеръ, получивъ свѣденія о прошлогоднемъ путешествіи, былъ другаго мнѣнія, и, кажется гораздо основательнѣе, хотѣлъ послать ихъ теперь на вершину Алдана, чтобы оттуда, одинъ слѣдовалъ на за-

падъ, къ вершинамъ рѣкъ впадающихъ въ Олекму, а другой на востокъ, къ вершинамъ Уды, и притомъ онъ находилъ ихъ не совсѣмъ правыми передъ проводниками. Берингъ не согласился измѣнить своего опредѣленія, и это обстоятельство, можетъ быть вмѣстѣ съ другими, подало поводъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Между тѣмъ Скобельцынъ и Шетиловъ, возвращенные въ Иркутскъ, согласно данному имъ повелѣнію, въ Февралѣ 1737 года отправились оттуда въ Нерчинскъ, и 7-го Іюля, взявъ съ собою 3 проводниковъ, 2 толмачей и 27 человѣкъ конвоя, съ хорошимъ запасомъ живой скотины, отправились на плотахъ внизъ по Шилкѣ. Дойдя до Горбицы, и поднявшись, по прошлогоднему примѣру, къ верховью ея, 19-го Сентября они пришли къ Гилюю, падающему въ Зею (Зея впадаетъ въ Амуръ), и остановились здѣсь для дѣланія нартъ и лыжъ, къ дальнѣйшему путешествію на верховьи Уды. Приготовившись такимъ образомъ, 14-го Ноября они пошли внизъ по направленію Гилюя, и отъ его устья вверхъ по Зеѣ. Шли болѣе мѣсяца, но едва сдѣлали 350 верстъ отъ послѣдняго становища, изнурились, израсходовали всѣ припасы, и 22-го Декабря, по неотступной просьбѣ сопровождавшихъ солдатъ и по отзыву обоихъ проводниковъ—одинъ уже бѣжалъ съ дороги—что

пути имъ совершенно невѣдомы, рѣшились идти въ страны болѣе изобильныя, по Шилкинской покати къ Амуру, т. е. за Китайскую границу, гдѣ — замѣчательно! — надѣялись встрѣтить, и дѣйствительно встрѣтили, Русскихъ промышленниковъ. Неурядица была полная, и многіе умышленно отставали. Съ прочими, геодезисты пришли на Амуръ, къ бывшему нѣкогда Русскому селенію, Албазину, 29-го Января, и приняты промышлявшимъ здѣсь Нерчинскимъ казакомъ, Бурукъ по прозванію. Отсюда въ Февралѣ мѣсяцѣ, сперва отправился Шетиловъ въ Нерчинскъ, чтобы вытребовать помощь для остававшихся, а вскорѣ за нимъ туда же прибылъ и Скобельцынъ, съ остальными людьми. Въ продолженіе всего этого путешествія потеряна половина команды, 14 человѣкъ.

Испытавшіе эту дорогу геодезисты утверждали, что она не представляетъ никакихъ удобствъ для сообщеній, что она безлюдна, и что по ней «непроходимыя мѣста, горы каменныя и болота топкія.» Ихъ долго судили потомъ, не за неисполненіе порученнаго дѣла, а за непозволенный переходъ за границу.

И такъ, въ концѣ 1736 года, были собравшись въ Якутскѣ почти всѣ главные члены экспедиціи и большая часть командъ: ученое отдѣленіе, достигшее крайнихъ

предѣловъ своихъ изслѣдованій, впрочемъ готовившееся слѣдовать еще въ Камчатку, уже обогатившее науку великимъ множествомъ самыхъ разнородныхъ свѣденій; морское, только еще приготовлявшееся къ назначеннымъ ему походамъ, слабо и пока неудачно дѣйствовавшее въ своихъ отрядахъ, посланныхъ для описанія Сѣвернаго моря, къ которымъ мы сейчасъ возвратимся.

Между тѣмъ, прошло уже четыре года съ отправленія экспедиціи изъ С. Петербурга, и отправлявшіе ее, Сенатъ и Адмиралтействъ-Коллегія, были весьма недовольны такою медленностію. Извѣстія приходили самыя неблагопріятныя: Сибирскія власти, отвѣчая на жалобы на нихъ Беринга, въ свою очередь жаловались на него, что недовольно зная условія края, онъ дѣлаетъ несвоевременныя требованія и не умѣетъ измѣщаться готовыми средствами. Начальникъ Охотскаго приморья — главное мѣсто дѣйствій — Пиаревъ, заподозрѣвая обоихъ начальниковъ экспедиціи, Беринга и Шпанберга, въ лихоимствѣ и корчемствѣ табакомъ и виномъ, доносилъ, что «отъ оной Камчатской экспедиціи, доселѣ (въ 1737 г.) никакого приращенія не учинено, да и впредь не надѣется быть, кромѣ великихъ Государственныхъ казенныхъ убытковъ;» что «та эк-

спедиція напросилась въ Сибирь ѣхать только для наполненія своего кармана;» и что «Берингъ уже въ Якутскѣ великіе пожитки получилъ, и нехудобъ было жену его, ѣдущую въ Москву, по Сибирскимъ обычаямъ осмотрѣть.» Проживавшій въ ссылкѣ, бывшій Капитанъ-Лейтенантъ флота, Казанцовъ, также представлялъ: что въ экспедиціи происходятъ «великіе непорядки;» что всѣ отправленія производятся «съ великимъ коштомъ;» и что, по его мнѣнію, изъ всего этого «прочнаго ничего не будетъ.» Начальникъ отряда, назначеннаго въ плаваніе къ Японіи, Капитанъ Шпанбергъ, видимо отклоняясь отъ подчиненности Берингу, жаловался на медленную доставку въ Охотскъ провизіи и припасовъ. Товарищъ въ плаваніи Беринга, Капитанъ Чирпковъ, получившій порученіе изслѣдовать нѣкоторыя дѣла по жалобамъ на Беринга, черезъ это также былъ поставленъ въ непріязненное къ нему положеніе. Одинъ изъ офицеровъ экспедиціи, Плаутингъ, недовольный разбирательствомъ Беринга въ своей частной ссорѣ съ Писаревымъ, потомъ арестованный имъ, но освобожденный по представленію Чирикова, находившаго несправедливымъ этотъ арестъ, наконецъ разжалованный, по произведенному на мѣстѣ суду и конфирмаціи Беринга, за неисправ-

ности по службѣ, на два мѣсяца въ матросы, чернилъ поведеніе Беринга, укоряя его въ принятіи подарковъ отъ Якутскихъ жителей—«а не дарить нельзя, писалъ онъ, понеже можетъ по требованію Воеводской канцеляріи получить къ себѣ въ команду, а всякому не захочется, чтобъ служить въ экспедиціи;» въ непозволенномъ дѣланіи вина, которымъ тотъ отдаривалъ съ своей стороны; въ развлеченіяхъ и веселостяхъ —что онъ дѣлалъ фейерверки, разъѣзжалъ по городу на большихъ саняхъ съ своими гостями и съ музыкантами, забелъ баржу на рѣкѣ и привезъ карету для катаній по городу—«хотя радоваться было нечему;» выставлялъ его самоуправство въ нѣкоторыхъ не касающихся до него дѣлахъ—насильственное арестованіе какого-то поручика и одной духовной особы—даже самоуправство его жены, будто-бы увезшей изъ Иркутска, тайно, двухъ подговоренныхъ въ услуги дѣвокъ; наконецъ возводилъ весьма важное подозрѣніе о неисправностяхъ въ первой экспедиціи, и предрекалъ неудачу настоящей (1). Академики, тоже недовольные Бе-

(1) Приводимъ здѣсь, касающіяся этого послѣдняго предмета слова, очень характеристическія, хотя написанныя, видимо, по слухамъ, ибо самъ Плаутингъ не участвовалъ въ той экспедиціи:

рингомъ, жаловались, что онъ дѣлаетъ имъ «обиды,» и просили о совершенномъ освобожденіи ихъ изъ подъ его начальства. Берингъ оправдывался, повторялъ свои жалобы на нерадѣніе Сибирскихъ начальниковъ и особенно Писарева; перечислялъ преодолѣнныя препятствія, «о которыхъ и не думалъ;» выставлялъ перенесенные труды, и призывая въ свидѣтельство своей правоты всѣхъ команды его оберъ и унтеръ-офицеровъ, съ отчаянною горестію писалъ: «По чистой моей совѣсти доношу, что уже какъ мнѣ больше того стараться, незнаю!»—Ему невѣрили.

Ревнуя успѣхамъ экспедиціи, Адмирал-

«А какъ онъ, Капитанъ-Командоръ, отъ принуждения на море отправится, то надѣюсь, исправленіе у него такое жъ будетъ, какъ и въ первой экспедиціи, для того что онъ же командующимъ былъ, и безъ всякаго резону такіе не разсчетные *курши* (курсы) *премѣнялъ*, чрезъ одинъ и чрезъ два часа (и не отъ перемѣны вѣтра или для какой опасности приключившейся, какъ на морѣ случается)—идучи между нордомъ и остомъ, и поворотитъ между зюйдомъ и вестомъ, и потомъ паки къ востоку, *за что съ офицерами была унего ссора немалая*, для того что они ему предлагали въ томъ, чтобъ взять одинъ куршъ, и подписаться въ томъ, чтобъ идти до тѣхъ поръ, пока что найдутъ или нужда велитъ премѣнить тотъ куршъ; и онъ въ томъ ихъ не послушалъ, и того ради къ пользѣ интереса Ея Императорскаго Величества неучинилъ вымышленно....»

тействъ-Коллегія была очень внимательна ко всѣмъ ея нуждамъ, давала всѣ зависѣвшія отъ нея пособія, исполняла всѣ требованія, понуждала сама и ходатайствовала у Сената и Кабинета, о понужденіи Сибирскихъ начальствъ къ содѣйствію экспедиціи; не однократно, по ходатайству Беринга и Шпанберга, представляла о необходимости отрѣшенія Писарева, даже старалась оправдывать Беринга, отъ навѣтовъ на него, передъ Сенатомъ; а между тѣмъ посылала ему подтвержденіе за подтвержденіемъ поспѣшать походомъ, выговоръ за выговоромъ за медленность и нераспорядительность, стращала отвѣтственностію, угрожала взысканіемъ, приводила въ примѣръ разжалованныхъ за нерадѣніе Лейтенантовъ Муравьева и Павлова, даже лишила его (въ 1737 году) прибавочнаго жалованья «за неприсылку въ Коллегію надлежащихъ отвѣтовъ, и за нескорое отправленіе въ надлежащій путь.» (1) Сенатъ приказывалъ «крѣп-

(1) Добавочнаго жалованья онъ и не получалъ съ начала 1738 года по 1-е Іюля 1740, когда, отправившись «въ подлежащій по инструкціи путь,» взялъ и все слѣдовавшее ему за эти предшествующіе $2\frac{1}{2}$ года. Однакожъ Адмиралтействъ-Коллегія приказала (15-го Марта 1742 года), считать эти деньги перебранными безъ указа, и впредь вычитать ихъ изъ слѣдующаго ему добавочнаго жалованья.

чайше изслѣдовать» о неисполненіи порученаго Берингу и Шпанбергу. Наконецъ, въ 1738 году, Кабинетъ Императрицы, принимая въ соображеніе огромныя издержки экспедиціи, тогда уже доходившія на сумму до 300,000 рублей, и тягость ея для всей Сибири, обязываемой въ пользу ея личными повинностями, сдѣлалъ даже предложеніе Сенату и Адмиралтействъ-Коллегіи (15-го Сентября): «Разсмотрѣть о Камчатской экспедиціи, возможноль оную въ дѣйство произвесть, дабы оттого, хотябъ впредь, напрасныхъ казнѣ Ея Императорскаго Величества убытковъ не было.»

Но Адмиралтействъ-Коллегія, уже сама собою рѣшившаяся продолжать сѣверныя описи, которымъ въ началѣ опредѣлялся только двухъ-лѣтній срокъ, но которыя тогда еще далеко но достигали назначеннаго имъ, теперь, выставляя предъ Сенатомъ немногое сдѣланное экспедиціею, и многое обѣщающее быть сдѣланнымъ, предложила: «Ту экспедицію дѣйствомъ производить, дабы издержанная на ту экспедицію немалая денежная сумма, не могла остаться туне.» Сенатъ согласился, и экспедиція продолжалась (1).

(1) Это послѣднее опредѣленіе, отъ котораго зависѣла участь всей экспедиціи, подписали, 28-го Декабря 1738 года: Н. Головинъ, Трашъ и Кн. Урусовъ.

Сдѣлаемъ теперь очеркъ сѣверныхъ описей и, чтобы не прерывать разсказа, прослѣдимъ ихъ до конца, участокъ за участкомъ; потомъ, опишемъ остальныя дѣйствія Академиковъ, и уже исключительно займемся предстоящими плаваніями къ Америкѣ и Японіи.

О сѣверномъ берегѣ Россіи, узнанномъ плаваніями казаковъ по рѣкамъ и по морю, въ теченіи семнадцатаго вѣка, не было у насъ «никакихъ достовѣрныхъ, не токмо картъ, но и вѣдомостей,» по замѣчанію Адм.-Коллегіи; и самыя эти плаванія казаковъ, стали извѣстными уже въ послѣдствіи, чрезъ разысканія въ Сибирскихъ архивахъ Миллера, въ 1736 году; знали только о плаваніяхъ промышленниковъ изъ Бѣлаго моря въ Карское. Поэтому, наши мореплаватели отправлялись теперь въ края совершенно невѣдомыя. Страна пустынная и холодная, море наполненное льдами—таково мѣсто дѣйствій! Труды и лишенія, безпрестанная борьба и почти безпрестанная неудача—такова участь дѣятелей! Ни большихъ выгодъ имъ не предвидилось, ни большой славы себѣ они не могли ожидать. И между тѣмъ, исполняя суровый долгъ, они совершили такіе чудные подвиги, какихъ очень не много въ исторіи мореплаванія; сдѣлали такія пріобрѣте-

нія, которыя и понынѣ не потеряли своей цѣны.

Порученные въ началѣ Берингу, за исключеніемъ отряда, дѣйствовавшаго въ участкѣ отъ Бѣлаго моря до Оби, впослѣдствіи, всѣ эти отряды перешли въ непосредственное распоряженіе Адмиралтействъ-Коллегіи — сперва Обскій отрядъ, Овцына, по его близости, а потомъ и оба Ленскіе, по удаленіи Беринга изъ Якутска и отправленіи въ Камчатку, откуда онъ уже никакъ не могъ дѣлать распоряженій. Адмиралтействъ-Коллегія, такъ сурово обращавшаяся съ Берингомъ, была весьма снисходительна къ начальнымъ неудачамъ настоящихъ плаваній, и продолжала ихъ энергически: «экспедиціи для того и учреждены, писала она въ 1737 году, дабы *достовѣрно* свѣдать, возможно-ль проходить, или зачѣмъ невозможно?» (1)

---

(1) Слѣдующія здѣсь плаванія и съемки описаны, каждое по журналу и донесенію начальника, кромѣ первыхъ двухъ, Муравьева и Павлова, журналы которыхъ не сохранились, но есть донесенія; также по всѣмъ, касающимся настоящаго предмета, опредѣленіямъ Адм.-Коллегіи. Не найдя ничего въ дополненіе въ предшествующихъ описаніяхъ этихъ экспедицій: Миллера, Сарычева, Литке и Врангеля, пользовавшихся частію тѣхъ же источниковъ—первые два, кажется, болѣе донесеніями, послѣдніе одними журналами—ни въ разсказѣ объ одномъ изъ этихъ отдѣленій,

Для описи береговъ отъ Архангельска къ устью Оби, согласно представленію мѣстнаго начальства, были построены суда, подобныя употреблявшимся тогда въ Бѣломъ морѣ промышленниками, *кочи*, наименованные «Экспедиціонъ» и «Обь,» каждое длиною по 54 ф., шириною по 21 ф., глубиною по 8 футъ; «обшиты самою крѣпкою ладейною вицею, накладывая краи по три вершка, и *упруги* (шпангоуты) другъ отъ друга по полуаршину, а палуба крѣплена кокорами, по двѣ кокоры у каждой балки» (бимса). На этихъ судахъ, лѣтомъ 1734 года, отправились описывать настоящій участокъ, назначенные Адмиралтействъ-Коллегіею Лейтенанты Муравьевъ и Павловъ, съ Подштурманами Рудневымъ и Андреевымъ, съ двумя штурман-

Гмелина, написанномъ по лично сообщеннымъ ему извѣстіямъ, не считаю нужнымъ указывать на всѣ пропуски и ошибки большей части этихъ описаній, и ограничиваюсь только немногими указаніями на частности, наиболѣе способныя возбудить сомнѣніе. Впрочемъ, отстраняя въ настоящемъ разсказѣ все не относящееся непосредственно до исторіи плаваній — каковы напримѣръ всѣ свѣденія собственно гидрографическія—рекомендую, для ближайшаго ознакомленія съ мѣстностію, подробныя извлеченія изъ журналовъ: плаваній отъ Бѣлаго моря до Обской губы, Г. Литке (въ Четырекр. путеш. въ Сѣв. ледовитый океанъ); отъ р. Оленека къ востоку, Г. Врангеля (въ Путешествіи по Сибири); и между Оби и

скими учениками, двумя «рудознатцами,» Одинцовымъ и Вейделемъ, однимъ Іеромонахомъ, двумя подлекарями, всего 51 человѣками команды у обоихъ, включая толмачей, проводниковъ и проч. Въ Пустозерскѣ, на случай зимовки въ Вайгачскомъ проливѣ, приготовлено для нихъ стадо оленей, а въ Обдорскъ завезенъ провіантъ.

10-го Іюля, они вышли изъ Двинскаго устья, и 25-го вошли въ Югорскій шаръ, отдѣляющій о. Вайгачь отъ матераго берега, на границѣ Карскаго моря. Здѣсь простояли четыре дни, посылая штурмана описывать берегъ острова, и казака по матерому берегу, для поставленія знаковъ. 29-го вступили въ Карское море. Противъ всякаго ожиданія, они нашли это море совершенно чистымъ отъ льдовъ, «че-

---

Оленека, изслѣдованія, напечатанныя въ этой же части Записокъ:

NB. Обыкновенно употреблявшееся въ старинныхъ журналахъ, морское счисленіе времени, сутки съ полдня предшествующаго дня, мы переводили на простое гражданское, сутки съ полуночи; отсюда постоянная разность въ числахъ съ другими свидѣтельствами, не принимавшими въ разсчетъ этой разницы счисленія, и повторявшими безотчетно показанія мореплавателей. Мили вездѣ Итальянскія, по $1\frac{3}{4}$ версты. Астрономически опредѣленные пункты—или просто поставлены въ скобкахъ, или оговорены; всѣ другіе—или счислимые, или неизвѣстно какіе именно.

му кормщики и бывалые люди весьма удивлялись—писалъ Муравьевъ—ибо они отъ тѣхъ льдовъ всегда имѣютъ нужду и пропадаютъ много.» Но берега были сплошь покрыты снѣгомъ, «который никогда не таетъ.» 31-го, сопутствуемые благополучнымъ вѣтромъ, подошли къ землѣ Ялмалъ, у Мутнаго залива. Здѣсь налились прѣсною водою и набрали дровъ изъ выкиднаго лѣса. 2-го Августа, направились къ сѣверу, держась близко берега. На другой день подошли къ Шараповымъ кошкамъ, въ широтѣ около 71°, и простояли у нихъ пять дней, за противнымъ вѣтромъ; потомъ были принуждены спуститься для укрытія въ Мутномъ заливѣ; изъ него вышли уже 15-го числа, и опять сопутствуемые попутнымъ вѣтромъ, 18-го достигли широты 72°, 35′. Отсюда, по причинѣ встрѣченныхъ противныхъ вѣтровъ и по наступающему позднему времени, полагая впрочемъ, что отъ устья Оби-рѣки «весьма въ недальнемъ разстояніи были»—оставался цѣлый градусъ широты до оконечности берега—поворотили назадъ, съ цѣлію отыскать удобную для зимовья гавань. «А лавировать и на дрейфѣ лежать—жаловался на свои суда Муравьевъ—ни коими мѣрами не возможно.» 21-го заходили въ устье Кары, а 26-го въ Югорскій шаръ;

но не находя, ни тамъ, ни здѣсь, удобнаго пристанища—не было ни выкиднаго лѣса, ни жителей: у Кары видѣли только одну семью Самоѣдовъ, а у Вайгача двѣ—направились къ устью Печоры, въ которое вошли 4-го Сентября. 16-го, суда были поставлены на зимовье, у деревни Тельвицы, и команды отправлены въ Пустозерскъ.

Въ донесеніи Адм.-Коллегіи объ этомъ плаваніи, Муравьевъ говоритъ: «Плаваніе было до Вайгача, хотя и не совсѣмъ вѣрно, *по картѣ*; а отъ Вайгача, между NO, разными курсами, близъ того сѣвернаго берега болѣе 50 миль Голландскихъ, не имѣя никакой карты, даже до усмотрѣнной по инструменту широты 72°, 35′, благополучно, хотя и многія имѣли нужды, а особливо отъ незнаемыхъ береговъ, которые весьма имѣли отъ себя далекую отмель, такъ что на пяти и на шести саженяхъ (глубины) берегу и съ мачты не видать; а кормщики и бывалые люди не много далѣе Вайгача знаютъ. И отъ тамошняго воздуха, почитай всѣ, хотя нѣсколько времени, пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болѣзнями, паче горячками больны.»

Такъ какъ назначенныхъ Сенатскою инструкціею маяковъ по берегамъ, видимо, было и не кому, и не изъ чего строить, то

къ будущей кампаніи, опредѣлено построить таковые маяки покрайней мѣрѣ въ устьѣ Оби, а изъ Обдорска выслать на встрѣчу проводниковъ. Вновь купленному табуну оленей, назначено сопровождать экспедицію по берегу. Удовлетворены всѣ другія потребности—провизія, медикаменты, разные припасы, исправленія, пополненіе команды, проводники по Печорѣ. Присланы еще два геодезиста, Сомовъ и Селифонтовъ.

Въ слѣдующемъ 1735 году, Муравьевъ и Павловъ вышли изъ устья Печоры 29-го Іюня—цѣлый мѣсяцъ слѣдуя по рѣкѣ—и достигнувъ 15-го Іюля Югорскаго шара, послали штурмана доканчивать опись о. Вайгача. 21-го вступили въ Карское море, и на этотъ разъ нашли его столько наполненнымъ льдами, что были принуждены немедленно возвратиться въ Югорскій шаръ, гдѣ простояли еще до 6-го Августа. «И такъ были въ томъ шарѣ ото льдовъ утѣснены, что принуждены стоять на меляхъ, и день и ночь разными способами отъ оныхъ отбиваться, и едва могли спастися....» При вторичномъ выходѣ, вскорѣ опять встрѣтили льды, и стали слѣдовать между ними на сѣверовостокъ, расталкиваясь шестами. Погода стояла туманная, вѣтры противные и свѣжіе. 18-го Августа суда разлучились, и Муравьевъ 23-го

Августа, съ широты 73°,4′, Павловъ съ широты 73°,11′, порознь, пошли въ обратный путь. Павловъ пришелъ въ Югорскій шаръ 25-го Августа, а Муравьевъ, заходившій къ Мутному заливу, 6-го Сентября, и уже не засталъ здѣсь Павлова. 9-го, они соединились предъ устьемъ Печоры, и 22-го поставили свои суда на зимовку. «Хотя и имѣли резоны къ возврату въ Архангельскій портъ—доносилъ Муравьевъ—но не имѣя другъ о другѣ извѣстія и ко *озименію* удобной пристани, жительствъ и дровъ, возвратились паки въ рѣку Печору.» (1)

Утверждая совершенную невозможность перехода въ одну кампанію отъ Печоры до Оби, по великости разстоянія и кратковременности навигаціи, не отказываясь впрочемъ отъ исполненія, «сожалѣя паче о томъ, дабы нашъ бѣдный трудъ не остался туне,» Муравьевъ предлагалъ, ежели будетъ повелѣно продолжать экспедицію: послать предварительно геодезиста, для отысканія по тѣмъ берегамъ гаваней и постановленія маяковъ,

(1) Имѣя только однѣ донесенія командировъ, для описанія этихъ двухъ плаваній, журналы которыхъ утрачены, не знаю чему приписать сказанное въ Зап Адм. Деп., будто Муравьевъ и Павловъ встрѣтились въ Югорскомъ шарѣ, и «съ общаго совѣта своихъ подчиненныхъ, положили, за наступленіемъ поздняго времени, поспѣшать въ рѣку Печору.»

ибо берега очень отмелы, и пристанищей для зимовья у нихъ не было найдено.

Хотя назначенныя по инструкціи два лѣта изслѣдованій уже минули, но Адм.-Коллегія твердо рѣшилась продолжать начатое, «не отлагая въ другія времена.» Согласно представленію Муравьева, было разрѣшено ему командировать, для предварительнаго обзора берега, отысканія гаваней и постановленія маяковъ, геодезиста, которому потомъ сопровождать экспедицію, съ чумами и табуномъ оленей. Такъ какъ Муравьевъ жаловался еще на дурныя качества кочей, которые притомъ, будучи значительно повреждены льдами и ударами объ отмели, едва годились на одну кампанію, то положено, къ слѣдующей кампаніи построить два другія суда, дубель-шлюпки (потомъ сдѣлали боты), и послать ихъ въ замѣну или, если сочтется нужнымъ, въ добавокъ къ имѣющимся кочамъ. Адм.-Коллегія не сдѣлала ни малѣйшаго упрека за эти двухъ-лѣтнія неудачи, и только написала теперь, что «безъ окончанія по инструкціи въ совершенство оной экспедиціи, возвращенія оттуда съ командою не будетъ.» Въ прошлую кампанію, Муравьевъ самъ собою разрѣшилъ производить командѣ каждый день по чаркѣ вина—регламентъ опредѣлялъ только по четыре въ

недѣлю—и Адм.-Коллегія, одобривъ такое распоряженіе, разрѣшила слѣдовать ему и въ будущія плаванія. Впослѣдствіи, эта полезная мѣра была распространена на всѣ другіе отряды экспедиціи.

Муравьевъ и Павловъ были поссорившись между собою и съ своими сопутниками, какому обстоятельству, сопровождавшій ихъ кормщикъ Язжинъ, приписывалъ всю неудачу плаваній. Вскорѣ потомъ, по жалобамъ на нихъ Пустозерскихъ жителей и по доносамъ подчиненныхъ, они были преданы суду, и, какъ выражено въ опредѣленіи Адм.-Коллегіи 28-го Февраля 1737 года, «за многіе, непорядочные, лѣностные и глупые поступки,» разжалованы въ матросы (1).

---

(1) Муравьевъ и Павловъ жаловались другъ на друга Адм.-Коллегіи, еще до начатія надъ ними слѣдствія. Первый между прочимъ писалъ, что Павловъ не сочиняетъ по данному ему ордеру карту, и ничего не отвѣчаетъ на это приказаніе—«А для чего, не знаю: развѣ ставя себѣ за не малой авантажъ предомною въ томъ, что его въ нынѣшнюю кампанію случай допустилъ быть, по разлученіи со мною, выше передъ обсерваціею моею и его объявленіемъ, къ полю 7 минутами.»

Кормщикъ Язжинъ, прописывая, что «отъ несогласія оныхъ Лейтенантовъ, въ окончаніе тое экспедицію привесть не могли,» предлагалъ свои услуги: «ежели повелѣно будетъ за благо послать отъ города Ар-

Для продолженія экспедиціи, въ Февралѣ слѣдующаго года, назначенъ, находившійся тогда въ Архангельскѣ, Лейтенантъ «Маіорскаго ранга» С. Г. Малыгинъ. Ему было приказано отправиться въ походъ, на одномъ изъ кочей, въ тоже лѣто, и дождавшись, въ Югорскомъ шарѣ или гдѣ способнѣе, приготовлявшіяся къ отправленію изъ Архангельска два новыя судна, продолжать на нихъ плаваніе, отославъ кочи назадъ, если онъ не сочтетъ нужными ихъ. Погрозивъ напередъ, за неисполненіе безъ важной причины, штрафомъ, Адм.-Коллегія назначила Малыгину: «ежели за какою край-

---

хангельскаго или съ Мезени, нынѣшнею (1737 г.) весною, меня нижайшаго въ вышерѣченную экспедицію, на *угодномъ* суднѣ, и дать въ помощь на морѣ бывалыхъ людей Мезенцовъ девять человѣкъ, и провіанта на годъ и на четыре мѣсяца, а для сочиненія *картины* послать съ нами добраго человѣка свою должность отправлять, точію не командиромъ надъ нами, и на морѣ въ плаваніе не вступать—имѣю я, нижайшій, трудолюбивое раченіе съ добрымъ намѣреніемъ идти до рѣки Енисея, развѣ великіе неотносные льды препятствовать будутъ, и не уповая на страшливость и боязнь, полагаюсь на волю Божію.»—Сначала и согласились-было на это предложеніе, но потомъ отдумали, потому что Архангельская контора надъ портомъ доносила о Язжинѣ, что ему «той экспедиціи ввѣрить весьма опасно, понеже онъ, по из-

нею невозможностью въ одно лѣто оной экспедиціи въ окончаніе привесть будетъ не можно, то для зимованія обыскивать пристойнаго и безопаснаго мѣста, не отдаляясь оттуда, гдѣ способнѣе изобрѣтено будетъ; и въ томъ ему, съ общаго съ прочими офицерами разсужденія, поступать.»

Между тѣмъ, посланный съ весны, для обозрѣнія береговъ полуострова Ялмалъ, геодезистъ Селифонтовъ, въ теченіи настоящаго лѣта, въ Іюлѣ и Августѣ, слѣдуя на оленяхъ, сдѣлалъ съемку и разставилъ маяки по всему восточному его берегу, кругомъ сѣверной

вѣстію, всегда находится въ великомъ пьянствѣ.... И пути далѣе Вайгача не знавалъ.»

Жаловался на нихъ еще рудознатецъ Одинцовъ, тоже за какія-то неисправности похода; но этотъ былъ отосланъ, уже по какимъ-то другимъ дѣламъ, въ Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, куда посланъ съ нимъ и геодезистъ Сомовъ, причастный къ тому дѣлу.

Цѣлаго дѣла объ этомъ предметѣ мы не имѣемъ.— Надъ Муравьевымъ и Павловымъ, по неисполненію нѣкоторыхъ формъ слѣдствія, потомъ производили переисслѣдованіе, и еще прежде его окончанія, найдя только, что вины ихъ не были «умышленны,» по манифесту 14 Февраля 1740 года, имъ возвратили чины, съ увольненіемъ отъ службы, согласно указу 31 Декабря 1736 года, опредѣлявшему 25-лѣтній срокъ службы.

оконечности, и по западному, до мѣста къ которому подходили въ прошломъ году Муравьевъ и Павловъ.

Малыгинъ отправился съ мѣста зимовки, на одномъ изъ кочей, Экспедиціонъ, 25-го Мая 1736 года. Подходя къ устью Печоры, сильнымъ напоромъ льда, онъ былъ выкинутъ на мель, потерпѣлъ крушеніе и, выгрузивъ изъ разбившагося судна припасы, сталъ приготовлять другой кочь, Обь. Этотъ послѣдній былъ приготовленъ только къ 17-му Іюня, и лишь 21-го Малыгинъ успѣлъ выйдти изъ устья. Встрѣченный льдами при самомъ выходѣ, онъ боролся съ ними въ теченіи цѣлаго мѣсяца, то вступая подъ паруса, то становясь на якорь, въ погоду большею частію холодную и сырую, съ судномъ имѣвшимъ сильную течь, и только Іюля 22-го достигъ о. Долгаго, передъ Югорскимъ шаромъ. Здѣсь льды задержали его семнадцать дней. Между тѣмъ, строившіеся въ Архангельскѣ боты, наименованные «Первый» и «Второй,» одинъ длиною въ 55 Ф., гл. 6 Ф., другой дл. въ 50 Ф., шир. 15 Ф., гл. $5\frac{1}{2}$ Ф., одномачтовые, съ веслами и шверцами, были приготовлены и посланы вслѣдъ за Малыгинымъ, подъ начальствомъ Лейтенантовъ Скуратова и Сухотина. Соединившись съ нимъ 7-го Августа у о. Долгаго, на другой день всѣ

вошли въ Югорскій шаръ. Лейтенантъ Сухотинъ, отсюда, на кочѣ, который оказывался очень неблагонадежнымъ, былъ отправленъ обратно въ Архангельскъ; Малыгинъ взялъ себѣ въ команду Первый ботъ, на которомъ: Подштурманъ Позняковъ, рудознатецъ штейгеръ Шель, подлекарь, всего, съ откомандированнымъ геодезистомъ Селифонтовымъ, 26 человѣкъ; а Скуратову отдалъ Второй ботъ, на которомъ: Подштурмана Головинъ и Великопольскій, Іеромонахъ, подлекарь, всего 24 человѣка. Простоявъ въ шарѣ еще шестнадцать дней, за великими льдами, 23-го вышли въ Карское море; но на другой же день были принуждены укрыться отъ льдовъ за близь-лежащій островокъ Мѣстный (шир. 70°, 9′), за которымъ простояли еще двѣнадцать дней. Наконецъ, крѣпкимъ югозападнымъ вѣтромъ, льды были отнесены отъ береговъ, и 5-го Сентября суда отправились далѣе, согласно сдѣланному консиліуму, подлѣ берега: «ибо въ морѣ, по надлежащему намъ курсу, не малые льды видимы были, и пройтить было весьма безнадежно.» 10-го Сентября, во все время сопровождаемые льдами, пришли къ устью Кары (69°, 48′.) Густые, «безразрывные» льды, стоявшіе по всей Байдарацкой губѣ, не допустили къ сѣверному ея бере-

гу, гдѣ предполагали зимовать (въ р. Моржовкѣ), по удобству къ раннему оттуда выходу, и потому, 17-го числа, вошли въ устье Кары, а 26-го, верстахъ въ 60 отъ устья (шир. 69°, 13′), остановились на зимовье. Для жилья поставили чумы, изъ привезенныхъ съ собою досокъ, и потомъ привезли еще, съ р. Коротаихи, избу; магазинъ сложили изъ земли, прикрывъ досками. Для топки употребляли мелкій лѣсъ окрестной тундры; для пищи ловили рыбу въ рѣкѣ, пока не прекратился ловъ ея, и сберегая морской провіантъ, довольствовались однимъ сухопутнымъ, съ двумя чарками водки на человѣка въ недѣлю. Неподалеку было кочевье Самоѣдовъ, и въ распоряженіи экспедиціи находился сопровождавшій ея табунъ оленей. Въ началѣ Декабря мѣсяца, въ видахъ сбереженія провіанта, начальники и большая часть команды переѣхали въ Обдорскъ, а при ботѣ оставили, для караула, Подштурмана Великопольскаго, съ 10 нижними чинами и подлекаремъ.

Весною 1737 года, снова былъ посыланъ Геодезистъ Селифонтовъ, на оленяхъ, для описи лежащаго противъ полуострова Ялмала острова Бѣлаго, котораго онъ и достигъ, но не могъ описать, по не достатку на немъ корма для оленей.

Въ слѣдующее, 1737 года лѣто, вышли изъ устья Кары 6-го Іюля, и направились вдоль береговъ Байдарацкой губы. Встрѣчая множество льдовъ, изадерживаемые противными вѣтрами, только 21-го достигли противулежащаго Карѣ Мутнаго залива (70°, 27′.) Отсюда, уже не встрѣчая льдовъ, съ тихимъ отъ юго-востока вѣтромъ, направились къ сѣверу: ночью обошли Шараповы кошки; на другое утро миновали маякъ на рѣкѣ Моржовкѣ, въ шир. 71°, 24′; въ полдень проходили маякъ, поставленный Муравьевымъ, въ шир. 72°, 37′, и потомъ, минуя нѣсколько другихъ маяковъ, поутру 23-го подошли къ сѣверной оконечности Ялмала, къ проливу между нимъ и о. Бѣлымъ, въ широтѣ около $75\frac{1}{2}°$. Восточные и сѣверовосточные вѣтры, по большей части умѣренные, но съ туманами, стояли въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, и задерживаемые ими, наши мореплаватели, то лавируя подъ парусами, то останавливаясь на якорѣ, пробыли здѣсь болѣе трехъ недѣль. Льдовъ не было. 16-го Августа, наконецъ подулъ вѣтръ отъ сѣверо-запада, и на другой день суда вышли за оконечность полуострова—первое плаваніе здѣсь человѣка, ибо и самые промышленники никогда не достигали въ этой сторонѣ до такой широты! Вступивъ въ Обскую губу, въ которой тоже не было льдовъ,

11-го Сентября они достигли устья рѣки Оби, гдѣ были встрѣчены ожидавшими ихъ для проводки казаками, а 2-го Октября пришли въ Березовъ, у котораго и зазимовали.

Малыгинъ уѣхалъ въ С. Петербургъ, съ отчетами, а Скуратову было предписано совершить отсюда обратный путь, къ Архангельску (1). Этотъ обратный путь, столькоже или еще болѣе трудный какъ настоящій, былъ совершенъ тоже въ два лѣта. 6-го Іюля 1738 года, на одномъ ботѣ Скуратовъ, на другомъ Подштурманъ Головинъ, вышли изъ устья Оби, и постоянно сопровождаемые льдами, 30-го достигли сѣверной оконечности Ялмала; обогнувъ его, 4-го Августа вступили въ Карское море. Слѣдуя подлѣ берега, безпрестанно въ густыхъ льдахъ, чрезъ которые пробивались пешнями, къ счастію еще имѣя попут-

(1) На Малыгина жаловались его Подштурманъ Позняковъ и за-подштурмана квартирмейстеръ Великопольскій, за его жестокое съ ними обхожденіе: что онъ поступалъ съ ними, какъ неприлично поступать офицеру съ своими «подданными;» бранилъ ихъ «скверно всячески;» билъ собственноручно и «головы ломалъ до крови;» грозилъ убить до смерти и бросить въ воду съ камнемъ; ставилъ подъ *томбуй* часовъ на восемь и болѣе, и наказывалъ *кошками* жестоко; прибавляя еще, что онъ мѣнялъ вино на песцы пріѣзжавшимъ Самоѣдамъ, и дѣлалъ разныя притѣсненія. — Отрицая упреки

ный вѣтръ, на другой день приблизились къ широтѣ 70°,40′, и направились отсюда прямо къ Югорскому шару, черезъ море. Однакожъ, встрѣченные на пути льдами, два дни спустя, 8-го были принуждены воротиться, простояли на мѣстѣ еще до 12-го, и потомъ пошли снова вдоль берега, ибо въ морѣ постоянно стояли непроходимые льды. Тѣснимые льдами и на этомъ пути, пробиваясь пешнями, выбирая для проходу *завитухи*, т. е. узкіе каналы во льдахъ, только 23-го они приблизились къ устью Кары. Здѣсь уже не было никакого выхода: льды отвсюду стѣснялись, морозы становились значительными, всѣ усилія пробиваться оказывались тщетными. 4-го Сентября, въ сдѣланномъ кон-

---

въ лихоимствѣ и притѣсненіяхъ, Малыгинъ отвѣчалъ, что дѣйствительно, «за противность и упрямство,» наказывалъ ихъ кошками, но «не смертно,» и ставилъ подъ ружья и бунъ, но «не безвинно.» — «И оные штрафы, прибавляетъ, не чрезвычайны и не безвинны, и не на всякій часъ къ смерти.»

Малыгинъ, въ 1739 году, командовалъ фрегатомъ Амстердамъ-галлей, съ которымъ потерпѣлъ крушеніе на Балтійскомъ морѣ; потомъ, нѣкоторое время былъ начальникомъ штурманской роты, и наконецъ Капитаномъ надъ портомъ, сперва Рижскаго, послѣ Казанскаго порта, въ которомъ и скончался въ 1764 году, въ чинѣ Капитанъ-Командора.

силіумѣ, опредѣлили ожидать относа льдовъ еще до 16-го, и потомъ оставить судно; но 12-го сдѣлался крѣпкій западный вѣтръ, льды задвигались, канатъ подорвало и судно было брошено на мель, совсѣмъ срѣзанное. Товарищемъ своего бѣдствія видѣли, также затертое льдами, одно промышленное судно. Перейдя благополучно на берегъ, гдѣ нашли нѣсколько Самоѣдскихъ чумовъ, стали разгружать судно, потомъ затянули его далѣе къ берегу, и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправились на зимовку въ Обдорскъ.

Исправясь какъ могли, въ слѣдующее лѣто 1739 года, вышли въ море 4-го Іюля, и пробиваясь во льдахъ, съ такими же какъ прежнія трудностями, 29-го достигли Югорскаго шара. Отсюда, море было уже почти чисто отъ льдовъ, и только у сѣверной оконечности о. Долгаго встрѣтили ихъ; вѣтръ стоялъ попутный. 4-го Августа подошли къ о. Колгуеву и, разлучившись потомъ, въ Архангельскъ прибыли въ разныхъ числахъ половины этого жъ мѣсяца.

Назначенный къ описи берега отъ устья Оби до Енисея, Лейтенантъ Д. Л. Овцынъ, отправился изъ Тобольска, на построенной здѣсь дубель-шлюпкѣ «Тоболъ» (дл. 70 ф. шир. 15 ф. гл. 7 ф.), имѣвшей двѣ мачты, гафельные

паруса и весла (1), 14-го Мая 1734 года. Съ нимъ были: Подштурманъ Стерлеговъ, штурманскій ученикъ Канищевъ, Геодезистъ Ушаковъ, геодезіи ученикъ Выходцевъ, рудознатецъ беркгауеръ Медвѣдевъ, Іеромонахъ, подлекарь, всего, съ проводниками, 56 человѣкъ. Сопровождаемый дощаниками, нагруженными провіантомъ, онъ прибылъ въ Обдорскъ (шир. 66°,34′) 11-го Іюня. Слѣдуя отсюда далѣе по рѣкѣ, къ устью, не зная мѣстности и безпрестанно встрѣчая мелководія, подвигался впередъ съ большими трудами и весьма медленно. 20-го Іюня, дотащившись, у праваго берега губы, къ урочищу Семиозерное, устроилъ здѣсь, изъ разломаннаго дощаника, магазинъ для запаснаго провіанта, и отпустивъ одного за другимъ обратно остальные дощаники, очень затруднявшіе плаваніе, направился къ сѣверу. Держась то къ одному, то къ другому берегу губы, безпрестанно посылая гребныя суда впередъ, для промѣра фарватеровъ и опознанія береговъ, часто встрѣчая свѣжіе противные бѣтры, только

---

(1) Адмиралтействъ-Коллегія опредѣляла дубель-шлюпкамъ вооруженіе *галерное*, т. е. латинскіе паруса, «точію подлинно на томъ не утвердилась,» говоритъ Берингъ, въ его предписаніи Овцыну 22-го Января 1734 года, опредѣляя ему сдѣлать настоящіе паруса.

31-го Іюля миновалъ устье Тазовской губы, и поставилъ маякъ на сѣверной ея оконечности, на мысѣ, наименованномъ Трехъ-бугровъ. Продолжая далѣе плаваніе, 5-го Августа достигъ широты 70°, 4′, у лѣваго берега губы. Ожидаемаго выхода—ибо не знали далекихъ границъ этой губы—все еще не было (оставалось до него три градуса широты), и по обѣ стороны, на закрой далеко, лежали все тѣже низменные, пустынные берега, покрытые снѣгомъ. Время наступало позднее, и стужи становились очень большими; въ суднѣ имѣлись поврежденія; удобнаго мѣста для зимовки вблизи не видѣлось, да и недостатокъ запасовъ не позволялъ оставаться здѣсь зимовать. По всему этому, сдѣлавъ консиліумъ, отсюда поворотили назадъ. Снова затрудняемые мелководіемъ, Обскаго устья достигли 31-го Августа, а въ Обдорскъ пришли уже 4-го Сентября.

Тою же осенью и потомъ зимою, были посылаемы берегомъ отряды казаковъ, для опознанія обоихъ береговъ губы и постановленія маяковъ; а штурманъ и геодезистъ промѣряли фарватеры.

Плаваніе слѣдующаго 1735 года, было еще неудачнѣе. Изъ Обдорска вышли немедленно по вскрытіи рѣки, 29-го Мая, и сопровождаемые несущимся льдомъ, даже за-

тираемые имъ, 5-го Іюня подошли къ Семиозернымъ магазинамъ, погрузили оставленный здѣсь въ прошломъ году провіантъ, и 10-го пошли далѣе. Но 13-го, поднявшись только до высоты Гусинаго носа (шир.66°, 46′), въ теченіи трехъ недѣль были останавливаемы неразрывно-стоячими льдами. Задерживаемые потомъ еще противнымъ вѣтромъ, 17-го Іюля достигли только до широты 68°, 40′, а между тѣмъ всѣ изнурились и переболѣли: самъ командиръ и три четверти команды (до 37 человѣкъ) были въ жестокой цынгѣ, и начиналась смертность: умерли четыре человѣка, въ томъ числѣ беркгауеръ Медвѣдевъ. Не видя теперь уже никакой возможности продолжать плаваніе, по сдѣланному съ оберъ- и унтеръ-офицерами консиліуму, отсюда пошли въ обратный путь. Заходя еще къ Семиозернымъ магазинамъ, и задерживаемые потомъ противнымъ вѣтромъ, только 10-го Августа достигли устья Оби.—Такъ какъ назначенныя по инструкціи двѣ кампаніи уже были сдѣланы, и новой, безъ особаго разрѣшенія, нельзя было предпринять, то, имѣя надобность въ запасахъ и исправленіяхъ, и разсчитывая на позднее очищеніе губы, не останавливаясь въ Обдорскѣ, пошли далѣе, къ Тобольску, куда прибыли въ началѣ Октября.

Въ теченіи этой кампаніи былъ еще посыланъ, для описи восточнаго берега губы, геодезіи ученикъ Прянишниковъ, который и описалъ, «геодезически,» встрѣченную имъ на пути огромную Тазовскую губу, окончивъ эту работу только въ слѣдующемъ году. Зимою опять посылали казаковъ, для обозрѣнія береговъ и постановленія маяковъ.

Оправившись отъ болѣзни, Овцынъ поѣхалъ въ С. Петербургъ, съ отчетами и представленіями о дальнѣйшемъ плаваніи. Адм.-Коллегія, рѣшившаяся тогда продолжать начатыя изслѣдованія, согласилась на всѣ его требованія: приказала построить въ помощь другое судно, палубный ботъ; пополнила и измѣнила, по его желанію, команду; дала новый такелажъ и паруса; опредѣлила отправить партію казаковъ на оленяхъ съ чумами, для сопровожденія экспедиціи по берегу, на случай бѣдствія; назначила производить, по его усмотрѣнію, подарки кочующимъ, и командѣ, по примѣру Архангельскаго отряда, ежедневно по чаркѣ вина; даже позволила поступать «сверхъ инструкцій,» когда это понадобится «къ пользѣ интереса Ея Императорскаго Величества.»—«А безъ окончанія въ совершенство, оной экспедиціи, прибавляла также какъ Малыгину, возвращенія не будетъ.»

Начатый тогда же постройкою ботъ, однакожъ не поспѣлъ къ настоящей кампаніи, и Овцынъ, не дожидаясь его, отправился одинъ въ море.

Съ нимъ были теперь: Штурманъ Мининъ, Подштурманъ Стерлеговъ, Шхиперъ Воейковъ, Іеромонахъ, подлекарь, геодезіи ученикъ Выходцевъ (Ушаковъ былъ боленъ), рудознатецъ Лескинъ и—весьма замѣчательное лице—своими средствами обучившійся, по охотѣ пошедшій въ экспедицію, гардемаринъ Пареного (1), всего 50 человѣкъ. По выходѣ изъ Тобольска 23-го Мая, къ Обдорску прибыли 29-го Іюня. Слѣдуя отсюда далѣе, 6-го Іюля пришли къ Семиозернымъ магазинамъ, 14-го къ Гусиному носу, и 22-го, въ широтѣ $69\frac{1}{2}^{\circ}$, встрѣтили льды. Подвигаясь за ними медленно, 5-го Августа достигли широты 72°, 40′, «и всегда были въ великихъ льдахъ, которые назади себя оставливали, ревную неотмѣнно ко исполненію порученнаго намъ дѣла, полагая

(1) Воронежскій дворянинъ. Экзаменовавшіе его, учители Морской Академіи, Фарварсонъ и Салмановъ, отозвались, что онъ столько свѣдущъ въ морской наукѣ, что «хоть-бы въ подмастерьи (учители) при Академіи.» Принятый на службу гардемариномъ, онъ былъ назначенъ въ настоящій походъ къ штурманской должности.

себя отъ затѣсненія оными судна, во упованіе на томъ Создавшаго насъ.» Отправленная, для сопровожденія экспедиціи, партія казаковъ, встрѣтивъ на своемъ пути Тазовскую губу, тогда еще незнаемую, не могла черезъ нее переправиться, и потому, ожидаемаго отъ нея содѣйствія уже не могло быть. Зимовать опять было негдѣ и не съ чѣмъ. По такимъ причинамъ, продержавшись здѣсь еще до 14-го Августа, и не видя очищенія льдовъ, между тѣмъ какъ время становилось позднее и начинала замерзать стоячая вода, сдѣлавъ консиліумъ съ оберъ и унтеръ-офицерами, поворотили назадъ. 30-го Августа пришли къ Гусиному мысу, 9-го Сентября къ Семиозернымъ магазинамъ, оставивъ въ обѣихъ этихъ мѣстахъ часть провіанта, и 26-го достигли Обдорска. Овцынъ, на зимовку переѣхалъ въ Березовъ.

Лѣто 1737 года, замѣчательное по отсутствію льдовъ въ Сѣверномъ морѣ, покрайней мѣрѣ съ этой стороны, дозволившее, какъ мы видѣли, благополучно обогнуть полуостровъ Ялмалъ отряду Малыгина и Скуратова, было благопріятно и Овцыну. Мѣры, впрочемъ, были приняты еще сильнѣйшія: въ теченіи зимы посланъ одинъ геодезіи учинникъ, Выходцевъ, съ партіею Самоѣдовъ, къ сѣверной оконечности полуос-

трова, для постройки тамъ магазина изъ выкиднаго лѣса, замѣченнаго въ прошлую кампанію, и для обзора и постановленія маяковъ къ Енисейскому устью; съ Енисейскаго устья, опредѣленъ въ посылку на встрѣчу другой геодезіи ученикъ, Прянишниковъ, съ партіею казаковъ; опять нанятъ большой табунъ оленей, для сопровожденія экспедиціи по берегу; вновь промѣрено Обское устье и разставлены по немъ вѣхи, что весьма облегчило выходъ.

Построенный въ Тобольскѣ ботъ, дл. 60 ф. шир. 17 ф. гл. $7\frac{1}{2}$ ф., одномачтовый, съ тендерскимъ вооруженіемъ, наименованный «Обь-Почтальонъ,» былъ приведенъ въ Обдорскъ, начальствовавшимъ имъ Мастеромъ (старшій штурманъ) Кошелевымъ, въ началѣ Іюня, и принятъ Овцынымъ въ свою команду, а Кошелеву дана дубель-шлюпка. Распредѣливъ команды по ровну, по 35 человѣкъ, 29-го того-жъ мѣсяца, когда только очистилось устье, оба судна отправились къ выходу, и на другой же день, при помощи разставленныхъ вѣхъ, достигли Семиозернаго магазина. Забравъ оставленный здѣсь въ прошлое лѣто провіантъ, послѣдовали далѣе, къ Гусиному носу, тоже для забранія оставленнаго провіанта, но потерявъ фарватеръ, достигли его только 9-го Іюля,

и только 14-го направились въ настоящій путь. Не встрѣчая льдовъ, но задерживаемые часто измѣнявшимися, болѣе противными вѣтрами съ туманами, и еще значительно отставшею отъ бота дубель-шлюпкою, подвигались впередъ очень медленно. Съ 20-го Іюля, отъ широты около 68°, установился—отселѣ почти на цѣлый мѣсяцъ—сѣверовосточный, большею частію свѣжій вѣтръ. Погода стала «студеною,» и на берегахъ видѣнъ былъ снѣгъ. Придерживаясь то къ правому, то къ лѣвому берегу губы, и останавливаясь иногда на якорѣ у береговъ, 3-го Августа, въ шир. 72°, видѣли сопровождавшій ихъ конвой, и увѣдомились отъ него, что назначенные по опредѣленію магазины, въ недалекомъ отсюда разстояніи, построены. Не останавливаясь, 6-го Августа достигли оконечности праваго берега, у мыса Тора-соль (шир. 72°, 46′). Продолжая держать къ сѣверу, въ полдень слѣдующихъ сутокъ находились уже въ широтѣ 73°, 42′, въ открытомъ морѣ, и увидѣли впереди льды. Вода здѣсь была весьма солона и горька, цвѣтомъ темноголубая, глубины 7 саженъ. Вѣтръ восточный, крѣпкій; небо облачное. Въ 6-мъ часу пополудни подошли къ самымъ льдамъ, въ широтѣ 74°, 2′, лежавшимъ необозримою массою на сѣверѣ и на западѣ, буграми, надъ

которыми летали черныя чайки, и видѣли здѣсь кита, пускавшаго высокіе фонтаны. Глубина увеличилась до 12 саженъ. Находя невозможнымъ пройти къ западу, чтобы опредѣлить оконечность губы съ этой стороны, впрочемъ совершенно убѣжденные въ окончаніи здѣсь берега, долженствовавшаго еще быть изслѣдованнымъ другимъ отрядомъ экспедиціи, Малыгина и Скуратова, которые, какъ мы видѣли, въ эту пору лавировали поблизости, и вскорѣ потомъ дѣйствительно заворотили въ губу съ запада, Овцынъ и Кошелевъ, сдѣлавъ консиліумъ, пошли къ востоку. Толщину льда измѣрили въ 9 и 8 футовъ. На другой день, когда приблизились къ берегу, льдовъ уже не было видно. Задерживаемые противнымъ вѣтромъ, только 16-го Августа они обогнули сѣверный мысъ полуострова, раздѣляющаго Обскую губу съ Енисейскою, наименованный Сѣверовосточнымъ, по тузем-ному Мате-соль (тупой мысъ). Обсервовавъ, по обходѣ его, шир. 73°, 15′, и поставивъ на немъ знакъ, съ подписью о совершенномъ подвигѣ, пошли въ Енисейскую губу. Вѣтры были все еще противные, сѣверовосточные, и шелъ снѣгъ. Наконецъ, 31-го Августа, «хотя чрезъ великія трудности, но Божескимъ намъ вспомоществованіемъ и счастіемъ Ея Императорскаго Величества,» вошли въ Ени-

сей, въ которомъ, также какъ и Малыгинъ въ устьѣ Оби, были встрѣчены ожидавшими ихъ проводниками. Устье Енисея опредѣлили въ шир. 71°, 50′. Отсюда плыли вверхъ по Енисею около 300 верстъ, и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, не доходя нѣсколькихъ верстъ до Туруханска, застигнутые морозами, остановились зимовать.

Въ слѣдующее лѣто, 1738 года, согласно данной инструкціи, Овцынъ съ дубель-шлюпкою пошелъ къ Енисейску, куда прибылъ 21-го Іюля, а Штурману Минину (Мастеръ Кошелевъ хворалъ) поручилъ, на ботѣ Оби-Почтальонѣ, произвести изслѣдованіе берега отъ устья Енисея къ востоку, до р. Хатанги, т. е. кругомъ Таймурскаго полуострова, который берегъ, доносилъ онъ, по полученнымъ извѣстіямъ, «отъ большихъ льдовъ затрудненія не имѣетъ.» Самъ онъ поѣхалъ было въ С. Петербургъ, съ отчетами; но на дорогѣ, въ Тобольскѣ, былъ внезапно арестованъ, и по суду, произведенному въ Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи, за дружеское обхожденіе съ находившимся въ ссылкѣ, въ Березовѣ, Княземъ И. А. Долгоруковымъ, разжалованъ въ матросы до выслуги, и посланъ подъ команду Беринга въ Охотскъ (1).

(1) Тамъ онъ участвовалъ въ плаваніи къ Америкѣ, уцѣлѣлъ въ бѣдствіи, приключившемся на обрат-

Мининъ, съ порученнымъ ему ботомъ, имѣя въ командѣ Подштурмана Стерлегова, гардемарина Пареного, рудознатца Лескина, Іеромонаха, подлекаря, всего 27 человѣкъ, отправился изъ Туруханска 4-го Іюня 1758 года. Достигнувъ устья Енисея 3-го Августа, онъ продолжалъ плаваніе подлѣ восточнаго берега, и 8-го Августа, около мыса Ефремовъ камень (шир. 72°, 53′), встрѣтилъ большіе льды, которые принудили его укрыться въ Волгиномъ зимовьѣ (шир. 72°, 20′). Вѣтръ былъ очень свѣжій, шелъ снѣгъ, замерзала вода на палубѣ и леденѣли снасти. Простоявъ здѣсь четыре дни, 13-го Августа онъ опять пошелъ къ сѣверу, но на другой день, на томъ же мѣстѣ, у Ефремова камня, опять встрѣтилъ льды, и 16-го Августа зашелъ за группу небольшихъ каменныхъ островковъ, лежащихъ у самаго заворота берега, наименованныхъ Сѣверовосточными (шир. 73°, 7′). Отсюда онъ нѣсколько разъ пытался пройти далѣе, съ большими трудами пробираясь между льдовъ, но каждый разъ былъ принуждаемъ возвращаться. 22-го Августа, посылалъ впередъ, на ялботѣ, Подштурмана Стерлегова провѣдать, нѣтъ-ли за границею льдовъ откры-

---

номъ пути, и воротившись назадъ, получилъ прежній чинъ, по указу 19 Февраля 1741 года; а въ 1749 г. пожалованъ въ Капитаны 2-го ранга.

таго моря. Пробравшись между густыхъ плавающихъ льдовъ, по сѣверовостоку верстъ на сорокъ, Стерлеговъ на другой день достигнулъ очень высокаго мыса, по счисленію въ шир. 73°, 14′, наименованнаго «Сѣверовосточнымъ,» и видѣлъ отсюда продолженіе земли по томужъ направленію, по ONO, а въ морѣ, кругомъ, сплошные, высокіе и гладкіе, неподвижно стоявшіе льды. Не находя возможнымъ, за густотою льдовъ, продолжать изслѣдованіе, онъ воротился отсюда, «отчая благополучія, съ великою нуждою.» Между тѣмъ морозы все усиливались, льды стали смерзаться, окрестные берега покрылись снѣгомъ, а вѣтры стояли упорно противные, отъ сѣверо-востока. По всему этому, нуждаясь еще въ прѣсной водѣ, 30-го Августа оставили дальнѣйшія покушенія, и пошли въ устье Енисея. Сдѣлавъ еще опись западному берегу устья этой рѣки, 7-го Сентября вошли въ самую рѣку, и направляясь по ней къ Туруханску, 19-го остановились у зимовья Терехина (шир. 70°, 27′).

Адмиралтействъ-Коллегія, получивъ донесенія объ этомъ походѣ Минина, опредѣлила ему продолжать начатыя изслѣдованія, поступая по данной отъ Овцына инструкціи.

Лѣтомъ 1739 года, по вскрытіи рѣки, Мининъ пошелъ къ Туруханску и, принявъ

тамъ провизію, отправился въ настоящій путь уже поздно, въ началѣ Августа, такъ что едва къ концу этого мѣсяца успѣлъ достигнуть устья. Отсюда, за наступленіемъ уже позднаго времени, и не имѣя притомъ проводниковъ, на зимовку опять воротился въ Туруханскъ.

Въ исходѣ Января 1740 года, Подштурманъ Стерлеговъ, выѣхавъ изъ Туруханска на двухъ нартахъ собакъ, и присоединивъ въ дорогѣ еще двѣ нарты, съ 23-го Марта дѣлалъ опись берега отъ устья Енисея на сѣверо-востокъ, до широты 75°, 26′ (обс.), которой достигъ 14-го Апрѣля. Глазная боль, причиненная мятелями ему и его сопутникамъ, не позволяла продолжать описи, и потому, поставивъ здѣсь знакъ съ надписью, онъ ворогился назадъ.

Въ томъ же 1740 году, Мининъ дѣлалъ послѣднее покушеніе къ обходу Таймурскаго полуострова. Отправясь изъ Туруханска 6-го Іюля, Енисейскаго устья, у р. Голчихи, достигъ только 3-го Августа, а у р. Глубокой, 5-го. Оставивъ, въ магазинѣ у первой, 50 пудовъ сухарей для отряда Лейтенанта Х. Лаптева, нарубивъ дровъ и взявъ двухъ человѣкъ въ проводники, у второй встрѣтилъ, приготовленный для сопровожденія по берегу, подобно Архангельскому и

Обскому отрядамъ, небольшой конвой съ оленями, съ которымъ послалъ еще 80 пудовъ сухарей для отряда Х. Лаптева, въ зимовьи по морскому берегу до Пясинги. 10-го пришелъ къ р. Волгиной, у самаго устья Енисея, и 11-го къ Сѣверовосточнымъ островамъ. 12-го Августа, отслуживъ молебенъ, «съ Божіею помощію» направился отсюда къ сѣверовостоку, вдоль берега. Льдовъ не было, и вѣтръ стоялъ попутный, только очень свѣжій, пасмурность, туманъ и потомъ густой снѣгъ. Сдѣлавъ около 50 миль пути, вечеромъ 13-го укрылись отъ свѣжаго западнаго вѣтра за островкомъ, изъ за котораго вышли уже 15-го. Слѣдуя потомъ между берега и множествомъ прилегающихъ къ нему небольшихъ каменистыхъ островковъ (*Каменными* и названныхъ), безпрестанно останавливаясь и промѣряясь, съ утра 20-го числа, въ широтѣ около 75°, начали встрѣчать льды, и послѣ полудни вошли въ непроходимо-густую массу ихъ. Подвергаясь опасности быть затертыми ими, и не зная положенія береговъ впереди, поворотили назадъ, отъ широты 75°, 15′, и еще цѣлыя сутки сопровождаемые льдами, «едва могли выдти» изъ нихъ на другой день. 26-го подошли къ Сѣверовосточнымъ островамъ, а 27-го въ устье Енисея. Погода стояла уже очень холодная, часто выпадалъ снѣгъ

и замерзала вода отъ всплесковъ. На пути Енисейскимъ устьемъ нѣсколько разъ останавливались на меляхъ, и только 27-го Сентября втянулись для зимовья въ рѣчку Дудину, въ шир. $69\frac{1}{2}^{\circ}$, тогда уже покрытую льдомъ.

Въ 1741 году, Мининъ занимался только описью рѣки Енисея, до Енисейска, съ 9-го Іюня по 4-е Августа.

Между тѣмъ онъ представлялъ, съ посланнымъ въ С. Петербургъ, въ этомъ же году, съ картами и журналами, своимъ помощникомъ Стерлеговымъ, что ботъ еще можетъ прослужить двѣ кампаніи, и если потребуется продолженіе изслѣдованій, то какія надобны пособія въ припасахъ, проводникахъ, магазинахъ, и проч. Адм.-Коллегія (въ Мартѣ 1742 года) поручила все это въ разсмотрѣніе Лейтенанта Х. Лаптева, съ тѣмъ, что если онъ признаетъ нужнымъ продолженіе дѣйствій этого судна, то продолжать, удовлетворивъ его всѣмъ требуемымъ, а если не найдетъ нужнымъ, то оставить. Х. Лаптевъ, въ это время, какъ мы сейчасъ увидимъ, уже описалъ весь тотъ берегъ по суху, убѣдившись въ совершенной невозможности обойти его моремъ; потому, дѣйствія настоящаго отряда оставлены.

Съ своимъ сотрудникомъ, Стерлеговымъ,

Мининъ былъ поссорившись, и Стерлеговъ, также нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, жаловались на пьянство и жестокости Минина, а нѣкоторые укоряли его еще въ лихоимствѣ. Мининъ, въ свою очередь, обвинялъ ихъ въ непослушаніи, и тоже въ пьянствѣ. Судились долго; въ 1749 году, Мининъ былъ приговоренъ къ написанію въ матросы на два года.

Суда, назначенныя къ описи береговъ отъ устья Лены, на западъ и на востокъ: дубель-шлюпка «Якутскъ» (дл. 70 ф. шир. 18 ф. гл. 6½ ф.), подъ командою Лейтенанта Прончищева, и палубный ботъ «Иркутскъ» (дл. 60 ф. шир. 20 ф. гл. 7½ ф.), Лейтенанта Ласиніуса, сопровождаемыя дощаниками съ провіантомъ, вышли изъ Якутска 30-го Іюня 1735 года. 2-го Августа, они подошли къ тому мѣсту рѣки, гдѣ она раздѣляется на протоки, островъ Столбъ, и слѣдуя оба восточною протокою (Быковскою)—Прончищеву выгоднѣе было-бы идти западною, но онъ не нашелъ въ нее фарватера—вышли на устье, къ Быковскому мысу. Ласиніусъ, плаваніе котораго будемъ описывать далѣе, снялся отсюда 7-го Августа, а Прончищевъ, пришедшій позже, 13-го (1). Съ

(1) Позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь слѣдующее, не важное, но можетъ быть небезполезное для историковъ, безотчетно украшающихъ свои разказы, при-

Прончищевымъ были: Подштурманъ Челюскинъ, Геодезистъ Чекинъ, Іеромонахъ, подлекарь, всего до 50 человѣкъ команды и—фактъ весьма замѣчательный!—кажется единственный въ лѣтописяхъ сѣверныхъ плаваній—его сопровождала супруга, раздѣлявшая съ нимъ труды и лишенія столь отдаленнаго странствія, и скончавшаяся, какъ увидимъ далѣе, въ этой пустынной странѣ, почти въ одно время съ мужемъ.

Обогнувъ Быковской мысъ, съ 16-го Августа Прончищевъ сталъ обходить усть-Ленскія острова, около которыхъ лежали льды «икрами,» но не очень густо; поднимался до шир. 73°, 48′, и 25-го подошелъ къ устью Оленека, въ шир. 72°, 54′. Такъ какъ время уже наступало позднее и начинались

мѣчаніе: Въ Зап. Адм. Деп., въ статьѣ о плаваніяхъ этихъ офицеровъ сказано, что при выходѣ въ море, они «пожелали другъ другу достигнуть благополучно до назначенной цѣли.» Но на дѣлѣ оказывается, что придя къ Быковскому мысу въ разныя числа, и останавливаясь по разныя его стороны, они не могли видѣться здѣсь, ибо въ тотъ же часъ, какъ подошелъ сюда Прончищевъ, снялся съ якоря и пошелъ въ море Ласиніусъ, и не могли пожелать другу другу «благополучнаго пути,» потому что, какъ видно изъ переписки ихъ, были въ это время поссорившись. Очень можетъ быть, что разставаясь, они пожелали другъ другу сломить головы.

морозы, то рѣшились остаться здѣсь зимовать. 30-го втянулись въ устье рѣки (шир. 72°,30′), и тамъ построили, для зимовья себѣ, двѣ избы изъ плавника. Тутъ было небольшое селеніе, двѣнадцать семей, осѣдлыхъ Русскихъ промышленниковъ, а выше кочевья Тунгусовъ и Якутовъ. Погода, доселѣ стоявшая тихою и ясною, стала вѣтряною и пасмурною, стужа увеличилась, пошелъ снѣгъ, и 20-го Сентября рѣка покрылась льдомъ. Солнце скрылось подъ горизонтъ 13-го Ноября, и впервые показалось потомъ 22-го Января.

Въ слѣдующее лѣто, 1736 года, хотя рѣка вскрылась 21-го Іюня, но задерживаемый носившимися передъ устьемъ льдами, Прончищевъ вышелъ въ море только 3-го Августа. Отойдя немного къ западу, съ 5-го по 11-е останавливался при устьѣ рѣки Анабары, въ шир. 73°, 1′, вверхъ по которой посылалъ геодезиста, «для осмотра горы той, въ которой руда.» Далѣе встрѣтилъ густые льды, между которыхъ пробирался «съ великою опасностію,» до устью Хатанской губы, въ шир. 74°, 9′, къ которому подошелъ 13-го Августа. Посланные на лѣвый берегъ этой губы, видѣли здѣсь зимовье, въ немъ хлѣбъ и собакъ, но промышленниковъ не нашли. Продолжая отсюда плаваніе къ

сѣверу, въ виду берега, съ тихими и попутными вѣтрами, и уже не встрѣчая большихъ льдовъ, 17-го, отъ широты $76\frac{1}{2}^{\circ}$, заворотили вдоль берега къ западу. Здѣсь встрѣтили множество стоящихъ и плавающихъ льдовъ, между которыми шли «чрезъ великую нужду,» иногда узкостію въ нѣсколько саженъ. Погода была холодная и пасмурная. Съ утра 19-го стали опять подниматься къ сѣверу, «и шли около льдовъ, который ледъ подошелъ отъ самаго берега въ море, и очень гладокъ, уподобился якобы на озерѣ, и приплесковъ на немъ никакихъ нѣтъ, и признаваемъ, что оный ледъ ни въ какое лѣто не ломаетъ.» По льду ходило множество бѣлыхъ медвѣдей; въ водѣ видѣли бѣлухъ и моржей; но чайки, передъ этимъ летавшія около судна, скрылись. Глубина увеличивалась, и уже не могли доставать ее лотлинемъ во 120 саженъ. Около полудни, достигнувъ широты 77°, 29′—самое отдаленное въ этой сторонѣ плаваніе—съ нашедшимъ туманомъ попали «въ самые глухіе льды,» которымъ, когда попрочистилось «и конца видѣть не могли:» съ лѣва стоячій гладкій ледъ, впереди и съ права плавучіе, а «иные уже и назади остались»—всего саженяхъ въ 80 чистаго пространства. Прончищевъ, больной съ самаго начала кампаніи, созвалъ къ

себѣ въ каюту оберъ и унтеръ-офицеровъ, и по консиліуму съ ними опредѣлилъ, за невозможностію продолжать плаваніе, возвратиться назадъ. Едва могли выдти изъ разсѣлины льдовъ, въ которую попали. На другой день, съ увеличившимся морозомъ и наступившею тишью, море начало было стягиваться, и шли цѣлый день на греблѣ, «а вода такъ густа, что передъ носомъ судна былъ великій шумъ.» Къ счастію, подулъ свѣжій сѣверный вѣтръ, разшевелившій море, и позволившій слѣдовать парусами. Все еще съ великими трудами пробираясь между льдовъ, 23-го подошли къ устью Хатангской губы. Здѣсь уже не было льдовъ: «знатное дѣло, оные отнесло долече въ море,» записано въ журналѣ. Предполагая остановиться здѣсь на зимовку, снова посылали осматривать берегъ, но нашли, что на немъ «жила никакого нѣтъ, такожъ и лѣсу мало.» 25-го подошли къ устью Оленека, и изнуренные холодомъ и безпрерывными трудами, еще семь дней держались передъ нимъ, за противнымъ вѣтромъ, съ замѣчательнымъ постоянствомъ дувшимъ отъ юга и юговостока. Шелъ густой снѣгъ и обмерзали снасти. 29-го Прончищевъ скончался. 2-го Сентября, наконецъ, вошли въ устье Оленека, по которому уже несло ледъ, и остановились

у прошлогодняго зимовья. 6-го предали землѣ тѣло покойнаго командира. Пять дней опустя (11-го), за нимъ послѣдовала и жена его, погребенная вмѣстѣ съ нимъ.

Принявшій послѣ Прончищева команду, Штурманъ Челюскинъ, и съ нимъ Геодезистъ Чекинъ, въ половинѣ Декабря поѣхали въ Якутскъ; но задержанные на пути, ссорою Челюскина съ однимъ сборщикомъ податей, не получили подводъ, прожили въ Сиктахѣ (на Ленѣ) до Іюня слѣдующаго года, и тогда только, рѣкою, отправились къ Якутску, въ которомъ уже не застали Беринга. Однакожъ донесенія ихъ были получены въ Якутскѣ еще въ началѣ 1757 года, и въ то же время получены донесенія о подобной неудачѣ вторичнаго похода на востокъ отъ Лены, который мы будемъ описывать далѣе (1).

Два лѣта, назначенныя инструкціями для

(1) Все, сказанное въ Зап. Адм. Департамента, въ статьѣ о настоящихъ плаваніяхъ, касательно *прозимованія* Челюскина на Оленекѣ, *переходѣ моремъ* въ слѣдующемъ году къ устью Лены, и *поѣздкѣ* въ С. Петербургъ—ложно. По инструкціи, Челюскину дѣйствительно надлежало, по окончаніи двухъ-лѣтнихъ кампаній, какъ командиру теперь, ѣхать въ С. Петербургъ съ отчетами; но Берингъ, отъѣзжая въ Охотскъ, оставилъ ему предписаніе не ѣздить туда: «понеже Государственная Адмиралтейская Коллегія и безъ тебя можетъ разсмотрѣть о пути вашемъ.»

изслѣдованій, минули, и «хотя надлежало было,» по словамъ самого Беринга, утверждаясь на кратковременности первой кампаніи, и слѣдуя примѣру возобновленія экспедиціи Овцына, продолжать настоящія изслѣдованія; но, чрезвычайно осторожный, онъ не рѣшался на это: «а какъ пойдутъ тѣ дубель-шлюпка и ботъ—писалъ онъ—и не пройдутъ, и отольдовъ получатъ себѣ поврежденіе, или паче и совсѣмъ пропадутъ, чего не дай Боже—однакожъ все то въ Божьей волѣ—тогда взыщется на насъ: чего ради безъ указа отправили и потеряли напрасно?»—На такомъ основаніи, онъ сперва обратился за совѣтами къ Академикамъ. Де-ла-Кроеръ рѣшительно отсовѣтывалъ продолженіе экспедиціи, а Миллеръ предложилъ драгоцѣнныя для насъ его историческія разысканія въ мѣстныхъ архивахъ, о плаваніяхъ казаковъ по Ледовитому морю въ семнадцатомъ столѣтіи, изъ которыхъ было видно, что эти плаванія совершались съ великими трудами, лишеніями и гибелью людей; объяснялъ, что подобныя далекія плаванія, между Лены и Анадыра, уже давно прекратились, и ходятъ только между Колымы, Индигирки и Хромы; что вмѣсто употреблявшихся прежде глубоководныхъ *кочей*, употребляютъ нынѣ однѣ мелководные *ши-*

тики; и что по замѣчаніямъ бывалыхъ людей, «Ледовитое море, предъ прежними годами, много убыло, и подлѣ берега стало мелко.» Потомъ онъ совѣтовался со всѣми своими офицерами и, по согласію съ ними, отложилъ продолженіе экспедиціи до особаго разрѣшенія на это Адмиралтействъ-Коллегіи.

Такъ было пропущено, замѣчательное по отсутствію льдовъ въ западныхъ предѣлахъ Ледовитаго моря, лѣто 1737 года; и потомъ, въ перепискѣ и приготовленіяхъ, прошло слѣдующее, 1738 года.

Адмиралтействъ-Коллегія, получивъ представленіе Беринга, въ исходѣ 1737 года, замѣтила, что обмеленіе моря, если оно и дѣйствительно послѣдовало, нисколько не препятствовало настоящимъ плаваніямъ; что неудачи ихъ, скорѣе могли происходить отъ позднихъ выходовъ въ море, раннихъ возвращеній, и особенно оттого, что всегда возвращались въ тѣ мѣста, изъ которыхъ выходили, не стараясь удерживать за собою пройденнаго; приводила въ примѣръ эти самыя плаванія казаковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, на которыя ссылался въ своихъ представленіяхъ Берингъ, плаванія, совершавшіяся людьми «незнающими навигаціи,» на судахъ *погибельныхъ*, съ парусами изъ оленьихъ кожъ, съ снастями ремянными, съ камнями

вмѣсто якорей, и однакожъ удававшіяся; потому заключала, что тѣмъ болѣе должны удаваться плаванія на морскихъ судахъ, хорошо снабженныхъ, управляемыхъ людьми «искусными въ навигаціи.» Сознавая наконецъ великость трудовъ и опасностей, взывала къ ревности офицеровъ, указывала на важность порученнаго имъ, обнадеживала награжденіями, и опредѣлила (3-го Декабря 1737 года): продолжать настоящія изслѣдованія, «съ наиприлежнѣйшимъ стараніемъ,» не только еще въ одно, въ другое и въ третіе лѣто, но, «буде какая невозможность въ третіе лѣто вокончаніе привесть не допуститъ, то и въ четвертое....» Прибавивъ впослѣдствіи (27-го Февраля 1738 г.), что если и въ двѣ кампаніи, льды рѣшительно не допустятъ пройти моремъ, и надежды на такой проходъ нисколько не останется, то, по консиліуму, оставляя дальнѣйшія покушенія, начальнику настоящаго отряда описывать берегъ отъ рѣки Хатанги къ Енисею, т. е. кругомъ Таймурскаго полуострова, сухопутно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посланы новыя подтвержденія Сибирскимъ властямъ, о вспомоществованіи экспедиціи.

Преемникомъ Прончищеву назначенъ, изъ числа просившихся тогда въ экспедицію трехъ офицеровъ, Мичманъ, при назначеніи произведенный въ Лейтенанты, Х. П. Лаптевъ.

Уполномоченный обращаться съ своими требованіями непосредственно къ Сибирскимъ начальствамъ, онъ былъ снабженъ всѣмъ гораздо обильнѣе прежняго—новымъ такелажемъ изъ Казани, жалованьемъ впередъ на два года, подарочными вещами, инструментами для дѣланія лодокъ, и проч.—и еще требовалъ отъ Иркутской канцеляріи, чтобы, на случай сухопутныхъ описей, были ему заготовлены олени и собаки, а на устья рѣкъ Анабары, Хатанги и Таймуры, гдѣ могло привестись зимовать, и гдѣ жилья никакого нѣтъ, былибъ переведены, за указную плату, съ устья Оленека, по двѣ семьи тамошнихъ посельщиковъ, для рыболовства; было и это обѣщано. Для опредѣленій, Лаптевъ имѣлъ *сухопутный квадрантъ*.

Между тѣмъ, остававшаяся въ Оленекѣ дубель-шлюпка, въ лѣтѣ 1737 года была приведена, боцманматомъ Медвѣдевымъ, въ устье Лены, и потомъ въ Якутскъ, гдѣ исправлена и приготовлена къ новому походу.

Лейтенантъ Х. П. Лаптевъ вышелъ на дубель-шлюпкѣ, съ тѣми же офицерами и командою, всего 45 человѣкъ, изъ Якутска 9-го Іюня 1739 года; а 21-го Іюля, Крестяцкою или западною протокою Лены, вступилъ въ море. Сопровождавшіе его доселѣ дощаники съ провіантомъ, были посланы,

подлѣ берега, къ устью Оленека, для сложенія тамъ провіанта въ магазины. Встрѣченный густыми льдами при самомъ выходѣ, онъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца, постоянно, почти безпрерывно боролся съ ними, не рѣдко сдавливаемый до того, что теряли надежду на спасеніе, пробираясь то на парусахъ, то на веслахъ, распихиваясь шестами, и даже окалываясь иногда пешнями, нерѣдко удерживаемый на одномъ мѣстѣ по нѣскольку сутокъ. 24-го Іюля миновалъ устье р. Оленекъ; 28-го осмотрѣлъ губу Нордвикъ, для описанія которой посылалъ геодезиста; по выходѣ изъ нея былъ принужденъ, въ теченіи пяти дней, укрываться отъ носящихся льдовъ, въ образовавшейся у берега ледяной же бухтѣ (шир. 74°, 10′), и «спасеніе съ великимъ трудомъ получили;» 6-го Августа подошелъ къ устью Хатангской губы, къ стоявшему тутъ зимовью, чтобы сложить здѣсь часть провіанта для предполагаемой зимовки, но снова тѣснимый льдами, былъ принужденъ спуститься далѣе, въ самую губу, къ другому зимовью, въ шир. 74°, 42′, и тамъ, втянувшись въ устье мелководной рѣчки, сильно затираемый льдами, простоялъ цѣлую недѣлю; 14-го наконецъ вышелъ изъ губы, и пробираясь далѣе, между льдовъ, подлѣ бе-

рега, 17-го миновалъ Петровскую губу въ шир. 76½°, отъ которой заворотилъ къ сѣверо-западу; на другой день отстаивался за льдиною у о. Сѣвернаго песка (шир. 76°,41′); наконецъ, 21-го подошелъ къ мысу Св. Ѳаддея, въ шир. 76°, 47′, и здѣсь сплошные, стоячіе льды, совсѣмъ преградили дорогу. Посыланные на берегъ, для постановленія маяка, и осмотра видимой земли къ западу и къ югу, не находили удобнаго для судна пристанища—ни воды, ни достаточно напоснаго лѣса. Время наступало позднее, и уже замерзала вода въ закрытыхъ мѣстахъ. Потому, сдѣлавъ консиліумъ, рѣшились идти на зимовье въ Хатангскую губу. Неотступно преслѣдуемые льдами, 24-го достигли устья этой губы, и 29-го стали на зимовье въ верховьѣ ея, близь устья рѣчки Блудной, въ шир. 72°, 56′, гдѣ нашли готовое зимовье и товарищей—нѣсколько семей сидячихъ Тунгусовъ. Рѣка начала становиться 15-го Сентября, и 25-го совсѣмъ стала. 11-го Ноября скрылось солнце, и не показывалось до 19-го Января.

Въ теченіи зимы, пристроивъ себѣ еще зимовье изъ выкиднаго лѣса, возили провіантъ, на оленяхъ, вѣроятно доставаемыхъ отъ жителей, или, можетъ быть нарочно заготовленныхъ по требованію, съ мѣста у

оконечности губы, гдѣ оставили его во время похода, и съ устья Оленека, завезенный туда на дощаникахъ; посылали съ донесеніями и разными требованіями въ Якутскъ, Туруханскъ и на устье Лены, къ Дм. Лаптеву; а со вскрытіемъ водъ, ловили въ рѣкѣ рыбу. Всѣ оставались здоровыми, и умеръ только одинъ солдатъ, бывшій въ любострастной болѣзни. Случался однакоже ропотъ въ командѣ—слышались отъ нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ «нерегулярныя и неистовыя слова,» смирявшіяся кошками.

Въ исходѣ Октября тогоже года, былъ посланъ боцманматъ Медвѣдевъ, съ однимъ солдатомъ, на рѣку Пясингу, для осмотра ея устья, и описи берега отъ него къ востоку, до устья Таймуры. Онъ возвратился въ исходѣ Апрѣля, проѣхавъ по берегу только *сорокъ* верстъ, остановленный великою стужею и сильнымъ вѣтромъ.

Въ исходѣ Марта 1740 года, посланъ для описи берега, отъ устья Таймуры на западъ до Пясинги, Геодезистъ Чекинъ, съ однимъ солдатомъ и Якутомъ, жившемъ на устьѣ Таймуры, на двухъ нартахъ собакъ, да для подвоза корма до Таймуры семь нартъ собакъ, и сверхъ того, еще для перевозки дровъ, два Тунгуса съ осьмнадцатью оленями. Тунгусы вскорѣ возвратились, «за

безкормицею,» потерявъ семь оленей, павшихъ дорогою. Геодезистъ Чекинъ, съ сопутниками, воротился 17-го Мая, пѣшій, «съ крайнею нуждою,» оставя въ дорогѣ нарты и большую часть собакъ, погибшихъ отъ безкормицы. «Ѣздилъ до рѣки Таймуры, и оною рѣкою Таймурою до моря, и отъ нея около моря по морскому берегу къ западу, около *ста* верстъ, гдѣ уже земля пошла къ югу; а далѣе за тѣмъ не поѣхалъ, что себѣ провіанта и собакамъ корму стало мало очень, съ которымъ далѣе, въ безвѣстное мѣсто ѣхать былъ опасенъ....»

Въ исходѣ Мая, посланы еще на устье Таймуры, Якутъ и съ нимъ одинъ Русскій промышленникъ, для заготовленія къ будущимъ поѣздкамъ рыбы; и для тойже цѣли, отправлены Самоѣды на Таймурское озеро.

Хатанга вскрылась 15-го Іюня, но, за носящимися льдами, только 12-го Іюля можно было выдти въ губу. По губѣ тоже носились льды, и только черезъ мѣсяцъ труднаго и опаснаго плаванія, могли достигнуть устья губы. Здѣсь, утромъ 13-го Августа, въ широтѣ около $75\frac{1}{2}^{\circ}$, судно было окружено и сжато льдами, и понеслось съ ними по вѣтру и теченію къ сѣверу, обламываемое и утопающее. Остановленное наконецъ въ чащѣ другихъ льдовъ, на глубинѣ

12 саженъ, оно простояло въ нихъ цѣлую ночь, безпрестанно сдавливаемое, прорѣзанное и заливасмое водою. Вѣтръ, перешедшій къ сѣверу, былъ крѣпкій, шелъ густой снѣгъ и сильно морозило. Команда непрестанно работала, отливая воду, задѣлывая пробоины, ограждая бревнами бока судна. Къ утру слѣдующаго дня, судно было уже почти потоплено, и тогда, не переставая отливать изъ него воду, начали выгружать на ледъ провизію. Къ вечеру, льды опять тронулись и понесли затопающее судно въ море (по OSO). Видя уже неизбѣжную гибель его, командиръ, по консиліуму съ оберъ и унтеръ-офицерами, рѣшился спасать команду, и всѣ сошли на стоячій ледъ. Но этимъ еще не кончились бѣдствія: проведя на льду, среди моря, еще одну ночь, на другое утро, съ помощію нѣсколькихъ бывшихъ съ ними собакъ, отправились къ берегу, отстоявшему на пятнадцать миль къ западу, и достигли его только черезъ полуторы сутки, около полудни 16-го. Тутъ развели огонь, изъ найденнаго плавничнаго лѣса, и обогрѣвшись послѣ трехъ-суточнаго, безпрестаннаго холода, построили себѣ юрты; а между тѣмъ перевозили оставшійся на льду провіантъ, пока (31-го Августа) не отнесло льдину, на которой онъ былъ сложенъ. Боль-

ныхъ было множество. Изнуренные трудами, отчаявшіеся въ спасеніи, на этомъ пустомъ и далекомъ берегу, нѣкоторые нижніе чины подняли было ропотъ, говоря что имъ все равно умирать—работая или не работая; однакожъ мужественный начальникъ, строгимъ наказаніемъ зачинщиковъ, возстановилъ дисциплину (1). Отправляясь отсюда къ мѣсту прежней зимовки, были еще задержаны встрѣченною на пути рѣкою, по которой несло ледъ, и потому принуждены воротиться. Только черезъ мѣсяцъ послѣ крушенія, 20-го Сентября, могли переправиться черезъ эту рѣку, и слѣдуя тремя отдѣльными партіями, 25-го пришли въ «Конечное,» зимовье промышленника Созонов-скаго, и уже въ половинѣ Октября достигли мѣста своего прежняго зимовья. Изъ больныхъ, остававшихся нѣкоторое время на мѣстѣ выхода послѣ крушенія, и потомъ въ Конечномъ зимовьѣ, четверо умерло, а остальные привезены въ началѣ Ноября.

Потерявъ послѣднюю надежду обойти мо-

---

(1) Въ Зап. Адм. Деп., въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно опять для красоты слога, сказано, будто «*многіе* умерли, а оставшіеся сохранили бодрость съ твердостію, и *безъ роптанія* перенесли свое несчастіе.»— Умерло, какъ увидимъ далѣе, четверо, и то впослѣдствіи.

ремъ Таймурскій полуостровъ, но еще съ прошлаго года приготовившійся, запасомъ корма и вѣроятно сборомъ собакъ, къ береговымъ описямъ, неутомимый Лаптевъ, съ ранней весны 1741 года, приступилъ къ предположенной описи съ трехъ сторонъ. Штурманъ Челюскинъ, 17-го Марта, отправленъ на трехъ нартахъ собакъ, съ двумя солдатами, къ устью Пясинги, для слѣдованія оттуда, по берегу, кругомъ Сѣверозападнаго мыса, на востокъ до устья Таймуры; Геодезистъ Чекинъ, 22-го Апрѣля, тоже на трехъ нартахъ собакъ, съ солдатомъ и Якутомъ, отъ мѣста зимовья кругомъ Сѣверовосточнаго мыса, на западъ къ устью-же Таймуры; самъ Лаптевъ, съ однимъ солдатомъ и Якутомъ, на двухъ нартахъ, и еще съ двумя подводными, 24-го Апрѣля поѣхалъ прямо къ устью Таймуры. Между тѣмъ, туда-же, къ устью Таймуры, еще въ началѣ этого мѣсяца, послано съ провіантомъ и собачьимъ кормомъ 12 нартъ, и къ Таймурскому озеру 7 нартъ подводныхъ, который транспортъ порученъ квартирмейстеру Токмачеву; да посланы двѣ нарты съ кормомъ на дорогу, по которой слѣдовало ѣхать Чекину. Вся остальная команда, въ тоже время, была переправляема на Енисей, въ оленныхъ санкахъ.

Геодезистъ Чекинъ, вскорѣ послѣ его отправленія, былъ принужденъ возвратиться, доѣхавъ только до шир. 76°, 35′, потому что самъ онъ и бывшіе съ нимъ, *ослѣпли* отъ стужи. Штурманъ Челюскинъ, проѣхавъ отъ устья Пясинги, по берегу, до шир. 75°, 21′, встрѣтился здѣсь съ Лаптевымъ, и поворотилъ, вмѣстѣ съ нимъ, назадъ къ Пясингѣ. Лейтенантъ Лаптевъ, пріѣхавъ на устье Таймуры 6-го Мая, и опредѣливъ его широту (у зимовья) въ 75°, 36′, сперва отправился на востокъ, но чрезъ недѣлю, 17-го, проѣхавъ немного, отъ Медвѣжьяго мыса воротился, съ *перебитыми* отъ дыму въ юртахъ иотъ вѣтра глазами. Потомъ, 20-го, поѣхалъ по западному берегу, и почти каждый день дѣлая обсерваціи: 24-го опредѣлилъ Сѣверозападный мысъ, въ шир. 76°, 38′; 25-го, заворотя за него, видѣлъ маякъ, поставленный въ прошломъ году Чекинымъ, въ шир. 76°, 26′; 1-го Іюня, въ шир. 75°, 21′, встрѣтился съ Челюскинымъ, ѣхавшимъ на встрѣчу ему, имѣвшимъ уже весьма исхудалыхъ собакъ, и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ дорогу къ Пясингѣ, куда прибылъ 9-го Іюня (шир. 75°, 43′, между обсерваціи 9 и 10-го Іюня). Отсюда, всѣ переправились на Енисей —нѣкоторые тогда же, другіе въ половинѣ Августа— и зиму провели въ Туруханскѣ.

Оставалось, слѣдовательно, описать еще Сѣверовосточный мысъ, не описанный Чекинымъ. Для этого, въ Декабрѣ мѣсяцѣ тогоже года, былъ посланъ Штурманъ Челюскинъ. Прибывъ на устье Хатанги въ исходѣ Февраля (1742 г.), и къ мысу Св. Ѳаддея 1-го Мая, отсюда онъ началъ опись, слѣдуя на нартахъ по закраинамъ берега. 7-го, достигъ крайней сѣверной оконечности— Сѣверовосточнаго мыса, опредѣленнаго въ шир. 77°, 34′, и обогнувъ его, слѣдовалъ къ югу, къ устью Таймуры, не доѣзжая которой, 15-го Мая былъ встрѣченъ посланными къ нему съ устья солдатами съ провизіею. (1) Озабоченный исполненіемъ этой послѣдней и важнѣйшей описи, Лаптевъ самъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ, поѣхалъ на устье Таймуры, чтобы оттуда слѣдовать на встрѣчу Челюскину, но прибывъ на мѣсто въ началѣ Мая, за недостаткомъ провизіи, не могъ продолжать путешествія, и только послалъ

(1) Въ нашей статьѣ, посвященной гидрографическому описанію берега между устій Оби и Оленека, напечатанной въ этой же части Записокъ, мы изложили съ подробностію эту послѣднюю опись, вызванные на то искаженными изложеніями ея историковъ, дошедшими до сомнѣнія въ дѣйствительности достиженія этой самой крайней оконечности нашего материка.

на встрѣчу Челюскину двухъ солдатъ съ запасами.—Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, оба описателя возвратились въ Туруханскъ; оттуда, рѣкою, въ Енисейскъ, и Лаптевъ поѣхалъ съ отчетами въ С. Петербургъ (1).

Лейтенантъ Ласиніусъ, вышедшій изъ устья Лены съ палубнымъ ботомъ Иркутскъ, 7-го Августа 1735 года, имѣвшій у себя Подштурмана Ртищева и ученика Глазова, Геодезиста Баскакова, Іеромонаха, подлекаря, всего до 50 человѣкъ команды, послѣдовалъ, согласно инструкціямъ, по направленіи берега къ юговостоку. Безпрестанно промѣриваясь, и останавливаясь на якорѣ за противнымъ вѣтромъ, по выходѣ за Быковскій островъ, 11-го Августа, онъ встрѣтилъ льды, и два дни спустя сталъ уже отыскивать «отстойныхъ мѣстъ къ зимовью,» потому что время наступало позднее, а льды не отходили. 14-го подошелъ къ рѣкѣ Харіулахъ, въ углу залива Борхая, на восточной его сторонѣ, въ шир. 71°, 28′, и 18-го втянулся въ ея устье. Погода продолжалась тихая и яс-

(1) Х. П. Лаптевъ, въ 1757 году, будучи въ чинѣ Капитана 2-го ранга, командовалъ новопостроеннымъ 66-пушечнымъ кораблемъ, и на пути изъ Архангельска, у Скагена, претерпѣлъ съ нимъ крушеніе. Скончался въ Декабрѣ 1763 года, въ званіи Оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара Флота.

ная; рѣка, начавшая становиться 6-го Сентября, стала только 16-го. На мѣстѣ зимовья нашли пять старыхъ Якутскихъ юртъ, но для себя построили изъ выкиднаго лѣса казарму, длиною въ 11 саж., шириною въ 3, вышиною въ 2, разгороженную на четыре отдѣленія, съ тремя печами, особою кухнею и банею. Только для крыши не успѣли набрать достаточно лѣсу, и покрыли ее дерномъ; а печи, за неимѣніемъ глины, были принуждены сдѣлать изъ мѣстной селитряной земли, которая худо держала тепло и часто разсыпалась. Разсчитывая еще на двѣ кампаніи, командиръ значительно убавилъ порцію провизіи. Зимою, съ наступленіемъ продолжительной полярной ночи, необычайностію ея встревожившей команду, открылась цынга, и Ласиніусъ сдѣлался первою ея жертвою, скончавшись 19-го Декабря. Потомъ умерли: Поручикъ Полубородовъ (?), Геодезистъ Баскаковъ, подлекарь, штурманскій ученикъ Глазовъ и 31 человѣкъ нижнихъ чиновъ; въ живыхъ остались только: Іеромонахъ, Подштурманъ Ртищевъ и 7 нижнихъ чиновъ, весною бывшіе въ Якутскъ(1).

(1) Гмелинъ и Миллеръ при этомъ разсказываютъ, что команда взбунтовалась, нѣкоторые объявили на командира «слово и дѣло,» и смѣнивъ его, препоручили команду Подштурману Ртищеву. Въ дѣлахъ мы

Преемникомъ Ласиніусу, былъ назначенъ Лейтенантъ Д. Л. Лаптевъ, старшій оберъ-офицеръ экспедиціи, доселѣ остававшійся безъ особаго назначенія. Новая команда на ботъ, изъ 43 человѣкъ, была еще прежде послана, съ Подштурманомъ Щербининымъ; а съ Лаптевымъ прибылъ Лейтенантъ (изъ штурмановъ) Плаутингъ. Весною 1736 года, отправившись изъ Якутска на трехъ дощеникахъ, нагруженныхъ провизіею и припасами, 25-го Іюня онъ вышелъ на взморье, къ Быковскому мысу. Боту, зимовавшему въ Харіулахѣ, было назначено сюда же придти; но какъ по всей губѣ стояли непроходимые льды, то Лейтенантъ Лаптевъ, оставя дощеники, самъ поѣхалъ въ Харіулахъ. 18-го Іюня онъ принялъ команду надъ ботомъ, а 29-го, когда отнесло ледъ отъ берега, вышелъ изъ рѣки въ море, и направился по сѣверозападу, къ устью Лены, гдѣ были оставлены дощеники. Стѣсняемый въ началѣ густыми льдами, а потомъ задерживаемый свѣжимъ противнымъ вѣтромъ, онъ только 7-го Августа приблизился къ своимъ дощеникамъ, у Быковскаго мыса (шир. 71°, 43′), и 11-го,

не нашли этому никакого подтвержденія; въ журналѣ только замѣчено, что 18-го Ноября посланъ въ Якутскъ, подъ арестомъ, Подконстапель Борисъ Россіусъ.—Не онъ ли это принятъ за Ласиніуса.

принявъ грузъ, направился въ настоящій путь—прямо въ море по сѣверовостоку. Затрудняемый въ первые два дни мелководіемъ, и потому принужденный безпрестанно промѣриваться, на третій, поутру 13-го Августа, когда достигъ широты 73°, 16′ (обс.) на меридіанѣ м. Борхая, встрѣтилъ великіе, непроходимые льды, которые «стѣною загородили» путь. Глубина была 15 саженъ. Продержавшись передъ ними цѣлыя сутки, въ чащѣ густыхъ плавучихъ льдовъ, отъ которыхъ съ трудомъ отпихивались, непрестанно пребывая «въ великомъ страхѣ,» и наконецъ уже до того окруженный льдами, что свободнаго моря для выхода оставалась только одна четверть компаса (WSW—SSO), на другой день, утромъ 14-го, по сдѣланному консиліуму, рѣшился идти назадъ. Убѣдившись въ совершенной непроходимости моря въ этой сторонѣ, у береговъ запертаго неотходимыми льдами, а далѣе, по извѣстіямъ, загражданемаго далеко въ море, будто бы даже до $76\frac{1}{2}^{\circ}$ простирающимся Святымъ носомъ, въ консиліумѣ опредѣлили: «И на предбудущій годъ на море не выходить, понеже къ проходу до рѣки Колымы и до Камчатки, по всѣмъ обстоятельствамъ, нынѣ и впредь, нѣтъ никакой надежды.» 19-го Августа подошли къ

Быковскому мысу, потомъ стали подниматься Леною, и 6-го Сентября, достигнувъ широты 70°, 40′, остановились на зимовку.

Помѣщенные въ пяти, самими построенныхъ юртахъ, зимою всѣ были одержимы сильною цынгою, и одинъ человѣкъ умеръ. Избавленіе отъ этой смертельной болѣзни, Лаптевъ приписывалъ кедровому сланцу, котораго образчики представилъ потомъ Адм.-Коллегіи. Въ слѣдующее лѣто, 8-го Іюля, онъ возвратился съ ботомъ въ Якутскъ, и не заставъ здѣсь Беринга, вмѣстѣ съ своими и Штурмана Челюскина отчетами, поѣхалъ въ С. Петербургъ. Еще на пути сюда, въ Москвѣ, въ половинѣ Января 1737 года, онъ получилъ указъ Адм.-Коллегіи о продолженіи его изслѣдованій, но, находясь уже недалеко отъ С. Петербурга, рѣшился лично явиться Адмиралтействъ-Коллегіи.

Мы уже видѣли, въ описаніи путешествія Лейтенанта Х. Лаптева, что Адм.-Коллегія, еще въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1737 года, рѣшила непремѣнное и настоятельное продолженіе настоящихъ экспедицій. Теперь, по пріѣздѣ въ С. Петербургъ Лаптева, опредѣлила ему, на случай, если проходъ моремъ новыми опытами подтвердится непреодолимымъ, ѣхать ему съ описью по берегу, до устья р. Колымы—особенно стара-

ясь описать загадочный, лежащій на пути, Святой носъ—и по прибытіи въ Колымскій острогъ, такъ какъ далѣе, по воинственности тутъ обитающихъ Чукочь, опись берегомъ продолжать не возможно—или самому съѣздивъ въ Камчатку, чтобы взять тамъ судно, или послав объ этомъ требованіе, дождаться его въ устьѣ Анадыра, въ томъ или другомъ случаѣ — стараться обходить оконечность нашего материка, Чукотскій мысъ, отъ востока до р. Колымы. Замѣчено при этомъ, что послѣ похода Беринга (первое его путешествіе), и по извѣстіямъ Миллера о плаваніяхъ казаковъ съ Колымы до Анадыра, «сомнѣнія того уже нѣтъ, будто сходство (соединеніе) Америки съ Азіею имѣлось.» Ежели не успѣетъ исполнить всего въ одно лѣто, то доканчивать въ другое, а при неудачѣ обратиться въ Камчатку. Удостоивая его особенной довѣренности, какъ офицера «доброревностнаго,» «искуснаго,» «знающаго тамошнія мѣста,» и обнадеживая милостями за «совершенное окончаніе,» Адм.-Коллегія разрѣшила ему, не преминувъ впрочемъ пострашать за упущенія отвѣтственностію, въ нужныхъ случаяхъ поступать по своему усмотрѣнію, «сверхъ или съ отмѣною» инструкцій, «въ чемъ ему дается полная власть и руки у него не связываются.»

Уполномоченный, также какъ и Х. Лаптевъ, обращаться съ своими требованіями непосредственно къ Сибирскимъ начальствамъ, взявшій въ С. Петербургѣ въ свою команду Геодезисте Киндякова, а для опредѣленій *сухопутный квадрантъ* и новый теодолитъ (астролябія), въ замѣну стараго, Д. Л. Лаптевъ отправился въ Сибирь, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Х. Лаптевымъ и Лейтенантомъ Чихачевымъ, въ Мартѣ 1838 года, на подводахъ, черезъ Казань, гдѣ принялъ новый такелажъ, на Тобольскъ, откуда пошли рѣками. На пути къ Казани, онъ заѣзжалъ къ своему отцу, Псковской губерніи Великолуцкаго уѣзда, бывшему «въ древней старости.» Въ Сибирскихъ городахъ, вытребовалъ жалованья и провіанта для настоящей кампаніи, на два года; для завоза на Индигирку, Колыму и Анадырскъ провіанта на полгода и на годъ; двойнаго вина, подарочныхъ вещей, расходныхъ денегъ, инструментовъ для строенія избъ и судовъ, разныхъ припасовъ, и наконецъ распоряженія о заготовкѣ для него по берегамъ оленей и собакъ.

Съ ранней весны 1739 года, былъ посланъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, въ сопровожденіи бывалыхъ людей, на собакахъ, для описи берега отъ устья Яны къ Свя-

тому носу, и обратно до устья Лены; а лѣтомъ, Геодезистъ Киндяковъ на р. Индигирку, для описи ея по всему протяженію, отъ вершины до устья, съ которой рѣки, еслибы не удалось обогнуть Святаго носа, Лаптевъ предполагалъ, построивъ суда, слѣдовать къ Колымѣ.

Самъ Лаптевъ, прибывшій въ Якутскъ въ исходѣ Мая, когда только очистилась рѣка, тогда же отправился со своимъ ботомъ внизъ по Ленѣ, имѣя у себя въ командѣ Штурмана (только что пожалованнаго этимъ званіемъ) Щербинина, Іеромонаха, подлекаря, откомандированнаго Геодезиста Киндякова, всего по списку 60 человѣкъ, изъ которыхъ на лицо при ботѣ было 56. Іюня 27-го, онъ достигъ о. Столба, у раздѣленія Лены на протоки, и 5-го Іюля, восточною или Быковскою протокою, вышелъ къ устью. Стоявшіе въ морѣ льды, задержали его здѣсь, въ губѣ называвшейся Севастьяновою, которую описали подробно, и при выходѣ изъ нея, еще до 27-го. Встрѣчая потомъ свѣжіе, противные вѣтры, иногда штормъ, съ пасмурностію, дождемъ и снѣгомъ, подвигался впередъ трудно и медленно, и къ противному берегу губы, къ рѣкѣ Амолою, въ шир. 70°,40′, подошелъ только 31-го Іюня; а къ мысу Борхаю, въ шир. 71°,58′, 4-го Августа. Здѣсь были густые, не-

проходимые льды. Закрѣпясь за одну льдину, ночь провели «съ великимъ безпокойствомъ и страхомъ.» На другой день, прорубившись и пробившись сквозь ледъ, пошли далѣе, непрестанно сопровождаемые льдами, лежавшими на сѣверѣ «какъ поясъ.» 7-го, достигли Ильинскаго устья Яны, въ шир. 71°, 29′, и 11-го главнаго ея устья, въ шир. 71°, 20′, гдѣ опять были затѣснены льдами. 14-го, миновали Святой носъ, въ шир. 72°, 50′, каменистый и крутой, замѣтивъ къ сѣверу отъ него два острова, Меркурьевъ и Діомидъ, нынѣ не существующіе. Потомъ слѣдовали подлѣ низкаго, далеко отмелаго берега, съ тихимъ и попутнымъ вѣтромъ, не встрѣчая льдовъ, до 18-го числа. Съ этого дня, начались сѣверные и восточные крѣпкіе вѣтры, нанесло множество льду и пошелъ густой снѣгъ. Посылаемыя для опознанія берега шлюпки—или не могли подходить къ нему, или, подходя, не находили удобнаго для судна пристанища. 22-го числа, находясь въ шир. 72°, 19′ (противъ Индигирскаго устья), замѣтили, что вода стала прѣсною, и снова послали лодку къ берегу, съ матросомъ Романовымъ и лоцманомъ; но дожидаясь ея возвращенія въ теченіи шести дней, не дождались! «А вѣтромъ восточнымъ льдовъ нанесло множество, въ которыхъ днемъ съ

нуждою на парусахъ пробавлялись, а ночью всѣми людьми судно охраняли, и непрестанно то подымали, то опускали якорь.» 28-го, прошли еще 18 миль, «между густыхъ и здоровыхъ льдовъ,» и опять остановились на прѣсной водѣ, укрѣпившись за льдину. Вода смерзалась, водорѣзъ и обшивныя доски «какъ пилою протерло.» Снова посылаемыя къ берегу лодки, дѣланныя—замѣчательная находчивость!—изъ обручей и парусины, находили его вездѣ неприступно-отмелымъ, и одна изъ нихъ, съ Штурманомъ Щербининымъ, вовсе не возвращалась. Между тѣмъ, льды тѣснились болѣе и болѣе, морозы становились значительнѣе, и 1 го Сентября *все море совершенно замерзло*. Въ такомъ отчаянномъ положеніи пробыли четверо сутокъ. 5-го числа, сдѣлавшимся отъ юго-запада штормомъ, разломало ледъ, и вмѣстѣ съ нимъ понесло судно отъ берега въ море. Пятнадцать часовъ такъ несло его, погибающаго. Глубина уже увеличилась до 5 саженъ, и отъ мѣста, на которомъ стояли, пронесло въ море на 40 верстъ. Къ счастію, вѣтръ сталъ отходить къ сѣверу и стихать; потому пошли обратно къ берегу, и на четвертыя сутки, 9-го, снова пришли на малую глубину, «въ добромъ упованіи, что насъ Богъ спасти изволилъ.» Посланные на другой день къ

берегу, обрадовали вѣстію, что судно находится противъ восточнаго устья рѣки Индигирки—береговъ не было видно—и привезли посыланныхъ въ предшествующіе дни къ берегу, считавшихся уже погибшими. Выкинутые на берегъ, обмокшіе, безъ огня и безъ пищи, они претерпѣвали жестокій холодъ, и едва не умерли съ голоду, питаясь травою и встрѣчаемыми песцами. Геодезистъ Киндяковъ, посланный, какъ мы говорили, для описанія Индигирки, 31-го Августа выѣзжалъ на взморье главнымъ рукавомъ, встрѣтилъ здѣсь бѣдствующихъ и, предвидя крушеніе судна, предоставивъ имъ показать, если понадобится, входъ ему въ устье, самъ поѣхалъ за нартами въ «Русское жило,» отстоявшее верстъ за 150. Судно обмерзло, и вести его въ рѣку не было никакой возможности; команда уже давно безъ дровъ и воды. Потому, не дожидаясь помощи геодезиста, сами сдѣлали нарты, и начали перебираться на берегъ, отстоявшій въ 14 верстахъ. Погода, съ 15-го Сентября стала теплѣе, даже бывала «пріятная погода,» и къ 22-му числу всѣ благополучно переѣхали на берегъ. Между тѣмъ прибылъ Киндяковъ, и вся команда переправилась въ «Русское жило.»

Немедленно по переѣздѣ съ бота на берегъ, матросъ Лошкинъ, прошелъ съ описью по морскому берегу до рѣки Алазеи и по Го-

лыжинской протокѣ Индигирки, а Штурманъ Щербининъ и Геодезистъ Киндяковъ, описали восточное и среднее устья этой рѣки. Весною слѣдующаго года, Геодезистъ Киндяковъ сдѣлалъ опись берега отъ Алазеи до Колымы, Штурманъ Щербининъ описалъ рѣку Яну, а самъ Лаптевъ Хрому.

Во время зимовки здѣсь, Лаптевъ имѣлъ случай убѣдиться, изъ разспросовъ бывалыхъ людей, что предположенія Адмиралтействъ-Коллегіи, о возможности описи восточнаго берега Сибири отъ Анадырскаго устья къ устью Колымы, совершенно не сбыточны. По рѣкѣ Анадырѣ, отъ самаго устья, обиталъ воинственный и непріязненный намъ народъ, Чукчи, почему ни зимовать здѣсь, ни искать помощи, не было никакой возможности; время для плаванія очень короткое; судно велѣно взять у Беринга въ Камчаткѣ, а Берингъ еще и самъ не приходилъ туда. Для прохода отъ Колымы, и даже до Колымы, тоже оставалось мало надеждъ: на извѣстія о старинныхъ плаваніяхъ въ этихъ краяхъ, Миллера, Лаптевъ замѣчалъ, что «суда по Сѣверному морю отъ Лены подлѣ береговъ выходили, то правда; но хотябъ одно изъ нихъ имѣло счастливое возвращеніе, или пришло въ желаемый путь, тому, по видимымъ обстоятельствамъ, стать-

ся не можно, и по берегу, у рѣки Яны и у рѣки Индигирки, отъ устья къ востоку и западу, суда выброшенныя изъ моря съ давнихъ лѣтъ, и якоря и снасти, и понынѣ есть, что видѣли высланные изъ бота служители, и слѣдуетъ что они пропадали.» Онъ обѣщалъ однакожъ сдѣлать еще попытку, пройти отсюда на востокъ, ежели только оставленное во льдахъ судно уцѣлѣетъ при взламываніи ихъ.

На это донесеніе, посланное въ С. Петербургъ съ матросомъ Лошкинымъ (1), Адмиралтействъ-Коллегія, въ Іюнѣ 1740 года предписала: «исполнять, усмотряя по тамошнему состоянію, съ крайнею возможностію и ревностію, по наилучшему его разсужденію; а Чукотскій носъ, ежели возможно, обходить водою; ежелижъ, за препятствіемъ отъ льдовъ, водою идти будетъ невозможно, то сухимъ путемъ.»

Съ наступленіемъ Іюня 1740 года, начались приготовленія къ новому походу. Надобно было вывести судно изъльда въ безопасное для него мѣсто, для чего прорубили, при помощи собранныхъ инородцевъ, каналъ на протяженіи

(1) Матросъ Алексѣй Лошкинъ, принимавшій такое участіе въ трудахъ настоящаго отряда, по отправленіи его изъ С. Петербурга обратно въ Сибирь, въ 1740 году, на дорогѣ сошелъ съ ума.

цѣлой версты, выламывая ледъ толщиною отъ 5 до 7 футовъ, безпрерывно работая цѣлыя три недѣли (1). Но едва его вывели на чистую воду, тогда покрывавшую прибрежный ледъ верстъ на двѣнадцать отъ берега, какъ начавшіе ломаться льды, 27-го Іюня, выкинули его на мель, и для снятія, приходилось разружать «до послѣдней доски,» вынимать мачты и подводить ваги, что производилось «съ великою нуждою,» въ теченіи еще двухъ недѣль: «и многія оскорбленія и безпокойства намъ наносимы были.» 11-го Іюля, наконецъ, всѣ перебрались на судно, и безпрестанно тѣснимые льдами, переходя съ мѣста на мѣсто, и укрываясь за большими льдинами, только къ 29-му числу могли совсѣмъ погрузиться и исправиться. 31-го, льды начали нѣсколько отходить отъ берега, и потому «съ помощію Божіею,» опредѣливъ устье въ шир. 70°, 58′, отправились въ надлежащій путь, къ востоку,

(1) По донесенію Лаптева: «Усмотрѣно, что отъ берега ледъ верстъ на *двѣнадцать* покрыло водою, и то почитается «заберега;» а морской ледъ взломило, и отъ той воды отдѣлило; и ботъ въ томъ морскомъ льду, отъ котораго до оной забереги *четыреста* саженъ было сухаго льда. И отъ 2-го числа начали дѣлать льдомъ до забереги каналъ....» И проч. Кромѣ ботовой команды, было собрано для этой работы 85 инородцевъ.

опять непрестанно преслѣдуемые густыми льдами. 1-го Августа, миновали устье рѣки Алазеи, 2-го островъ Св. Антонія (Первый Медвѣжій), и 4-го достигли Средне-Колымскаго устья, въ шир. 70°. Промѣривъ фарватеръ въ эту рѣку, и пославъ извѣстіе о себѣ въ Нижне-Колымскъ, 8-го снялись отсюда, и войдя «въ великіе густые льды,» слѣдовали по глубинѣ отъ 7 до 10 саж., дорогою не шире 5 или 10 саженъ, подлѣ высокаго каменнаго берега. На другой день были въ такихъ густыхъ льдахъ, что «къ сѣверу безъ всякой прогалины, самые здоровые, сверхъ воды на глубинѣ 10 саженъ, вверхъ больше двухъ саженъ, и къ самому берегу ихъ натерло.... И проходя тѣ густые льды, часто ботомъ объ оные стучались, и въ страхѣ были, что проломитъ отъ тѣхъ ударовъ; но нужда была намъ изъ нихъ выходить.» Погода стояла пасмурная и шелъ снѣгъ. Медленно и трудно подвигаясь впередъ, 14-го подошли къ Каменному мысу (Большому Баранову камню), въ разности долготы около 37° отъ устья Лены, гдѣ уже не было «ни на одинъ вершокъ воды между льдомъ и берегомъ.» Отсюда, «за непроходимыми льдами» и наступленіемъ поздняго времени, рѣшились поворотить назадъ. На другой день, пришли къ Средне-

Колымскому устью Колымы, и 25-го остановились на зимовку у Нижне-Колымскаго острога (шир. 68°, $32\frac{1}{2}'$), тогда состоявшаго изъ 11 бѣдныхъ дворовъ.

Тою же осенью, былъ посланъ Геодезистъ Киндяковъ, для описи верховья Колымы, а Штурманъ Щербининъ, для обзора дороги отъ рѣки Ангарки до Анадырска, и приготовленія тамъ лѣсовъ на суда, къ предположенной описи рѣки Анадыра. Провіантъ и пушки, назначалось завезти по Анюю къ Ангаркѣ на судахъ, а оттуда до Анадырска на оленяхъ.

Въ слѣдующее за тѣмъ лѣто, Лаптевъ сдѣлалъ еще одну, уже послѣднюю попытку, пройти моремъ за Барановъ камень. Это лѣто, по его словамъ, было необыкновенно теплое, что однакожъ не помогло успѣху. Построивъ въ теченіи зимы, въ помощь своему боту, двѣ лодки (дл. 25 ф. шир. 9 ф. гл. $3\frac{1}{2}$ ф.), порученныя въ отдѣльное управленіе Щербинина, съ командою по 12 человѣкъ на каждой, набранною изъ казаковъ, Лаптевъ отправился отъ острога 29-го Іюня, и вышелъ на устье рѣки 8-го Іюля. Здѣсь стояли густые льды, сквозь которые, какъ ни старались, не могли пробиться. 25-го Іюля, подошли наконецъ къ тому мѣсту, отъ котораго воротились въ прошломъ году, къ

Баранову камню, лежащему миляхъ въ 25 отъ Колымскаго устья; но на другой же день, льды принудили возвратиться. 4-го, опять подходили сюда, и опять возвратились, «и съ опаснымъ страхомъ, въ самой близости льда и берега выходили.... и еслибы въ такихъ *худыхъ* мѣстахъ сдѣлался вѣтеръ крѣпкій, то бота и всего что было въ немъ, отчаянная къ сохраненію надежда.» Посыланныя впередъ двѣ лодки, были отлучены льдами, и люди съ нихъ едва спаслись. 6-го Августа, «принесши Богу наше всепокорнѣйшее благодареніе, что такой трудной и многобѣдственной и неизвѣстной путь моремъ, гдѣ было по силѣ человѣческой возможно, проходили, и къ вѣчнодостойному вѣденію исправно описали, а о непроходимыхъ мѣстахъ достовѣрно свидѣтельство учинили.... учиня консиліумъ, что за вышеобъявленными препятствіями прибыть на Камчатку не возможно, возвратились въ рѣку Колыму, и впредь на оное море ботомъ не выходить.»—10-го Августа, пришли на мѣсто прежней зимовки.

Отпустивъ Штурмана Щербинина, по болѣзни его, въ Якутскъ (гдѣ онъ скончался вскорѣ) еще въ Августѣ мѣсяцѣ того же года, Лаптевъ 27-го Октября отправился, на 45 нартахъ собакъ, въ Анадырскій острогъ. Слѣдуя по направленію Большаго Анюя

до р. Ангарки — гдѣ перегрузился на приготовленныя оленныя сани—потомъ по р. Алучинѣ, черезъ хребетъ горъ, и на рѣку Анадыръ, онъ прибылъ въ острогъ 17-го Ноября (шир. 64°, 54′.) Здѣсь было до 50 дворовъ и 632 человѣка жителей, Корякъ и Юкагировъ. Зимою онъ посылалъ, въ отрядѣ пятидесятника Шипицына, ходившаго для защиты Коряковъ отъ Чукочь, квартирмейстера Романова и бывшаго Артиллеріи Подпоручика Новицкаго, къ съемкѣ по пути береговъ до устья Пенжины, что ими и сдѣлано. Съ весны приступилъ къ постройкѣ двухъ гребныхъ судовъ, въ добавокъ къ имѣвшимся при острогѣ четыремъ лодкамъ, и въ слѣдующее лѣто 1742 года, съ 9-го Іюня по 3-е Августа, произвелъ «аккуратную» опись рѣки Анадыра, до ея устья, опредѣленнаго въ шир. 64°, 48′ (1).

---

(1) Г. Врангель, съ особенною подробностію обработывавшій описи Дм. Лаптева, не обратилъ вниманія, ни на эту посылку къ Пенжинской губѣ, записанную въ журналѣ, ни на самую опись Анадыра, сказавъ, будто Лаптевъ, «по причинѣ разлитія этой рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Іюля 11-го, находясь близъ устья оной.»—Это не справедливо: Лаптевъ, по причинѣ разлива, обошелъ протокою Майной только одно небольшое мѣсто Анадыра, сдѣлавъ обхода 45 верстъ, и потомъ постоянно слѣдовалъ Анадыромъ. На обратномъ пути, онъ опять обошелъ это мѣсто, но тогда посылалъ по немъ, для пополненія съемки, геодезиста.

Потомъ онъ возвратился къ своему судну, въ Нижне-Колымскъ, отсюда уѣхалъ въ Якутскъ уже въ началѣ 1743 года, и въ Декабрѣ прибылъ въ С. Петербургъ (1).

Такъ, въ теченіи десяти лѣтъ, усиліями необычайными, былъ описанъ весь сѣверный берегъ Россіи, отъ Бѣлаго моря до Колымы, на протяженіи 120° долготы, и—что не менѣе важно—совершены рѣшительныя испытанія возможности плаванія здѣсь. При всей затруднительности работъ въ такой суровой странѣ, при всей бѣдности средствъ, представляемыхъ тогдашнимъ состояніемъ науки, опись сдѣлана очень хорошо: не многое пришлось исправлять въ ней впослѣдствіи, и пункты, опредѣленные инструментами просто-угломѣрными, каковы градштоки и квадранты, оказывались очень близкими къ опредѣляемымъ потомъ инструментами угломѣрно-отражательными, каковы секстанты и круги. Все море, прилежащее къ

(1) Произведенный въ Капитаны, по очереди, еще во время экспедиціи, въ 1740 году, онъ продолжалъ службу на флотѣ; въ 1757 году былъ произведенъ въ Контръ-Адмиралы, а въ 1762 году, при вступленіи на престолъ Императора Петра III, указомъ 30-го Апрѣля, уволенъ отъ службы, вмѣстѣ въ нѣкоторыми другими Адмиралами, «за старостію и болѣзнію,» съ чиномъ Вице-Адмирала и пенсіею полозинаго жалованья.

этимъ берегамъ, отъ границъ Новой Земли до Колымы, и весь берегъ, между устій Оби и Оленека, на протяженіи 57° долготы и 11° широты, остаются не переизслѣдованными донынѣ, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, и есть пріобрѣтенія, пока ничѣмъ незамѣнимыя для насъ.

Мы оставили Якутскъ въ концѣ 1736 года, когда тамъ были собравшись главныя силы экспедиціи, начальники ея Берингъ и Чириковъ, начальникъ Охотскаго края Писаревъ, и Академики Миллеръ, Гмелинъ и Де-ла-Кроеръ, со свитою ихъ; всего, съ нижними чинами, до 300 человѣкъ экспедичной команды, и до 500 служилыхъ и ссыльныхъ, собранныхъ для перевоза тяжестей экспедиціи въ Охотскъ. Строившіяся этимъ временемъ въ Охотскѣ суда, частію уже были готовы, но перевозившейся туда провизіи завезено еще недостаточно, и потому отправленіе въ море откладывалось. Принуждаемый однакожъ Адм.-Коллегіею, Берингъ, въ слѣдующее лѣто 1737 года, послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ Якутскѣ, наконецъ переправился, совсею его командою, въ Охотскъ, куда, въ тоже время, снова переѣхалъ Писаревъ, и еще прежде, раннею весною, Чириковъ, до этого занимавшійся перевозкою, и съ Августа прошлаго года проживавшій у магазиновъ при Юдомскомъ крестѣ. Академики, требо-

вавшіе для своего отправленія въ Камчатку особаго, помѣстительнаго судна, и не хотѣвшіе, къ пользѣ самой науки, переправиться туда какъ-нибудь, быть тамъ лишенными средствъ и пособій для точныхъ изслѣдованій, послали въ Охотскъ и оттуда въ Камчатку, «напередъ себя,» для предварительныхъ изслѣдованій и пріуготовленія помѣщеній, Студента Крашенинникова; а сами, въ ожиданіи готовившихся судовъ, занялись новыми изслѣдованіями Сибири. Миллеръ и Гмелинъ отправились вверхъ по Ленѣ, по пути уже пройденному ими, но требовавшему новаго обзора, потому что у Гмелина, бывшимъ въ его домѣ въ Якутскѣ пожаромъ, истреблены, вмѣстѣ со всѣми его книгами и инструментами, записки и рѣдкости, собранныя на этомъ послѣднемъ пути; Де-ла-Кроеръ пошелъ внизъ по Ленѣ, для опредѣленія устья этой рѣки и устья Оленека.

Оставляемъ еще разъ Беринга, чтобы разсказать окончательныя путешествія Академиковъ.

Гмелинъ, по прибытіи въ Киренскій острогъ 3-го Сентября, расположился здѣсь зимовать, а Миллеръ, тогда больной, отправился въ Иркутскъ на зиму. Весною 1738 года, тудаже прибылъ и Гмелинъ. Отсюда,

въ Августѣ мѣсяцѣ, они отправились, по Ангарѣ, Тунгузкѣ и Енисею, въ Енисейскъ, въ который прибыли 24-го тогожъ мѣсяца, и здѣсь провели другую зиму. Уже мало встрѣчая новаго, теряя надежду достигнуть Камчатки, не получая никакихъ другихъ назначеній, они скучали, и находились въ большомъ затрудненіи касательно дальнѣйшихъ путей. Притомъ встрѣтились затрудненія въ продовольствіи ихъ жалованьемъ. Лѣтомъ 1739 года, они еще сдѣлали двѣ поѣздки по Енисею, внизъ до Туруханска и вверхъ до Красноярска, оттуда, черезъ рѣчки Юсы и Уйбатъ, вверхъ по Абакану до Аишса, назадъ чрезъ Енисей, по разнымъ заводамъ, въ Абаканскъ, и изъ него Енисеемъ въ Красноярскъ, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Здѣсь провели третію зиму этого обратнаго путешествія. Между тѣмъ, будучи еще въ Иркутскѣ, они хлопотали о посылкѣ двухъ геодезистовъ, Скобельцына и Шетилова, тогда возвратившихся изъ вышеописанной экспедиціи, перваго по Ангарѣ до Илимска, а втораго по сухопутной дорогѣ въ Верхоленскій острогъ, оттуда по Ленѣ до Усть-Ильги, вверхъ по Ильгѣ, волокомъ на Уду, по ней и по Ангарѣ до Поболошной деревни, опять волокомъ на Илиму, по ней до Илимска, и отсюда, вмѣстѣ съ первымъ, во-

локомъ на Устькутъ. Они отправились въ этотъ путь въ Сентябрѣ 1739 года. Академики же, весною 1740 года переѣхали въ Томскъ, оттуда по Оби въ Березовъ, и по Иртышу въ Тобольскъ. Гмелинъ уже просилъ увольненія изъ экспедиціи, по болѣзни; за нимъ и Миллеръ просился, признавая безполезнымъ дальнѣйшее свое пребываніе въ Сибири. Академія, еще въ прошломъ году, послала въ эту экспедицію, въ Камчатку именно, новаго изслѣдователя, Адъюнкта Штеллера, и теперь посылала другаго, Профессора Фишера—и тотъ и другой молодые люди, первый тридцати, второй тридцати трехъ лѣтъ, оба очень талантливые и трудолюбивые—потому не находила никакихъ препятствій къ увольненію просившихся изъ экспедиціи; но Сенатъ медлилъ рѣшеніемъ. Лѣтомъ 1740 года, Гмелинъ еще ѣздилъ въ Красноярскъ и изъ него въ Томскъ, гдѣ остался на всю зиму; а Миллеръ, посѣтивъ этотъ городъ, зимою опять уѣхалъ въ Тобольскъ, и потомъ въ Тюмень. Въ слѣдующее лѣто, они дѣлали поѣздки въ Тару, Екатеринбургъ, Шадринскъ, Ялуторовскъ, Тюмень, и зиму провели въ Тобольскѣ. Въ 1743 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, наконецъ возвратились въ С. Петербургъ.

Плоды ихъ десятилѣтнихъ трудовъ были чрезвычайно многочисленны. Сдѣланы опи-

санія и доставлены въ Академію множество образцовъ и рисунковъ птицъ, животныхъ, растеній, минераловъ; собраны многоразличныя этнографическія свѣденія о Сибирскихъ народахъ, словари языковъ ихъ, костюмы, вооруженіе, утвари; составлены карты внутреннихъ путей, рѣкъ и озеръ, планы и виды замѣчательныхъ мѣстностей; произведены въ разныхъ мѣстахъ физическія наблюденія; изслѣдованы многія древности; наконецъ, разработаны тлѣвшіе въ забытьѣ архивы, выписано изъ нихъ огромное количество документовъ, и собраны, по словамъ самого Миллера, теперь оправдываемымъ, «такія извѣстія, цѣнность которыхъ можетъ быть только въ предбудущія времена усмотрѣна будетъ.»

Де-ла-Кроеръ, отправившійся внизъ по Ленѣ въ исходѣ Августа 1739 года, черезъ мѣсяцъ прибылъ въ Сиктахъ; въ Декабрѣ поѣхалъ къ устью Оленека; тамъ производилъ наблюденія въ теченіи около трехъ мѣсяцевъ, съ 16-го Января и 4-е Февраля 1738 года, и—не знаемъ результатовъ—оттуда отправился къ устью Лены, опять въ Сиктахъ, на рѣку Вилюй, и обратно въ Якутскъ, въ Ноябрѣ тогоже года. (1) Отсюда онъ переѣхалъ въ Охотскъ, уже лѣтомъ 1740 года.

(1) Въ описаніи путешествія Г. Анжу (Зап. Гидр.

На всемъ пути сюда, съ помощію трудолюбиваго Красильникова, сдѣлано имъ множество опредѣленій широтъ—часть которыхъ осталась неизданною—и три, изъ извѣстныхъ намъ, опредѣленія долготъ, Казани, Тобольска и Кяхты, требовавшихъ, по тогдашнимъ способамъ опредѣленія, всегда значительнаго времени и благопріятныхъ случаевъ.

Оставляя Якутскъ, настоящее средоточіе всей экспедичной дѣятельности, ибо сюда сплавлялись съ верховій Лены припасы и провизія, отсюда переправлялись они, разными трактами, въ Охотскъ, и отсюдажъ начинали свои изслѣдованія два главнѣйшіе отряда сѣверной описи, Берингъ, сознавая всю невыгоду своего безвременнаго перемѣщенія, хотя и не смѣя явно жаловаться на принужденіе, яркими чертами изображалъ Адмиралтействъ-Коллегіи отчаянное положеніе экспедиціи. На содѣйствіе Сибирскихъ властей, особенно Якутской канцеляріи и Охотскаго правленія, доносилъ онъ, никакъ нельзя полагаться,

---

Деп. ч. VII, стр. 183), мы замѣтили, что на устьѣ Оленека, наши описатели видѣли остатки обсерваторіи, съ неразборчивыми надписями. Вѣроятно они ошиблись въ чтеніи, прочитавъ въ надписяхъ: 1783 и 84 годы и Маія 25-е. Кромѣ настоящей поѣздки Де-ла-Кроера, не было здѣсь ни одного наблюдателя-астронома.

и хотя снабженіе экспедиціи исключительно на нихъ возложено, «а я бъ оное отправленіе вступилъ по самой крайней нуждѣ,» но «ежелибъ отъ насъ отправленія не было, тобъ всемѣрно, для перевоза провіанта, ни однобъ судно построено, также и провіанта, водянымъ путемъ, ни одногобъ пуда и понынѣ отправлено не было;» понуждать къ перевозкѣ будетъ некому, ибо приставленный для этого Сибирскимъ начальствомъ Капитанъ Маремьяновъ и старъ и безграмотенъ; число рабочихъ, съ отбытіемъ экспедичной команды, уменьшится, и то безпрестанно уменьшаясь, чрезъ побѣги и ложныя сказыванія «слова и дѣла,» по которымъ они цѣлыми толпами, съ конвоями, отправляются въ Иркутскъ; построенные магазины на Майскомъ и Юдомскомъ устьяхъ, по Юдомѣ, у Горбеи, въ Щекахъ, Частыхъ островахъ и Юдомскомъ крестѣ, также перевозныя суда, 18 дощаниковъ для сплава по Алдану и Маѣ, и 41 лодка для сплава по Юдомѣ, требующія ежегоднаго снабженія бичевами и починокъ, поддерживаться не будутъ. А между тѣмъ, провіанта для экспедиціи требовалось ежегодно до 16,000 пудовъ, и кромѣ того, надобно было довольствовать команду сплава, теперь около 500, а назначалось до 1000 человѣкъ. «И ежели повсягодно отправленія

провіанта не будетъ, заключалъ Берингъ, то всемѣрно, въ такихъ пустыхъ и безхлѣбныхъ мѣстахъ, востребуется великая нужда и страхъ, того чтобъ такого многолюдства не поморить отъ голоду, и не принужденыбъ были, не окончивъ, по волѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, надлежащихъ экспедичныхъ дѣлъ въ туне оставить, и всѣхъ служителей распустить.»

Адмиралтействъ-Коллегія вняла этимъ жалобамъ, и по полученіи ихъ, въ концѣ того же 1757 года, представляла въ Кабинетъ Императрицы, о необходимости посылки въ Иркутскъ и Якутскъ, для понужденія тамошнихъ начальствъ къ содѣйствію экспедиціи, двухъ «добрыхъ, повѣренныхъ и надежныхъ» офицеровъ, которымъ былабы дана «полная сила, дабы чего къ пріуготовленію и отправленію и прочему исправленію требовать будутъ отъ тамошнихъ канцелярій, въ томъ во всемъ отъ тѣхъ канцелярій неотлагаемое и немедленное исполненіе былобъ чинено, и былибъ имъ въ томъ послушны.» Но выбранные тогда для этого кандидаты, конечно надежнѣйшіе офицеры того времени, Лейтенанты Римскій-Корсаковъ и Лопухинъ, служившіе на придворныхъ яхтахъ, по Высочайшему повелѣнію не были посланы. Вторичный выборъ палъ

на Лейтенантовъ Толбухина и Ларіонова, изъ которыхъ первый былъ въ Архангельскѣ, у взысканія доимокъ, положенной на Адмиралтейство суммы, а второй на пути изъ Казани въ С. Петербургъ, съ везенными имъ дубовыми лѣсами. Время проходило въ перепискахъ и отправленіяхъ, и только въ началѣ 1739 года, назначенные къ этой должности офицеры могли отправиться въ свой путь. Толбухинъ прибылъ въ Иркутскъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, а Ларіоновъ въ Якутскъ въ Сентябрѣ этого года.

А между тѣмъ, переселясь съ командами въ Охотскъ, въ который не было завезено достаточно провизіи, Берингъ претерпѣвалъ въ немъ недостатки, и зимой, оставляя работы, былъ принужденъ отослать нѣкоторую часть своихъ командъ къ магазинамъ на пропитаніе.

Въ Охотскѣ, дѣятельностью Шпанберга, были тогда построены два новыя судна, бригантинъ Архангелъ Михаилъ и дубель-шлюпка Надежда, и исправлены два старыя, боты Фортуна и Гавріилъ. Шпанбергъ былъ готовъ, въ началѣ Сентября мѣсяца, идти съ своимъ отрядомъ въ море; но недостатокъ провизій и его задержалъ (1).

(1) Въ поясненіе хозяйственныхъ обстоятельствъ, представляемъ табличку о наличности провизіи въ Ю-

Въ этомъ году, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ, 4-го, былъ только посланъ въ Камчатку старый ботъ Фортуна, подъ командою Подштурмана Родичева, съ Геодезистомъ Свистуновымъ, для привоза оттуда смолы къ строившимся въ Охотскѣ судамъ, перевозки заготовленныхъ въ Камчатскихъ острожскихъ магазинахъ, Охотскѣ и Камчаткѣ, въ Ноябрѣ 1737 года, и о потребной для экспедиціи на будущее время, по рапортамъ Беринга 29-го Ноября и 29-го Декабря 1737 года.

Наличной провизіи.					Надобно			
					На настоящій годъ.		На другой годъ.	
Званія.	Юдомск магаз.	Охот.	Камч	Всего.	Шпанбергу.	Берингу въдобав.	Шпанб $166^{1}/_{2}$п	Берингу $175^{1}/_{2}$п
Муки	10,499п			10,499п	452п	477п	453п	477п
Крупъ	1,713-	71п		1,784-	1250-	1316-	1249-	1316-
Сухарей	«	249-	«	249-	2248-	2369-	2248-	2369-
Мяса	«	659-	«	659-	500-	526-	499-	526-
Рыбы	«	«	182п	182-	200-	210-	200-	210-
Масла	143-	68-	«	211-	300-	254-	230-	316-
Жиру	«	«	48-	48-	(За	мас	ло).	
Соли	83-	49-	94-	226-	75-	«	75-	78-
Вина	538в	«	145в	683в	320в	«	320в	340в

Мука, показана только отпускавшаяся на квасъ; сухари, надлежало выпекать самимъ изъ муки; крупа здѣсь овсянная, сочтена съ отпускавшеюся за недачу гороха и гречневой крупы.

трогахъ провизій къ Большерѣцку, откуда ихъ удобнѣе было взять на суда, и для промѣра и постановленія вѣхъ въ тамошнихъ гаваняхъ: Большерѣцкѣ, Нижнекамчатскѣ и Авачинской губѣ. На этомъ ботѣ, отправился въ Камчатку и студентъ Крашенинниковъ. Едва не затонувшее въ дорогѣ, хотя погода во все время плаванія стояла тихая, это ветхое судно, по прибытіи его къ Большерѣцкому устью, 13-го Октября, сдѣлавшимся крѣпкимъ вѣтромъ, было выкинуто на берегъ и разбито въ дребезги. Будущій описатель Камчатки, Крашенинниковъ, вышелъ на берегъ «въ одной рубашкѣ.»

Еще три года провелъ здѣсь Берингъ, прежде нежели отправился въ экспедицію къ Америкѣ, въ безпрестанныхъ заботахъ и трудахъ о снабженіи командъ и приготовленіи судовъ; въ безпрерывныхъ непри-

---

Въ дополненіе къ этой вѣдомости, надобно прибавить, что въ Якутскѣ было еще заготовлено 102 пуда масла, и въ Августѣ мѣсяцѣ, о чемъ Берингъ узналъ уже гораздо позже; въ Ноябрѣ, привезено для экспедиціи, изъ Иркутска, муки 25,708 п. и крупъ 6,419 п.

Наличное число командъ въ это время было: въ Охотскѣ 141 человѣкъ, при магазинахъ и у перевозки провіанта 192, въ Якутскѣ оставлено 70, въ разныхъ командировкахъ находилось 39, на трехъ судахъ сѣверной описи 141; всего, по списку 583.

ятностяхъ съ Сибирскими властями, особенно съ начальникомъ Охотскаго края, Писаревымъ; въ частыхъ разборахъ неудовольствій и ссоръ своихъ подчиненныхъ —можетъ быть и любимый ими, но не уважаемый; не питавшій ни къ кому злобы, но недостаткомъ стойкости озлоблявшій многихъ; ревностный, но не довольно дѣятельный; несправедливо и жестоко преслѣдуемый Адм.-Коллегіею.

Снабженіе экспедиціи, по прежнему, производилось трудно и медленно, всегда невѣрно и недостаточно (1); строеніе судовъ,

(1) Въ 1738 году, сплавлено изъ Якутска къ Юдомскому кресту: муки 13,896 п., сухарей 593 п., крупъ 2,702 п.; но, по всеобщему въ томъ краю падежу скотины, не могли добыть ни масла, ни мяса; въ 1739 году, сплавлено до Юдомскаго креста 7000 п. провизіи (6000 муки, 500 крупы и 500 соли), но другая половина, 6,500 п. (5550 муки, 400 крупы, 500 сухарей и 97 масла), отправленная поздно, зазимовала на Маѣ, и доставлена только въ слѣдующемъ году. Число рабочихъ на сплавѣ, было увеличено; но побѣги и укрывательства, подъ предлогомъ «слова и дѣла,» продолжались непрестанно и во множествѣ. Берингу, въ Охотскъ, для перевозки съ Юдомскаго креста, было прислано изъ Якутска до 300 лошадей; но зимою кормить ихъ было нечѣмъ, и приходилось назадъ отправлять. За смолою, послѣ разбитія судна, посыланнаго для этого въ Камчатку, посылали въ Якутскъ. Нуждались и въ деньгахъ, не получая вовремя жалованья, и въ обуви, не имѣя откуда купить ее.

по недостатку припасовъ и ограниченному числу рабочихъ, занимаемыхъ перевозкою, и содержимыхъ въ умѣренномъ числѣ, по малости провизіи, было также неуспѣшно.

«Мѣсто было новое и пустое — писалъ Берингъ по пріѣздѣ въ Охотскъ, въ 1737 году—и строенія никакого еще не производилось, и жить было негдѣ, и лѣсовъ и травы въ немъ не растетъ, и близко не имѣется, ибо все дресвяное.... Служители строили офицерамъ покои, а себѣ избы и казармы; возили глину на себѣ и дѣлали кирпичи; дрова, для топленія печей, на себѣ таскаютъ верстъ за шесть и за семь; воду прѣсную на свое употребленіе изъ рѣки возятъ на себѣ жъ, разстояніемъ отъ того жилья версты по двѣ и по три; и сухари сушатъ; и заготовленныя къ строенію пакетботовъ бревна и кокоры, и прочее, плавятъ по рѣкѣ слишкомъ сътридцать верстъ; и къ кузнечнымъ подѣлкамъ уголья жгутъ; и для приготовленія къ пакетботамъ смолы нарочно въ Камчатку посылаются; и нарты дѣлаютъ сами; и провіантъ ими на себѣжъ возятъ....»

Безпрестанно жалуясь на нерачительность Сибирскихъ начальствъ, Берингъ особенно былъ огорчаемъ Писаревымъ, человѣкомъ, по его словамъ «безпокойнымъ и несогласнымъ,» который «ни самъ хочетъ,

ниже насъ въ покоѣ отъ хлопотъ жить оставляетъ,» для переписки съ которымъ надобно бы было содержать особыхъ «двухъ или трехъ добрыхъ подъячихъ,» который «весьма обижаетъ и ябедою своею многую неправду сплетаетъ, и упреждаетъ насъ протестами, и намъ напрасное безпокойство чинитъ,» съ которымъ «истинно давнобъ я радъ былъ, чтобъ отъ него отдѣлаться и жить въ покоѣ, дабы я только порученную мнѣ экспедицію безпрепятственно исправлять могъ.»—Дѣло наконецъ до того дошло, что экспедичное поселеніе Беринга, расположенное при устьѣ рѣки, и острогъ Писарева, стоявшій подлѣ, но нѣсколько выше, были похожи на два враждебные стана. Недовольные Писаревымъ нижніе чины и ссыльные, перебѣгали къ Берингу—по живописному выраженію Писарева «какъ нѣкогда бѣгивали изъ Россіи на Донъ и въ Запорожье»—и были имъ принимаемы милостиво; Писаревъ, съ своей стороны, насильственно захватывалъ людей Беринга, и держалъ ихъ подъ арестомъ; тамъ и здѣсь, безпрестанно подавались доносы, производились слѣдствія, и у Писарева даже пытки; случалось, что Берингъ приходилъ со всею командою освобождать своихъ плѣнныхъ, и нѣсколько разъ грозился арестовать самого Писарева, не рѣшаясь од-

накожъ на такую отважную мѣру. «Что вы съ нимъ съ старымъ канальей много фигуръ строете?—говорилъ ему предпріимчивый Шпанбергъ—Ежелибъ мнѣ приказано было, я бы его съ четырьмя человѣками взялъ и посадилъ!»—«Можетъ быть и не такъ легко его за караулъ взять, отвѣчалъ ему приверженецъ Писарева, Капралъ Плениснеръ: ежели бы вы безъ резону приступать стали, то можетъ быть и *не безъ сопротивленія* было-бъ.»

Свои офицеры, были почти всѣ поссорившись между собою: Чириковъ и Шпанбергъ, соперничествуя въ доставкѣ провизій, ожесточенно спорили о способахъ этой доставки, и укоряли другъ друга за нѣкоторыя упущенія; Шпанбергъ и Вальтонъ, съ ихъ совмѣстнаго похода по крайней мѣрѣ, были въ великой враждѣ, и оба жаловались на своихъ штурмановъ, Петрова и Казимирова, которые взаимно на нихъ жаловались; Ваксель былъ поссорившись съ шхипером Бѣлымъ, Плаутингъ съ Ендогуровымъ. Сцены происходили постыдныя....

Адмиралтействъ-Коллегія, часто и строго подтверждавшая мѣстнымъ Сибирскимъ начальствамъ вспомоществовать экспедиціи, стращая присутствующихъ «не токмо штрафомъ, но и жестокимъ истязаніемъ,» по прежъ-

нему, сурово обходилась съ Берингомъ, подтверждая ему спѣшить отправленіемъ, «подъ опасеніемъ отвѣта и штрафа,» выговаривая за «неосновательныя доношенія,» угрожая взысканіемъ, буде окажется что онъ не требовалъ во время, за доставку посланной ею отсюда, въ предосторожность если не сыщется на мѣстѣ, парусину на паруса, и между прочимъ писала, въ Маѣ 1740 года: «Изъ полученныхъ Коллегіею рапортовъ усмотрѣно только одно, что лѣса заготовляются и суда строются и паруса шьются. А къ которому времени будутъ готовы и въ подлежащій путь отправится, о томъ не показано. Изъ чего Коллегія иначе разсуждать не можетъ, что оное чинится чрезъ не малое время отъ неприлежнаго старанія къ скорому по инструкціи исполненію; потому что лѣсамъ давно надлежало быть приготовленнымъ и судамъ построеннымъ и парусамъ сшитымъ, а не такъ какъ въ ономъ (его) рапортѣ объявлено: для шитья тѣхъ парусовъ и дѣла такелажа строются избы. И оное за основательный резонъ весьма почитать не надлежитъ; и для того наикрѣпчайше подтверждается: суда, ежели паче чаянія, до полученія сего указа, не достроены, достроивать и подлежащее все исправлять, и въ путь свой отправляться безъ

всякаго замедленія, не утруждая, яко излишними, безъ всякаго дѣйствія переписками, и не ожидая впредь подтвердительныхъ указовъ, понеже о томъ многими, чрезъ всю его тамо бытность указами, наикрѣпчайше подтверждено, и въ такое не малое время, весьма исправиться безъ всякихъ представленій, уповательно возможно.»

Въ Сентябрѣ 1740 года, Сенатъ, по какому-то случаю, даже повториль Адм.-Коллегіи, приводимый намъ указъ 15-го Сентября 1738 года: «Разсмотрѣть о Камчатской экспедиціи, возможноль оную въ дѣйство произвесть?» Адм.-Коллегія отвѣчала однакожъ, что ея мнѣніе объ этомъ предметѣ уже было представлено Сенату, но Сенатъ тогда ничего не отвѣчалъ, и сообщая теперь новыя свѣденія о состояніи экспедиціи, по которымъ было видно, что Берингъ въ настоящемъ году надѣется идти въ море, отозвалась, что теперь и подавно остается «на прежде-показанномъ въ Правительствующій Сенатъ мнѣніи.»

Дѣлая теперь все «по совѣту» съ Чириковымъ; огражденный, жительствомъ въ Охотскѣ и ординарнымъ жалованьемъ, отъ подозрѣній въ умышленной медленности; спокойный совѣстью, Берингъ отвѣчалъ на дѣланныя ему подтвержденія: «Въ порученной

мнѣ экспедиціи, во всѣхъ отправленіяхъ и удовольствіяхъ, въ совершенное оной экспедиціи дѣйствіе, прилагаю наиприлежнѣйшее стараніе и неусыпное попеченіе, и во всемъ поступаю по даннымъ мнѣ инструкціямъ и по посланнымъ указамъ безъ упущенія.»

Въ 1738 году, наконецъ, отправился въ путешествіе къ Японіи Капитанъ Шпанбергъ.

Необходимо припомнить здѣсь, что въ то время, лишь нѣсколько ближайшихъ къ Камчаткѣ Курильскихъ острововъ были извѣстны; а далѣе къ югу, рисовались на картахъ большія земли Іезо, Кампаніи, и между ними о. Штатовъ, усмотрѣнныя Голландскими кораблями Кастрикомъ и Брескесомъ, въ 1643 году, очень сомнительныя, и въ самомъ дѣлѣ оказавшіяся совершенно ложно положенными. Слѣдственно настоящее путешествіе имѣло всю занимательность новости, и должно было принести плоды настоящихъ открытій. Надеждъ было много впереди—шли въстрану баснословно-богатую! Любознательности предстояло обширное поприще! (1).

Отрядъ Шпанберга состоялъ изъ трехъ

(1) Слѣдующія здѣсь путешествія описаны по донесеніямъ и журналамъ плавателей. Далѣе мы скажемъ, въ какомъ состояніи найдены журналы. Пути изображены на приложенной картѣ.

судовъ: бригантинъ Архангелъ Михаилъ, бдномачтовое, съ тендерскимъ вооруженіемъ судно (дл. 60 ф. шир. 18 ф. гл. $7\frac{1}{2}$ ф.), которымъ онъ самъ командовалъ, имѣя у себя Штурмана Петрова, Пробирныхъ дѣлъ мастера Гардеболя, Іеромонаха, лекаря Говія, всего 63 человѣка команды; дубель-шлюпка Надежда (дл. 70 ф. шир. 17 ф. гл. 5 ф.), трехъ мачтовая, со шверцами и гафельными парусами, подъ командою Лейтенанта Вальтона, у котораго Штурманъ Казимеровъ; и старый, но исправленный ботъ Гавріилъ (дл. 60 ф. шир. 20 ф. гл. $7\frac{1}{2}$ ф.), Мичмана Шельтинга, съ Подштурманомъ Верещагинымъ; на обоихъ послѣднихъ, команды по 44 человѣка.

Выйдя изъ устья Охоты 18-го Іюня, и встрѣтивъ еще льды въ морѣ, разлученные бурею, къ Большерѣцкому устью пришли въ разныхъ числахъ начала Іюля: Шпанбергъ 5-го, Вальтонъ и Шельтинъ 7-го. Взявъ остававшихся здѣсь, съ разбитаго въ прошломъ году бота Фортуны, своей команды Подштурмана Родичева, Геодезиста Свистунова, 3 матросовъ и 2 толмачей, и принявъ заготовленный провіантъ, 15-го Іюля отправились въ настоящій путь.

Погода стояла болѣе тихая, но туманная. Подойдя къ первымъ Курильскимъ островамъ, поворотили вдоль этой гряды, по на-

правленію ея къ юго-западу, и вскорѣ, одинъ за другимъ, отстали отъ Шпанберга его спутники: Шельтингъ еще 19-го, а Вальтонъ 24-го. Шпанбергъ, проходя Курильскіе острова, и насчитывая ихъ болѣе настоящаго, тридцать одинъ, новооткрытымъ давалъ Русскія назбанія, и нанесъ на свою карту: Анфиногенъ (Алаидъ), Шумъ (Шумшу), Пуремчинъ (Парамуширъ), Дильконъ (Ширинки), Илія (Маканруши), Кокзгеръ (Кам. Авось), Сумаръ (?), Галантъ (Онекотанъ), Красногорокъ (Харимкотанъ), Лаунсартъ (?), Нерпичій (Екарма), Кривой (Шіяшкотанъ), Столбовый (Чиринкотанъ), Осыпной (Мусиръ), Воевода (Райконе и Матуа), Сіучій (Расшау), Баранъ (?), Уриканъ (Кетой), Коза (Ушисиръ), Козелъ (?), Марьяканъ (Симусиръ), Теленокъ (?), четыре Брата (Бротона и два Чирпая), Сестра (?), Утичій (?), наконецъ Ольховый (Урупъ)—двадцать девятый по его счету, двадцать второй по новѣйшимъ извѣстіямъ; и еще къ востоку отъ него, какой то неизвѣстный теперь, островъ Березовый, а къ югу, безъ сомнѣнія Итурупъ, о. Надежды. Не приставая ни къ одному изъ нихъ, потому что «берега каменные, утесы весьма крутые, и въ морѣ великая быстрина и колебаніе жестокое, на якорѣ стоять грунтовъ не имѣется и очень глубоко....»

3-го Августа, съ широты около $45\frac{1}{2}^{\circ}$, обогнувъ о. Ольховый или Урупъ, принялъ возвратный путь; потому, говоритъ онъ, что время уже наступило почти осеннее, ночи темныя и долгія, безпрерывные густые туманы и бываютъ погоды жестокія, а море неизвѣстное, отстойныхъ мѣстъ не находится, теченія между острововъ сильныя и неправильныя; притомъ оказывался недостатокъ въ провизіи, особенно сухаряхъ, съ самаго выхода изъ Большерѣцка производившихся «со уменьшеніемъ,» и въ водѣ; ко всему этому онъ прибавлялъ еще, что за разлученіемъ съ своими товарищами, опасался нападенія чужестранныхъ судовъ. И такъ, не дойдя въ этотъ разъ до Японіи, однакожъ сдѣлавъ открытіе нѣсколькихъ новыхъ острововъ въ Курильской грядѣ, Шпанбергъ, налившись водою на одномъ изъ первыхъ Курильскихъ острововъ, 17-го Августа прибылъ въ Большерѣцкъ. Погода, все еще стояла болѣе тихая.

Изъ отставшихъ спутниковъ Шпанберга, Вальтонъ проходилъ между Курильскихъ острововъ до 11-го Августа, достигая къ югу до широты 43°, 02′, слѣдственно на параллели самой Японіи, и воротился въ Большерѣцкъ 24-го. Шельтингъ, на другой же день по разлученіи, отправился въ Большерѣцкъ, куда прибылъ еще 7-го Августа.

Такъ какъ инструкціею было опредѣлено, чтобы въ случаѣ если не успѣютъ исполнить назначеннаго въ одно лѣто, не дожидая дальнѣйшихъ приказаній, исполнять въ другое, то оставаясь въ Большерѣцкѣ на зиму, Шпанбергъ готовился къ новому походу, удавшемуся, какъ убидимъ, лучше предшествующаго.

Еще въ Сентябрѣ тогоже года, былъ посланъ въ Охотскъ, съ приготовленною здѣсь смолою и собраннымъ ясакомъ, ботъ Гавріилъ, порученный въ команду Подштурмана Верещагина; но вскорѣ по выходѣ, 9-го тогоже мѣсяца, онъ былъ выкинутъ на берегъ около устья рѣки Крутогоровой, на томъ же берегу Камчатки, и простоялъ тамъ до весны слѣдующаго года. Весною исправленъ, снова спущенъ на воду, и опять поступилъ подъ команду Шельтинга.

Во время зимовки здѣсь, было построено еще одно судно, изъ березоваго лѣса, потому называвшееся «березовкою,» 18-весельный шлюпъ Большерѣцкъ (дл. 50 ф. шир. 11 ф. гл. $4\frac{1}{2}$ ф.), отданный подъ команду любимца Шпанберга, квартирмейстера Эрта.

Въ 1739 году, 21-го Мая, всѣ четыре судна вышли изъ Большерѣцка, и 25-го подошли къ первымъ Курильскимъ островамъ. Здѣсь, по приказанію Шпанберга, «не объявя при-

чины», сказано въ журналѣ Вальтона, перемѣнены командиры бота и дубель-шлюпки: первый отданъ въ команду Вальтона, а послѣдняя Шельтингу; Вальтонъ взялъ къ себѣ своего штурмана Казимерова, а Шельтингу отдалъ Родичева (Верещагинъ у Шпанберга). Пріискавъ толмачей, 1-го Іюня отправились отсюда въ надлежащій путь, и на этотъ разъ слѣдовали далеко по восточную сторону Курильской гряды, по меридіану Камчатки, до 42° широты, пересѣкли въ этомъ направленіи параллель означавшейся здѣсь земли Де-Гама, разумѣется не видавъ ее, и склоняясь отсюда къ югозападу еще до шир. 39°, уже отъ нея только направились прямо на западъ, къ берегамъ Японіи. Вальтонъ, подходя къ Японскимъ берегамъ, въ шир. около $39\frac{1}{2}°$, 14-го Іюня опять отлучился, изыскивая и до этого всѣ способы отойти отъ своего начальника, такъ что замѣтившій это Шпанбергъ, даже отдалъ приказаніе командѣ Вальтона—постыдное нарушеніе дисциплины!—не слушаться его, если замѣтятъ, что онъ имѣетъ намѣреніе отдѣлиться. 16-го Іюня, въ широтѣ около 39°, Шпанбергъ наконецъ увидѣлъ берегъ Японіи, островъ Нипонъ, и слѣдуя подлѣ него къ югу, до широты около $37\frac{1}{2}°$, остановился 22-го числа на якорѣ. Погода, во все это время, стояла болѣе тихая, но

туманная и дождливая, рѣдко когда прояснивало. Берега, по которымъ проходили, были покрыты роскошною растительностію, богатыми селеніями и множествомъ народа; на водѣ встрѣчали, плавающими, не виданныя ими дотолѣ, деревья и травы, и чудныхъ животныхъ—рыбы огромной величины и странной формы, черепахъ «съ сороковую бочку,» и проч.; видѣли уродливыя Японскія суда «на подобіе галеръ,» съ полосатыми и красными парусами; замѣтили и то, что жители очень встревожены появленіемъ нашихъ судовъ, жгутъ по ночамъ огни и содержатъ крейсеровъ, которые однакожъ не осмѣливались приближаться. Остановясь на якорѣ, въ верстѣ отъ берега—не знаемъ точнаго мѣста, ибо счисленіе, какъ увидимъ далѣе, было чрезвычайно запутано—завели сношенія съ жителями. Японцы привозили пшено, табакъ, разныя овощи и ткани, дарили ихъ и промѣнивали на Русскія произведенія; въ числѣ посѣтителей бывали значительныя особы, какими ихъ описываетъ Шпанбергъ. Съ обѣихъ сторонъ соблюдали большую учтивость; но Шпанбергъ, запутанный уже инструкціею, предписывавшей крайнія осторожности, видя около своего судна разомъ до осьмидесяти лодокъ, на каждой по десяти и по двѣнадцати человѣкъ,

поспѣшилъ удалиться, и въ тотъ же день снялся съ якоря.

«Оные Японцы—говоритъ онъ въ своемъ донесеніи—росту средняго и малаго; платье у нихъ много схоже съ Татарскимъ; ходятъ босые, штановъ и портковъ никакихъ не имѣютъ; съ полу-головы по лбу волосы стрижены и подклеены клеемъ, назади завязываются кустикомъ, который торчитъ къ верху; шляпы у нихъ великія, травяныя, плоскія; носятъ тѣ шляпы подвязавъ себѣ подъ бороду; а у которыхъ шляпъ нѣтъ, тѣ головы повязываютъ платками; вмѣсто епанечь имѣютъ вощанки, сдѣланныя изъ бумаги. А тѣломъ оные Японцы, нѣкоторые изъ-бѣла, а болѣе смуглыхъ, глаза малые, волосы черные, бороду брѣютъ....»

«Пріѣзжали они Японцы на лодкахъ остроносыхъ, а кормы тупыя, и сверху доски спущены фута на четыре, островаты, длиною около четырехъ саженъ; а носы у тѣхъ лодокъ обиты у многихъ мѣдью зеленою. Да и большія у нихъ лодки строены такъже, какъ и малыя; а рули у тѣхъ лодокъ имѣются по два, весла кривыя; гребутъ стоя, наискось, положа весла на уключины, а рукоятки привязываютъ веревками; а шиты оныя лодки мѣдью; а дреги у нихъ четырехъ-рогіе, желѣзные; и тѣ лодки съ палу-

бами, и продѣланы на нихъ ящики для воды, а на палубѣ складены печи, въ которыхъ у нихъ имѣются котлы для варенія кашъ. И ночуютъ на морѣ....

«Послали мы съ своего судна шлюпку, на ней служителей трехъ, да толмача одного, для промыслу рыбы, которую оный толмачь, по Курильскому обыкновенію, и закололъ; и буксировали, и прибуксировавъ подняли ее на судно на сей-таляхъ; и какъ подняли, и тогда она была жива, а какая званіемъ оная рыба, того описать за невѣдѣніемъ не можно; только великая и плоская, глазъ круглый, близъ головы два большихъ ластовъ, по верхнюю и нижнюю стороны, съ круглыми высмками; а вѣсомъ оная рыба болѣе 9 пудовъ; тѣломъ оная рыба бѣлая, кожа на ней толстая, щедроватая и шиповатая....»

Поднявшись отсюда къ сѣверовостоку, до широты около $44\frac{1}{2}^{\circ}$, 3-го Іюля увидѣли множество другихъ острововъ, принадлежащихъ къ Курильской грядѣ, главнѣйшіе изъ которыхъ названы именами: Фигурнаго, Трехъ-Сестеръ и Цитроннаго — это Чикотанъ и южная сторона Итурупа вѣроятно. На первомъ нашли хорошую гавань, налились водою и замѣтили признаки его обитаемости, хотя людей не видѣли. Всѣ эти острова были покрыты богатою растительностію. Шлюпъ

Большерѣцкъ здѣсь отлучился. Проходя отъ этихъ острововъ къ западу, 8-го Іюля осмотрѣли другіе, изъ которыхъ одинъ названъ Зеленымъ, а другой жители называли Куціямъ—очень большіе, безъ сомнѣнія Кунаширъ и сѣверная сторона о. Іезо или Матсмая. Около Куціяма или Кунашира, по разсказамъ его многочисленныхъ жителей, лежало еще одиннадцать острововъ, и всѣ независимые, потому что крайнее поселеніе Японцевъ на Матсмаѣ, означенномъ у Шпанберга къ югу отъ этихъ острововъ. Жители на нихъ: «сходны по персонамъ Курильскимъ народамъ; носятъ долгое платье, портковъ и штановъ не имѣютъ, ходятъ босые, на платьѣ у нихъ нашиты лоскутки камчатные разныхъ цвѣтовъ; по ногамъ у нихъ и по всему тѣлу шерсть; бороды у нихъ великія, продолговатыя, черныя, а которые престарѣлые у тѣхъ съ сѣдиною, какъ бороды, такъ и на тѣлѣ; у нѣкоторыхъ имѣются въ ушахъ кольцы серебряныя. Лодки у нихъ такіяжъ, какъ у нашихъ Курильскихъ мужиковъ байдары; а языкъ у оныхъ жителей походитъ на Курильскій....» Принимая подарки, «обѣ свои руки сжавъ приносили ко лбу, и такъ кланялись; такожъ становились они на колѣни передъ пѣтухомъ, увидя сго поднимали руки къ верху....»

На островѣ Зеленомъ, говоритъ Шпанбергъ, «воспрепятствовали намъ часто перемѣнные и противные вѣтры, такожъ великіе туманы и дожди, и безпрестанныя частыя мели, къ которымъ тѣми туманами подбѣгали почти подъ самую землю, и были саженяхъ на четырехъ, а земли не видали; а подходили къ землѣ нечаянно, гдѣ не безъ великаго страху были, и для того имѣли великій трудъ и суету мореплаванія, и терпѣли не малую мокроту, и отъ того многіе въ командѣ моей захворали; къ томужъ, между островами въ узкомъ мѣстѣ, и того ради назвали то мѣсто губа *Претерпѣнія.*»

24-го Іюля, подошли къ о. Матсмаю, въ шир. около 41°, у котораго видѣли множество судовъ. Но такъ какъ на бригантинѣ было уже до двадцати человѣкъ больныхъ, «да и на всѣхъ служителяхъ была тягость великая;» на дубель-шлюпкѣ тоже много больныхъ, а остальные «на силу волочатся;» то, не приставая къ берегу, на другой день предприняли отсюда обратный походъ. Погода стояла почти неизмѣнно тихою, только по большей части туманная. На возвратномъ пути, 31-го Іюля отсталъ наконецъ и Шельтингъ съ дубель-шлюпкою. 10-го Августа, Шпанбергъ подошель къ первымъ Курильскимъ островамъ, 14-го прибылъ въ

Большерѣцкъ, и не дождавшись здѣсь спутниковъ, черезъ пять дней отправился въ Охотскъ, куда пришелъ 29-го, лишившись во всемъ этомъ плаваніи 13 человѣкъ умершими, въ томъ числѣ лекаря Говія.

Вальтонъ, разлучившись съ Шпанбергомъ, по причинѣ разныхъ поврежденій, писалъ онъ, слѣдовалъ съ своимъ ботомъ къ западу, и въ тотъ же самый день, какъ и Шпанбергъ, 16 го Іюня, въ широтѣ 37°, 42′, увидѣлъ Японскую землю—тотъ же островъ Нипонъ, и подлѣ него множество судовъ, одномачтовыхъ, съ полосатыми и бѣлыми парусами. Продолжая плаваніе къ югу, вдоль берега, вечеромъ 18-го остановился на якорѣ у какого-то большаго города, видѣннаго издали впрочемъ, въ шир. 34°, 16′. Посыланный на берегъ штурманъ, былъ очень ласково встрѣченъ жителями, угощавшими его и помогавшими ему наливаться водою. На другой день, пріѣхалъ на ботъ знатный, повидимому, Японецъ, сопровождаемый сотнею мелкихъ судовъ, которому Вальтонъ подарилъ шубу и нѣсколько другихъ платьевъ. Однакожъ, опасаясь все болѣе накоплявшихся кругомъ лодокъ, Вальтонъ снялся съ якоря и пошелъ далѣе. «На сей землѣ—замѣчаетъ онъ въ своемъ журналѣ—много золота и жемчугу, и винограду и сарачинскаго пшена; но всего, по крат-

кости времени, осмотрѣть было не можно.» Слѣдуя отсюда къ югозападу, въ виду береговъ, у которыхъ иногда останавливались, на короткое время, на якорѣ, вездѣ видѣли берега покрытые богатою растительностію— померанцовыми и каштановыми деревьями, виноградниками и сарачинскимъ пшеномъ; обширныя селенія и вокругъ нихъ большія пастбища; жители учтивые и ласковые, но всегда осторожные. 23-го Іюня, достигли широты 33°, 28′, и остановясь на якорѣ у одного острова, привезли съ берега двѣ жемчужныя раковины, да двѣ вѣтви какихъто невиданныхъ деревьевъ. На другой день, отсюда пошли въ обратный путь, по сѣверовостоку, и поднявшись 12-го Іюля до высоты Авачинской губы ($52\frac{1}{2}$°), спустились къ западу, чтобы обогнуть лопатку (оконечность Камчатки), которую миновали 20-го, и въ Большерѣцкъ прибыли 23-го Іюля. Черезъ три дни, сюдаже пришелъ шлюпъ Большерѣцкъ, который, потерявъ Шпанберга, и не находя его въ теченіи нѣсколькихъ дней, пошелъ обратно. 7-го Августа, оба эти судна отправились въ Охотскъ, и прибыли туда 22-го тогожъ мѣсяца.

Бѣдственнѣе всѣхъ было странствіе дубельшлюпки Надежда, подъ командою Шельтинга. Разлучившійся со Шпанбергомъ, какъ мы

говорили, уже на обратномъ пути, 31-го Іюля, онъ направился по сѣверовостоку до параллели 51°, съ которой, 11-го Августа, поворотилъ къ западу; черезъ два дни подошелъ къ берегу, признанному за восточный берегъ Камчатки, налился здѣсь водою,и пошелъ къ югу, чтобы обогнуть полуостровъ. Больныхъ было уже множество, и нѣсколько человѣкъ умерло. 22-го, вступили въ Охотское море, и приближаясь къ Большерѣцку, 30-го, едва не были выкинуты на берегъ; однакожъ, на другое утро благополучно вошли въ рѣку. Исправясь, 9-го Сентября отсюда пошли въ Охотскъ, и 18-го были уже близко него, но встрѣтили противный и свѣжій вѣтръ, съ дождемъ и снѣгомъ. На якорь, за худостію каната, не рѣшались стать, и потому, оставаясь въ дрейфѣ, были «волнами многократно покрываемы.» 22-го стихло, и удаленные въ предшествовавшій штормъ на цѣлый градусъ къ югу, теперь опять стали подниматься къ сѣверу, все еще при противномъ вѣтрѣ. Оснастка, большею частію, была перебита и снайтовлена, паруса ветхи и много разъ чинены, «служителей почти никого здоровыхъ.» Въ полночь 26-го, снова возсталъ жестокій противный штормъ, съ дождемъ и снѣгомъ, и потому, «спасая животъ,» опять легли въ дрейфъ, «и отъ того

момента—широта 58°, 18′—счисленіе прекратилось, потому что не токмо лагъ бросить, но едва можно было на палубѣ стоять, потому что сильными волнами многократно судно покрывало.» Однимъ нашедшимъ шквалomъ даже едва не опрокинуло его, совсѣмъ покрывъ водою, при чемъ тронулся грузъ въ трюмѣ. «Только помощію Божіею судно встало, и служителей Господь Богъ спасъ невидимою рукою—другъ друга вытащили.» Отливаясь ведрами, работая всею командою, къ слѣдующей ночи поправились немного; а между тѣмъ и вѣтръ по-затихъ, оставалось только большое волненіе, да шелъ проливной дождь. 1-го Октября, снова приблизились къ Охотску, но вѣтръ опять сталъ противный и свѣжій, берега были покрыты снѣгомъ—разсчитывали что и рѣка стала—провизіи и воды очень мало. Тогда, старшій помощникъ командира, боцманматъ Герасимовъ, пришелъ просить его отъ имени команды, чтобы возвратиться въ Большерѣцкъ. Продержавшись еще одни сутки, Шельтингъ наконецъ уступилъ новымъ просьбамъ команды-говорившей впрочемъ «какъ соблаговолишь чтобъ намъ не погибнуть,» и сдѣлавъ со всѣми нижними чинами консиліумъ, пошелъ назадъ. Къ Большерѣцку прибыли 7-го Октября, и надругой же день вошли въ рѣку.

Проведя здѣсь зиму, въ Охотскъ воротились уже въ слѣдующемъ году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Такъ были открыты и осмотрѣны Курильскіе острова и сѣверныя части Японіи —осмотрѣны, правда, поверхностно, и, какъ мы сей часъ увидимъ, записаны въ журналахъ ошибочно, но тѣмъ не менѣе, въ общихъ очеркахъ, изображены съ достаточною опредѣлительностію. Вся эта мѣстность получила совсѣмъ новый видъ, которому, впрочемъ, современники долго не вѣрили, всѣ еще предполагая здѣсь большія земли: Іезо, лежащую и южнѣе и западнѣе (Матсмай), Кампаніи и о. Штатовъ—южные Курильскіе острова.

Шпанбергъ говоритъ въ своемъ донесеніи, что еще отъ первыхъ Курильскихъ острововъ, еслибы не отлучились его спутники, онъ думалъ послать «для призыву ближнихъ острововъ жителей въ подданство Е. И. В. и привесть къ платежу ясака;» и потомъ, будучи у Японіи, около Матсмая, опять замѣчалъ, что «ежели повелѣно будетъ, то надѣюся, Божіею милостію и счастіемъ Е. И. В. можно большіе и малые острова привести въ подданство Е. И. В. отъ 43° и до 46°, а отъ 46° до послѣдняго острова, безъ всякаго опасенія можно привести въ самой скорости, ежели намъ отъ посторонихъ людей или отъ команды какого препятствія не будетъ, какъ отъ нихъ

въ нынѣшнемъ вояжѣ немалая нынѣ учинилась остановка.» Возвратясь въ Охотскъ, онъ предлагалъ, именно съ этою цѣлію, приведенія въ подданство Курильцевъ, возобновить экспедицію. Но Берингъ не рѣшался на такое предпріятіе, потому особенно, что два лѣта, назначенныя для настоящихъ изслѣдованій, уже минули, и сдѣлавъ консиліумъ со всѣми наличными офицерами, отпустилъ самого Шпанберга въ С. Петербургъ, для представленія тамъ его предложеній лично. Шпанбергъ тогдаже уѣхалъ въ Якутскъ, куда, для удобнѣйшаго довольствія, посланы и его команды съ офицерами. Но въ Якутскѣ, онъ встрѣтилъ запрещеніе Адм. Коллегіи ѣхать далѣе, сдѣланное по предварительному его прошенію на это, еще въ 1738 году.

Поссорившись между собою, Шпанбергъ и Вальтонъ поссорились также съ штурманами ихъ, Петровымъ и Казимеровымъ (1). По-

(1) Шпанбергъ рекомендовалъ Петрова какъ горькаго пьяницу, а Петровъ жаловался на Шпанберга, что тотъ принуждалъ его передѣлывать журналъ, ругалъ «по Нѣмецки и по Русски,» и грозилъ на реѣ повѣсить. Вальтонъ упрекалъ Казимерова въ непослушаніи, будто онъ, заупрямясь, не хотѣлъ выходить на вахту и писать журналъ; а Казимеровъ жаловался, что Вальтонъ его протолкалъ въ каюту и даже билъ.

Петровъ, впрочемъ, былъ офицеръ очень зна-

шли жалобы, и старинный врагъ Шпанберга, Писаревъ, узнавъ подъ рукою нѣкоторыя обстоятельства ихъ плаваній, особенно Вальтона, «боясь Бога,» представилъ Сенату, въ Августѣ 1740 года, что они были вовсе не въ Японіи, а въ Кореи!! Свои доказательства онъ основывалъ на соображеніяхъ по картѣ, приложенной къ какой-то «Японской исторіи,» и на слышанныхъ имъ главныхъ румбахъ плаваній. Сенатъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1741 года, передалъ это дѣло на разсмотрѣніе Адм.-Коллегіи, а Коллегія поручила его разсмотрѣть учителю Морской Академіи Шишкову. Шишковъ отозвался (19-го Августа тогожъ года), что хотя по картѣ Писарева, наши мореплаватели дѣй-

---

ющій, любившій свое ремесло, сочинившій изъ разныхъ источниковъ навигацію, и изобрѣтшій, въ 1738 году, инструментъ для опредѣленія долготы на морѣ, разумѣется неудавшійся. Въ 1739 г., сказавъ на Шпанберга «слово и дѣло,» онъ былъ отосланъ для допросовъ въ Иркутскъ; но какъ никакой важности въ его объявленіи не оказалось, то снова былъ возвращенъ въ команду Шпанберга. Однакожъ, въ слѣдующемъ его путешествіи не участвовалъ.

Казимеровъ, въ Августѣ 1741 г., когда готовились въ новый походъ, тоже объявилъ «слово и дѣло» на Шпанберга, посланъ въ Тайную канцелярію, и оттуда, прощенный или оправданный, въ Апрѣлѣ 1742 г. возвращенъ въ С. Петербургъ.

ствительно не могли быть въ Японіи, которая на ней положена къ югу отъ Камчатки, между тѣмъ какъ они держали къ юго-западу; но на другихъ картахъ, Кирилова и Колежскóй (Делилевской вѣроятно), Японія лежитъ на юго-западъ, и этимъ всякое сомнѣніе устраняется. Между тѣмъ Берингъ, разсматривавшій журналы Шпанберга, представилъ, что они оказались крайне невѣрными, а Шпанбергъ, въ тоже самое время, доставилъ Адм.-Коллегіи цѣлую тетрадь замѣченныхъ имъ противурѣчій въ журналахъ Вальтона (штурманскомъ и шханечномъ). Получивъ все это, Адм.-Коллегія пришла въ недоумѣніе: стали перевычислять счисленіе, сравнивать показанія, прокладывать по картѣ—и сомнѣнія, окончательно, были рѣшены только въ 1746 году, особою по этому дѣлу коммиссіею, состоявшею изъ Капитановъ Д. Лаптева и А. Нагаева, учителя Шишкова и подмастерья Бильцова. «Безъ всякаго сомнѣнія признается—сказано въ донесеніи этой коммиссіи—что Капитанъ Вальтонъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, былъ подлинно у восточныхъ береговъ Япона, а не у Кореи.... Чтоже касается до вояжа Капитана Шпанберга, по всѣмъ его журнала обстоятельствамъ, едвалибы возможно было кому повѣрить, что онъ, Шпанбергъ, подлинно ко-

снулся плаваніемъ своимъ сѣвернаго угла острова Япона, еслибы онъ ходилъ на морѣ одинъ; но какъ онъ, въ помянутомъ вояжѣ, Мая отъ 23-го, отъ Большерѣцкаго острога, Іюня по 15-е число, до самаго у Японскихъ земель въ туманъ отлученія, неразлучно шелъ, и виды у Японскихъ береговъ и прочіе случаи въ журналѣ, что въ натурѣ видѣлъ, записалъ.... Потому, Шпанбергова у Япона, и о возвратномъ его пути межъ Японскими островами бытіе, причесться или признано быть можетъ... А чтобъ изъ Шпанбергова журнала сочинить пути его вѣрную карту, и положенія на ней аккуратнаго тѣхъ острововъ, которые онъ при прохожденіи видѣлъ, и части острова Япона, того не токмо другому кому, но и ему самому, Шпанбергу, сочинить и въ достовѣрность на картѣ положить, за вышедонесенными, въ журналахъ его записанными, многими необстоятельствы—невозможно (1).

(1) До какой степени важны противурѣчія и ошибки въ журналахъ этого отряда, и какъ это затрудняло насъ въ началѣ, при обработываніи настоящихъ плаваній, пока мы не нашли настоящій къ нимъ ключь, и почитали эти ошибки и противурѣчія неисправностями копій, которыми пользовались, можно видѣть изъ слѣдующаго:

Замѣчанія, сдѣланныя Шпанбергомъ на журналы Вальтона, заключаются въ тетради изъ 16 листовъ,

Между тѣмъ донесенія Шпанберга, взятыя въ кабинетъ Императрицы, возбудили особенное вниманіе, и въ Апрѣлѣ 1740 года, онъ получилъ новый указъ (отъ 10-го Января этогожъ года), повелѣвавшій немедленно и поспѣшно ѣхать въ С. Петербургъ—«ѣхать денно и ночно,» сказано въ немъ. Но задержанный въ началѣ распутицею, когда онъ отправился въ дорогу, на Ленѣ, въ Киренскомъ острогѣ былъ остановленъ другимъ указомъ, отъ 15-го Апрѣля тогожъ года, повелѣвавшимъ, возвратясь назадъ, просто возобновить экспедицію. Онъ воротился въ Охотскъ въ Августѣ 1740 года, и какъ увидимъ далѣе, совершилъ еще одно, но уже совершенно неудачное плаваніе къ Японіи, 1742 года.

сплошь испещренной цифрами и румбами, въ такомъ родѣ: въ штурманскомъ журналѣ, курсъ StW$^1/_2$W, въ шханечномъ SW$^1/_2$W (4 Іюня 1739 г. 2 ч. утра); въ первомъ, разстояніе (6 Іюня) 320 миль, а во второмъ 99; въ одномъ, широта (15 Іюня) 36°, 29′, въ другомъ 39°, 09′, и т. д. Вальтонъ, въ устраненіе всѣхъ этихъ противурѣчій, представилъ свой собственный журналъ, веденный по Англійски (мы его нашли въ дѣлахъ экспедиціи—переводъ есть въ числѣ журналовъ Гидрографическаго Департамента), который, во многихъ спорныхъ мѣстахъ, значительно разнится, какъ отъ одного, такъ и отъ другаго изъ вышеприведенныхъ журналовъ; наприм.: въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, у него разстояніе 20 миль, а широта 38°11′.—

Мы разскажемъ его въ своемъ мѣстѣ, а теперь переходимъ къ главнѣйшему—плаваніямъ Беринга и Чирикова къ берегамъ Америки.

Со времени прибытія въ Иркутскъ и Якутскъ уполномоченныхъ Адмиралтействъ-Коллегіею, «товарищей» Беринга, по выраженію Сената, Лейтенантовъ Толбухина и Ларіонова, дѣятельность снабженія экспедиціи усилилась. Вытребовано, на настоящій годъ, до 40,000 руб. денегъ изъ Тобольской канцеляріи; собрано до 50,000 пудовъ провіанта въ Верхоленскихъ мѣстахъ; пріискано до 20,000 аршинъ полотна (прислано еще Адмиралтействъ-Коллегіею 6,700 арш.); недостававшіе припасы, пенька и масло, выписаны изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, Илимска и Красноярска; число рабочихъ на пе-

---

У Шпанберга такія же грубыя ошибки; вотъ нѣкоторыя на него замѣчанія Беринга, сдѣланныя особою по этоту предмету коммисіею: 5-го Іюля 1739 г., стояли на якорѣ противъ губы о. Фигурнаго и брали пеленги, а по счисленію, мѣсто его отъ того острова, западнѣе на цѣлый градусъ; 28-го Іюля, въ 7 ч. пополудни, вѣтръ NO, курсъ NNW, дрейфу 2 R, а правый румбъ (въ нашей копіи этихъ правыхъ румбовъ нѣтъ) SO, вм. NW; 7-го Августа, разн. шир. 56.7, отш. 10.8, а по вычисленію, первая 46.8, вторая 13.5; 10-го Августа, на якорѣ въ первыхъ Курильскихъ островахъ, а по счисленію у Большерѣцка, около 2° сѣвернѣе.

ревозкѣ увеличено до 1000, улучшено содержаніе и усиленъ присмотръ за ними; построены новыя суда, собраны вьючныя лошади, предпринята расчистка дороги; и такими усиленными мѣрами—Толбухину и Ларіонову предоставлялось право, понуждая Иркутскую и Якутскую канцеляріи, въ случаѣ неисправленія, «присутствующихъ держать подъ карауломъ неисходно»—въ лѣтѣ 1740 года, завезено въ Охотскъ почти все нужное для экспедиціи. Между тѣмъ, пакетботы строились, и въ Іюнѣ того же года спущены на воду: каждый длиною въ 80 ф., шир. 22 ф., гл. $9\frac{1}{2}$ ф., поднимавшіе грузу по 6000 пудовъ, двухъ-мачтовые, съ бригскимъ вооруженіемъ, имѣвшіе по 14 небольшихъ (3 и 2-фунт.) пушекъ, наименованные Св. Петръ и Св. Павелъ. При портѣ еще находились суда Японскаго отряда: бригантинъ Михаилъ, дубель-шлюпка Надежда и ботъ Большерѣцкъ, да построенный Охотскимъ правленіемъ гальотъ Охотскъ. Японскаго отряда ботъ Гавріилъ, еще осенью прошлаго года, былъ посланъ въ Камчатку, со Штурманомъ Елагинымъ и Подштурманомъ Хметевскимъ, изъ которыхъ первому назначено произвести опись морскому берегу отъ Большерѣцка, кругомъ оконечности полуострова до Авачинской губы, и этой губѣ,

заготовивъ при ней помѣщенія для экспедиціи, а второму описать рѣку Камчатку.

Командъ на лицо было 166 человѣкъ, и 80 у перевозки провіанта. Лѣтомъ пріѣхали въ Охотскъ, назначавшійся въ экспедицію Астрономъ Де-ла-Кроеръ, со свитою, и отправлявшійся въ Камчатку, но потомъ, по убѣжденію Беринга, тоже сопровождавшій экспедицію, Естествоиспытатель Штеллеръ. Наконецъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, смѣненъ съ своего поста ожесточенный врагъ экспедиціи, Писаревъ, мѣсто котораго заступилъ тоже ссыльный, также нѣкогда знаменитый сподвижникъ Петра, бывшій Оберъ-Полицеймейстеръ столицы, Девіеръ.

Въ половинѣ Августа, Берингъ и Чириковъ, съ двумя пакетботами и взятыми для отвоза провизіи дубель-шлюпкою и гальотомъ, были уже готовы къ отправленію въ море; но въ это время пріѣхалъ изъ Якутска Капитанъ Шпанбергъ, имѣвшій порученіе отправиться снова къ Японіи, и оставившій за собою въ дорогѣ присланнаго изъ С. Петербурга нарочнаго съ указами. Этотъ присланный прибылъ только 24-го Августа, и надобно было составлять отвѣты по требованіямъ. Потомъ, 1-го Сентября, отправленная впередъ дубель-шлюпка, при выходѣ изъ рѣки, стала на мель и повреди-

лась; почему занимались перегрузкою и исправленіемъ ея. Только 8-го Сентября могли всѣ окончательно выйти въ море.

Пакетботомъ Св. Петръ командовалъ самъ Берингъ, у котораго были: Лейтенантъ (изъ штурмановъ) Ваксель, съ малолѣтнымъ сыномъ, Штурманъ Эзельбергъ, Подштурманъ Юшинъ, Коммисаръ Лагуновъ, Подшхиперъ Хотяинцовъ, боцманъ Янсенъ, боцманматъ Ивановъ, подконстапель Россиліусъ, лекарь Фейхъ, подлекарь Бетхе, за живописца капралъ Плениснеръ, и въ числѣ матросовъ, разжалованный изъ Лейтенантовъ, уже знакомый намъ, Д. Л. Овцынъ; всего 77 человѣкъ команды. Въ Камчаткѣ еще поступили: Мастеръ Хитровъ и гардемаринъ Іоганъ Синдъ—сынъ лекаря Фейха—а самъ Фейхъ, по болѣзни, уволенъ въ С. Петербургъ. Пакетботъ Св. Павелъ былъ подъ командою Чирикова, и у него находились: Лейтенанты Чихачевъ и Плаутингъ (послѣдній изъ штурмановъ), Мастеръ Дементьевъ, Подштурмана Шигановъ и Юрловъ, Коммисаръ Чоглоковъ, Подшхиперъ Коростлевъ, боцманъ Савельевъ, подконстапель Качиковъ, Іеромонахъ и подлекарь Лау; всего 69 человѣкъ. Въ Камчаткѣ еще поступили: Штурманъ Елагинъ и произведенный изъ матросовъ 2-й статьи «по экзамену» въ гардемарины, Андреянъ Юрловъ; Подштур-

мана Шигановъ и Юрловъ оставлены въ Камчаткѣ. Дубель-шлюпкою управлялъ Мастеръ Хитровъ, а гальотомъ Подштурманъ Ртищевъ. На дубель-шлюпкѣ помѣстились: Де-ла-Кроеръ и Штеллеръ, съ геодезистомъ Красильниковымъ и студентомъ Горлановымъ (оставленными въ Камчаткѣ). Провизіи было взято такъ много, что могло стать на годъ и восемь мѣсяцевъ; однакожъ, часть ея повредилась при постановленіи на мель дубель-шлюпки; запаснаго такелажа, за недостачею, было очень мало.

Разлученные при выходѣ, въ разныхъ числахъ половины тогожъ Сентября мѣсяца, всѣ пришли въ Большерѣцкъ, и не мѣшкая здѣсь, оставя только Академиковъ, и взявъ Штурмана Елагина, посыланнаго сюда въ прошломъ году для описи береговъ—отъ Большерѣцка до оконечности полуострова описанныхъ имъ геодезически, и далѣе до Авачинской губы, по неприступности берега, моремъ—направились къ Авачинской губѣ, кругомъ Лопатки. Пакетботы пришли туда: Св. Павелъ (Чирикова) 27-го Сентября, а Св Петръ (Беринга) 6-го Октября; но нагруженная провіантомъ дубель-шлюпка, претерпѣвъ великія бѣдствія, была принуждена возвратиться въ Большерѣцкъ, 8-го Октября, и тамъ остаться зимовать; гальотъ тоже

остался тамъ зимовать. Это обстоятельство, заставило потомъ перевозить провизію изъ Большерѣцка въ Авачу сухимъ путемъ, въ зимнее время, что было сопряжено съ великими трудами и убытками, особенно для бѣдныхъ Камчадаловъ. Дубель-шлюпка пришла въ Авачу слѣдующею весною, но тогда уже, когда пакетботы отправлялись въ море. Гальотъ Охотскъ, въ слѣдующемъ году возвратился въ Охотскъ, подъ командою Подштурмана Шиганова. На немъ выѣхалъ Крашенинниковъ, съ богатымъ запасомъ собранныхъ имъ здѣсь свѣденій, по всѣмъ предметамъ естествознанія, исторіи, этнографіи, географическихъ, гидрографическихъ и физическихъ примѣчаній.

По прибытіи въ Авачинскую губу, утвердившись въ выборѣ мѣста для гавани, гдѣ уже было построено Елагинымъ нѣсколько помѣщеній, набожный Берингъ заложилъ здѣсь церковь, и гавань—одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ—названа *Петропавловскою* (1). Сдѣлавъ потомъ распоряженія, о перевозѣ оставленнаго въ Большерѣцкѣ провіанта, на

(1) По Миллеру, церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, отъ чего и названіе гавани. Но по розысканіямъ въ мѣстномъ архивѣ, Г. Полонскаго, лично мнѣ сообщеннымъ отъ него, эта церковь—въ началѣ привезенная съ собою, походная, потомъ по-

зиму онъ размѣстилъ свои команды, для сбереженія ихъ собственнаго продовольствія, по мѣстнымъ острожкамъ.

Де-ла-Кроеръ, опредѣлившій широту Большерѣцкаго устья (52°, 45′), и Штеллеръ, сдѣлавшій нѣсколько поѣздокъ по полуострову, къ веснѣ прибыли въ Петропавловскую гавань, которая тоже опредѣлена Де-ла-Кроеромъ, широтою и долготою, но весьма невѣрно (1).

Съ открытіемъ навигаціи 1741 года, Берингъ, согласно данныхъ ему инструкцій, предложилъ на совѣтъ всѣхъ своихъ офицеровъ и Астронома Де-ла Кроера: куда надлежитъ направить предстоящее плаваніе, для открытія предполагаемыхъ противъ Камчатки земель? Мнѣніе самого Беринга, еще въ прошлую его экспедицію искавшаго зага-

---

строенная, деревянная—была во имя Рождества Богородицы. Однакожъ названіе гавани Петропавловскою —поимени судовъ слѣдственно?—встрѣчаемъ уже на первыхъ страницахъ журналовъ настоящей экспедиціи.

(1) Въ журналахъ Беринга, долгота 127°, 31′, О отъ С. П. или 175°, 28′, 30″ отъ Ф.—полагая разность между этими меридіанами 47°, 57′, 30″, по современному опредѣленію Делиля. Широта 52°, 52′, по другимъ 53°, 1′. Настоящая, средняя изъ новѣйшихъ опредѣленій, долг. 176°, 23′, 23″, шир. 53°, 00′, 25″. По Чирикову, мысъ Ваua въ долг. 127°, 50′ отъ С. П. или 175°, 47′, 30″ отъ Ф., въ шир. 52°, 53′.

дочнаго материка на востокѣ отъ Камчатки; мнѣніе Чирикова, еще при назначеніи его въ экспедицію предлагавшаго опредѣлить границы изслѣдованій въ параллеляхъ 50—65°; наконецъ, убѣжденіе почти всѣхъ офицеровъ, основанное и на признакахъ близкой земли къ востоку отъ Камчатки, и на вѣроятности направленія Американскаго материка, отъ предѣловъ его положительной извѣстности, 45°, по томужъ направленію къ сѣверозападу, до широты 65°, гдѣ онъ теперь былъ достовѣрно извѣстенъ по походу Гвоздева, 1732 года; все склонялось на то, чтобы идти на востокъ для предстоящихъ открытій. Но Берингу была дана карта, составленная Астрономомъ Делилемъ, на которой, при совершенномъ отсутствіи береговъ на востокѣ противъ Камчатки, къ юго-востоку отъ нея, по параллели 45-47°, означалась какая-то невѣдомая земля, будто бы видѣнная, неизвѣстно когда, какимъ-то невѣдомымъ мореплавателемъ Жуаномъ-де-Гама; карта, не обязывавшая его на непремѣнное къ ней довѣріе, частію даже опровергнутая предшествовавшимъ плаваніемъ Шпанберга, однакожъ пользовавшаяся большимъ авторитетомъ, поддерживаемая на совѣтѣ братомъ ея составителя, Астрономомъ экспедиціи Де-ла-Кроеромъ, на мнѣнія котораго осо-

бенно указывала инструкція. Склоненные, вопреки своимъ личнымъ убѣжденіямъ, на слѣдованіе по этой картѣ, Берингъ и его офицеры, «единогласно» по свидѣтельству оффиціальному, хотя и «не единодушно» по свидѣтельствамъ другимъ—между прочимъ Миллера, имѣвшаго случай хорошо знать обстоятельства этого дѣла—рѣшили идти сперва къ юговостоку, по румбу SOtO, до широты 46°, гдѣ рисовалась означенная земля Жуана-де-Гама, и уже оттуда, буде не сыщется ея, слѣдовать на востокъ, склоняясь нѣсколько къ сѣверу, именно по румбу OtN.—Такое отклоненіе отъ прямаго, вѣроятнѣйшаго пути, необходимо должно было замедлить настоящее плаваніе; однакожъ—замѣтимъ напередъ—не совсѣмъ справедливо, только одному этому отклоненію, несчастные сопутники Беринга, впослѣдствіи приписывали всю неудачу похода ихъ: мы увидимъ далѣе, что и спустясь до назначенной широты 46°, много еще они имѣли времени и способовъ продолжать плаваніе къ востоку.

Какъ-бы ни было, но принявъ настоящее рѣшеніе, теперь оставалось только хорошо его выполнить. Срокомъ возвращенія въ Камчатку, назначенъ исходъ Сентября.

Берингъ взялъ съ собою Естествоиспытателя Штеллера, а Чириковъ Астронома Де-ла-

Кроера. Сдѣлавъ еще нѣкоторыя перемѣщенія въ командахъ—главныя изъ которыхъ показаны выше—имѣя теперь на пакетботѣ Св. Петръ всѣхъ чиновъ 77, а на пакетботѣ Св. Павелъ 75, провизіи на пять съ половиною мѣсяцевъ, воды по 100 бочекъ, дровъ по 16 саженъ, гребныхъ судовъ по два, рано утромъ 4-го Іюня, по отправленіи напутственнаго молебствія, съ тихимъ отъ юга вѣтромъ, они вступили подъ паруса (1).

Лучшая доля славы предъ всѣми другими, предстояла мореплавателямъ этого отряда—слава открытія материка! Большія всѣхъ другихъ надежды, должны были оживлять

(1) Для описанія настоящихъ плаваній, мы имѣли: донесенія Вакселя и Чирикова, и журналы, Берингова плаванія, веденные Вакселемъ, Юшинымъ и Хитровымъ (первые два въ копіяхъ, послѣдній въ оригиналѣ), всѣ между собою разнствующіе въ подробностяхъ, и Чирикова, веденный имъ самимъ и скрѣпленный Елагинымъ, его штурманомъ, очень отчетистый, въ двухъ копіяхъ. Нѣкоторыя частныя подробности, заимствованы отъ Штеллера и Миллера.

Счисленіе здѣсь гражданское, сутки съ полуночи, потому иногда однимъ днемъ разнствующее отъ показываемаго на картѣ, морскаго, сутки съ предшествующаго полдня. Мили Итальянскія, по $1\frac{3}{4}$ версты. Румбы правые; склоненіе компаса отъ $\frac{3}{4}$ до 2 R. O. Астрономическія опредѣленія, частію упомянуты въ текстѣ, и всѣ означены на приложенной картѣ путей, знакомъ δ.

ихъ! Но и величайшія бѣдствія предъ всѣми другими, пришлось претерпѣть имъ!...

Около полудни слѣдующихъ сутокъ, когда отошли отъ маячнаго (Вауа) мыса на 30 миль—приводимъ здѣсь нѣкоторыя техническія подробности этого плаванія, какъ живую характеристику отношеній обоихъ начальниковъ—Капитанъ Чириковъ, бывшій миляхъ въ пяти подъ вѣтромъ у Беринга, замѣтивъ, что тотъ держитъ курсъ южнѣе положеннаго, изъявилъ сигналомъ желаніе переговорить съ нимъ. Часа черезъ два Берингъ подошелъ къ Чирикову, оба обмѣнялись салютами (равными, по 5 выстрѣла), и Чириковъ, оговорясь, чрезъ Лейтенанта Чихачева, что самъ онъ, будучи подъ вѣтромъ, не могъ подойти, предложилъ совѣтъ, ближе держаться другъ къ другу, ибо «ежели такъ пойдемъ какъ нынѣ были межъ собою въ разстояніи, то хотя малый туманъ найдетъ, то можемъ скоро разлучиться, и потомъ въ исканіи другъ друга упустить не мало удобнаго времени,» и чтобы далѣе, такъ какъ вѣтръ способный (SW), и настоящее мѣсто на курсѣ, идти неуклоняясь отъ назначеннаго пути. Берингъ, въ отвѣтъ на это потребовалъ, сигналомъ, Лейтенанта съ пакетбота Чирикова; но Чириковъ приказалъ сказать, чтобъ доложили Капитанъ-Коман-

дору: «не изволитъ-ли приказъ отдать, ежели не зѣло важно, черезъ трубу, понеже для посылки Лейтенанта надлежитъ спускать ялботъ, и въ томъ нѣсколько упустится времени.» Съ флагманскаго судна отвѣчали на это: ежели имѣете что предложить Капитанъ-Командору, то прислать Лейтенанта, а не имѣете, то не надо. Чириковъ сказалъ, что ничего не имѣетъ, кромѣ сказаннаго—и оба судна, наполнивъ паруса, пошли далѣе.

Съ полудни 6-го Іюня, Берингъ приказалъ Чирикову слѣдовать напередъ, какъ будто отдавая преимущество его опытности и бдительности.

7-го, вѣтръ перешелъ къ сѣверу и засвѣжѣлъ; сдѣлалось весьма холодно. Продолжая плаваніе, оба пакетбота ещe два раза (9 и 10-го) сближались и переговаривали, то объ условіяхъ сигналовъ, то о счисленіи. Чириковъ былъ все впереди.

Послѣ полудни 12-го, когда находились въ шир. 46°, 9′, въ 688 миляхъ по направленію курса, и въ $14\frac{1}{2}$° разности долготы отъ Авачинской губы, съ флагманскаго судна объявили въ рупоръ, что «наступаетъ время, по опредѣленію Капитанъ-Командора и прочихъ экспедичныхъ офицеровъ и астрономіи профессора Делиль-де-ла-Кроера, перемѣнить намъ свой курсъ, и держать по правому компасу на румбъ

OtN.» Чириковъ и его офицеры согласились на это, и потому, въ 3-мъ часу по полудни, взяли настоящій курсъ. Вѣтръ былъ уже очень тихій.

Съ 14-го числа, вѣтръ задулъ прямо противный, отъ востока, свѣжій. Стали держать къ сѣверу, на правомъ галсѣ, и такъ лежали въ теченіи полуторыхъ сутокъ, до шир. 48°, Берингъ постоянно на вѣтрѣ у Чирикова, потому что качества его судна были гораздо лучшія. Чириковъ наконецъ спросилъ Беринга: до какой параллели онъ думаетъ держать на этомъ галсѣ? Берингъ отвѣчалъ, что безъ сигнала не поворотитъ, и черезъ два часа поворотилъ на лѣвый галсъ, къ югу; за нимъ поворотилъ и Чириковъ.

Въ слѣдующее утро, 15-го, вѣтръ отошелъ нѣсколько къ югу (SO), и потому снова легли на правый галсъ, къ сѣверо-востоку. Утромъ 18-го, уже Берингъ спрашивалъ Чирикова; «нынѣ де они уже близъ 49°, а мѣсто на опредѣленномъ отъ Авачи курсѣ въ параллели 46°, отъ насъ на SW (на югъ), то не надлежитъ ли намъ нынѣ поворотить на другой галсъ (къ югу)?» Но Чириковъ очень благоразумно отвѣчалъ на это, что при настоящемъ вѣтрѣ (югово-сточномъ), поворачивать не выгодно, потому что теперешній курсъ (NO$\frac{1}{2}$O) отъ настоя-

щаго (OtN) разнится только на $2\frac{1}{2}$ румба, а ежели поворотить, то будетъ отъ него разнствовать на $11\frac{1}{2}$ румбовъ ($SSW\frac{1}{2}W$), и что по его мнѣнію, надобно держать настоящимъ курсомъ, хотя бы до широты 53°. «На сіе намъ ничего не отвѣтствовано,» записано въ журналѣ Чирикова; а въ журналѣ Беринга (Юшина), въ которомъ не внесены эти подробности разговора, сказано: «Положили обще, держать себя межъ N и O, до благополучнаго вѣтра,» т. е. остались на томъ же галсѣ.

Такъ пролежали еще сутки, до шир. $49\frac{1}{2}°$, долг. $18\frac{1}{2}°$. Между тѣмъ вѣтръ свѣжѣлъ и заходилъ къ осту; потому, поутру 19-го, поворотили на лѣвый галсъ, и легли по SSW. Къ вечеру этого дня, уже закрѣпили марсели, и остались подъ одними нижними парусами, на румбѣ SWtS, Чириковъ миляхъ въ 8 подъ вѣтромъ. Къ утру слѣдующаго дня, Чириковъ ушелъ впередъ, и видѣлъ Беринга уже къ N, въ 10 миляхъ; но Берингъ не видѣлъ Чирикова, и считая себя на вѣтрѣ его, направился къ сѣверозападу. Такъ они разлучились, и потерявъ другъ друга, уже не встрѣчались болѣе.... (1)

(1) Штеллеръ говоритъ о признакахъ близкаго берега, замѣченныхъ когда подходили къ широтѣ 46°, и о берегѣ, будто-бы видѣнномъ на сѣверѣ при разлученіи судовъ. Въ журналахъ объ этомъ ничего нѣтъ.

Послѣдуемъ за каждымъ изъ нихъ, до окончанія ихъ странствій, и сперва за Берингомъ, какъ за начальникомъ, хотя Чириковъ ранѣе его увидѣлъ берегъ Америки, и ранѣе возвратился къ своимъ берегамъ.

Жестокій вѣтръ принудилъ Беринга еще цѣлыя сутки пролежать подъ нижними парусами, въ дрейфѣ; потомъ онъ снова направился въ ту сторону, въ которой предполагалъ мѣсто Чирикова, къ сѣверозападу, и дойдя до него, снова легъ въ дрейфъ. Пролежавъ еще сутки, и удалившись отъ мѣста разлученія къ югу на 36 миль—вѣтръ зашелъ отъ сѣвера—поутру 22-го, по консиліуму съ офицерами, рѣшились оставить дальнѣйшіе поиски, и взять курсъ—не настоящій, по OtN, какъ казалось бы слѣдовало, но прежній, къ югу, опять до параллели 46°, у которой уже были и ничего не видѣли. По видимому, Берингъ хотѣлъ буквально выполнить опредѣленіе консиліума, которымъ назначалось идти отъ Авачи на SOtO до шир. 46°, и уже оттуда на OtN. Этимъ терялось—и притомъ безъ видимой пользы—время, теперь надобное для поспѣшенія въ другую сторону. 24-го числа, вторично достигнувъ назначенной параллели, 46°, замѣтили здѣсь много птицъ, и потому продержали къ югу еще до шир. 45°, 16′,въ долготѣ отъ Авачи 16°, 23′. Въ

слѣдующій полдень, «видѣвъ (говоритъ Хитровъ), что нашимъ отдаленіемъ довольно *опорочена* неправость карты Делиль-де-ла-Кроера», стали держать, какъ и предполагалось, къ востоку, по румбу OtN. Однакожъ на третій день, 28-го, сочли нужнымъ подняться еще на одинъ румбъ, и держать по ONO, для того, чтобы придти на настоящій по консиліуму курсъ—OtN отъ шир. 46°, а не 45°, отъ которой его взяли. Сопровождаемые вѣтрами болѣе попутными, югозападными, иногда отклонявшимися къ юговостоку, съ погодою облачною и туманами, слѣдовали довольно постоянно по настоящему направленію, поднимаясь въ широтѣ и удаляясь по долготѣ. Съ 7-го Іюля по 9-е, были принуждены, восточнымъ вѣтромъ, подняться къ сѣверу, до шир. $51\frac{1}{2}°$, и отсюда слѣдовали опять наиболѣе со способными вѣтрами, но уже румбомъ выше назначеннаго, по NOtO, предполагая землю на сѣверѣ. Время отъ времени появлялись сомнительные признаки близкой земли—плавающія деревья и травы, птицы и морскіе звѣри; но глубина не накидывалась, даже и на 190 саженяхъ. Дачу воды уменьшили еще въ исходѣ прошлаго мѣсяца. Съ 12-го Іюля, остерегаясь внезапнаго подхода къ берегу, на ночь стали убирать паруса или ложиться въ дрейфъ. Минуло

пять недѣль съ выхода отъ Авачинской губы, и разность долготы отъ нея простиралась до $46\frac{1}{2}^{\circ}$, а береговъ все еще не было видно—до нихъ оставалось еще около 20° долготы. Вѣтръ стоялъ попутный, западный. Но уклоняясь и доселѣ отъ назначеннаго по начальному опредѣленію курса, OtN, къ сѣверу, въ чаяніи скорѣе приблизиться въ этой сторонѣ къ берегу, теперь находили себя уже и то очень много удалившимися къ востоку; потому, выставляя предлогомъ недостатокъ воды — которой однакожъ оставалось еще *половина*, по нуждѣ на полтора мѣсяца—13-го Іюля, отъ шир. $54\frac{1}{2}^{\circ}$, въ вышеозначенной долготѣ $46\frac{1}{2}^{\circ}$, по сдѣланному консиліуму, опредѣлили идти прямо къ сѣверу, по румбу NNO. Такимъ образомъ, направляя курсами нерѣшительно, кружа путемъ, и еще замедляя плаваніе несвоевременными предосторожностями, послѣ полутора-мѣсячнаго, впрочемъ благополучнаго плаванія, около полудни 16-го Іюля, когда находились въ шир. 58°, 14′ (обс.), долг. $49\frac{1}{2}^{\circ}$, наконецъ увидѣли на сѣверѣ высокую сопку и высокіе хребты горъ, покрытые снѣгомъ. Это была гора, названная потомъ именемъ Св. Иліи, одна изъ высочайшихъ на Американскомъ материкѣ. (17,850 ф.) Вѣтръ стоялъ противный,

сѣверный; потому, подвигаясь впередъ медленно, только утромъ 20-го подошли къ берегу, и остановились у южной оконечности острова, наименованнаго Св. Иліи, въ шир. 59°, 40′ (обс.) и долг. 48°, 50′—островъ Какъ новѣйшихъ описей, лежащій въ шир. 59°, 47′, долг. 56°, 44′—почти на *восемь* градусовъ восточнѣе счисленія (1).

«Всякій легко себѣ вообразитъ—говоритъ Штеллеръ—какъ велика была радость всѣхъ насъ, когда мы наконецъ увидѣли берегъ! Со всѣхъ сторонъ обратились съ поздравленіями къ Капитану, до котораго болѣе всѣхъ относилась честь открытія. Однакожъ Капитанъ, не только что весьма равнодушно выслушивалъ

(1) Положеніе острова по донесенію и журналу Вакселя; въ журналахъ: Юшина, шир. 59°, 27′, долг. 48°, 35′; Хитрова, шир. 59°, 39′, долг. 48°, 42′.

Долгота этого острова по новѣйшей картѣ (Кашеварова) 144°, 32′ W отъ Гр.; долгота Авачинской губы (средняя) 201°, 16′; разность 56°, 44′. За тѣмъ разность въ настоящемъ протяженіи:

56°, 44′
48, 50
7, 54

Столь великая разность въ счисленіи, не покажется удивительною, если принять въ соображеніе великость теченій, господствующихъ въ этомъ морѣ, простирающихся до 20 миль въ сутки, и совершенную невозможность астрономическаго опредѣленія долготы на морѣ въ ту эпоху. Доказательства,

эти поздравленія, но, разсматривая берегъ, даже сталъ пожимать плечами.... Находясь потомъ въ каютѣ, со мною и съ Плениснеромъ, онъ такъ выразился: «Мы теперь воображаемъ, что все открыли, и строимъ воздушные замки; а никто не думаетъ о томъ, гдѣ мы нашли этотъ берегъ? Какъ еще далеко намъ до дому? Что еще можетъ съ нами случиться? Почему знать, не будемъ ли мы задержаны здѣсь пассатными вѣтрами? А берегъ намъ незнакомый, чужой, провіанта на прозимовку не хватитъ!...» Таково было расположеніе духа начальника, видимо ослабѣвавшаго подъ тяжестью постоянно испытываемыхъ имъ неудачъ!—Открытый берегъ былъ

что мѣсто этой первой пристачи Беринга было именно о. Каякъ, заключаются: въ сходствѣ широты его съ настоящею; въ согласіи съ его положеніемъ подходнаго къ нему и отходнаго отъ него плаванія Беринга; въ тождественности описанія его съ позднѣйшимъ описаніемъ Кука; наконецъ, въ прилагаемомъ здѣсь снимкѣ его, съ журнала Хитрова, не примѣнимымъ ни одному изъ другихъ острововъ этого края, кромѣ Каяка. Кукъ и Ванкуверъ, мѣсто пристачи полагали въ заливѣ Якутатъ, названномъ ими же Беринговымъ, 10° восточнѣе настоящаго мѣста; Адм.-Коллегія, въ 1787 г., считала его у о. Цукли, 3° западнѣе. Но уже Сарычевъ, разбиравшій журналы Беринга, указывалъ на Каякъ, какъ на мѣсто пристачи его, и только ошибся въ названіи мыса Св. Иліи, поставленнаго имъ у оконечности ближняго материка, Куковъ Suckling.

конечно, довольно отдаленный, въ широтѣ порядочно сѣверной, и по видимому не богатый; но тѣмъ не менѣе, открытіе его дѣлало великую честь, и еще не было никакого повода къ отчаянію на возвратный походъ.

Посыланные на островъ, для осмотра его и отысканія гавани, нашли на немъ земляную юрту, въ ней копченую рыбу, деревянное огниво, ломанныя стрѣлы, остатки огня и слѣды человѣческіе; а на одномъ изъ сосѣднихъ, къ сѣверу лежащихъ островковъ, деревянный балаганъ, съ каменкою вмѣсто печи, лукошко и лопату деревянныя, нѣсколько раковинъ и камень, на которомъ, по видимому, обтирали мѣдь—тоже признаки пребыванія человѣка. Лѣсу было довольно на всѣхъ островахъ, но годнаго на рангоутъ (для марса-реи именно) не сыскали; матерой берегъ виднѣлся далеко, миляхъ въ осьми на сѣверѣ, гористый, съ вершинами покрытыми снѣгомъ. Закрытое для стоянки мѣсто, нашли по сѣверную сторону большаго острова. Между тѣмъ, поспѣшно наливались водою.

Рано утромъ на другой день, 21-го Іюля, Берингъ, противъ своего обыкновенія выходить на верхъ рано, вышелъ и приказалъ поднимать якорь. Хотя ему представляли офицеры, что еще не всѣ бочки налиты во-

дою, и хотя казалось, что такое важное рѣшеніе, каково скорое оставленіе только что открытаго, такъ долго искомаго берега, не должно было сдѣлаться безъ созванія совѣта, прежде созывавшагося въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, Берингъ, опасаясь оставаться на якорѣ у открытаго берега, и не желая затягиваться вдаль, торопясь возвратомъ, и отклоняясь отъ противурѣчій, рѣшился на себя одного принять отвѣтственность въ этомъ распоряженіи, убѣжденный въ совершенной необходимости его. Дѣйствительно, какъ ни хотѣлось ревностному Штеллеру ближе познакомиться съ открытыми берегами, довольно позднее по отдаленности отъ своего порта время, и порядочно сѣверная широта мѣста (на равнѣ съ С. Петербургомъ), притомъ необходимость осмотрѣть продолженіе этого берега къ западу, заставляли торопиться возвратомъ. Настоящее рѣшеніе доказываетъ, между прочимъ, что не смотря на опредѣляемые закономъ консиліумы, начальникъ, когда хотѣлъ, могъ поступать по своему произволу. Торопливость Беринга, въ настоящемъ случаѣ, была однакоже столь велика, что онъ оставилъ не налитыми водою четвертую часть бочекъ, до 30 (налито 35, «нынѣ имѣется 70» записано въ журналѣ)—обстоятельство,

впослѣдствіи очень много способствовавшее бѣдствіямъ.

Сдѣлавъ около 15 миль къ западу и до 25 къ югозападу, въ виду береговъ, съ вечера тогоже дня, имѣя крѣпкій восточный вѣтръ и землю подъ вѣтромъ, стали придерживать къ юговостоку, сколько это позволялъ вѣтръ, и двои сутокъ лежали по SSW. Погода была пасмурная и шелъ дождь. Берега скрылись, но глубину постоянно накидывали на 40 и 50 саженяхъ. 25-го числа, опредѣлили въ консиліумѣ офицеровъ: пока продолжится такая мрачная погода, слѣдовать, сколько позволитъ вѣтръ, малымъ ходомъ, по югозападу, въ направленіи къ Петропавловской гавани, а ежели погода сдѣлается ясною, и вѣтръ способный, то идти между сѣвера и запада, для обстоятельнѣйшаго осмотра открытаго материка. Продолжая плаваніе къ югозападу, въ слѣдующее утро, 26-го, въ широтѣ около $56\frac{1}{2}^{\circ}$, опять видѣли на сѣверѣ, миляхъ въ 16 разстоянія, высокую землю—вѣроятно о. Кадьякъ—принятую за продолженіе оставленнаго материка, и безпрестанно накидывая глубину, даже на 25 саженяхъ, «весьма опасны были—говоритъ въ своемъ донесеніи Ваксель—держать себя близъ земли, частыхъ ради банковъ и безпрестанныхъ густыхъ тумановъ

и жестокихъ вѣтровъ, къ томуже и отъ неизвѣстнаго берега бывали неоднократно въ великихъ страхахъ и въ отчаяніи спасенія себя.» 27-го, вѣтръ, не утихая, отошелъ къ югу, и позволилъ пролежать на востокъ нѣсколько, чѣмъ отдалились отъ малыхъ глубинъ прибрежья, и потомъ снова направились къ югозападу. 31-го, наконецъ стихло и прояснѣло. Обсервовавъ широту въ 54°,49′ (по другимъ 55°, 3′), пошли, какъ опредѣлялъ консиліумъ, для осмотра оставленнаго берега, къ сѣверозападу, и въ ночи на 2-е Августа, окруженные глубокимъ туманомъ, вдругъ увидѣли передъ собою землю, отъ которой едва успѣли отворотить и стать подлѣ нея на якорь.

Открытая такимъ образомъ земля, былъ островъ, наименованный *Архидіакона Стефана*, во имя святаго этого дня, прозванный еще, по обстоятельству открытія, *Туманнымъ*, нынѣ извѣстный подъ собственнымъ его именемъ «Укамокъ,» а по прозванію Ванкувера «Чириковъ.» Счислимая широта —очень близкая къ истинной—была 55°,48′. Пройдя отсюда нѣсколько къ сѣверозападу, видѣли матерой берегъ—высокую сопку, и на другой день, откры ли группу изъ пяти небольшихъ каменныхъ островковъ, именованныхъ *Евдокеевскими*. Убѣдившись въ

продолженіи материка до настоящаго мѣста, и не рѣшаясь, въ такую туманную погоду, продолжать изслѣдованія къ западу, стали держать къ югу, все еще съ восточнымъ, измѣнчивымъ въ силѣ, но уже болѣе тихимъ вѣтромъ, и видѣли здѣсь плавающихъ бобровъ, сіучей и котовъ. Съ 7-го числа, началъ устанавливаться роковой югозападный вѣтръ, сначала тихій, потомъ постепенно свѣжѣвшій, измѣнявшійся въ западный и сѣверозападный. 10-го числа, когда находились на параллели 53°, въ долготѣ оставленныхъ острововъ, по консиліуму съ оберъ—и уже съ унтеръ-офицерами, сдѣлали такого рода рѣшеніе: такъ какъ при отправленіи изъ Камчатки, было положено возвратиться къ концу Сентября, а теперь уже близко половины Августа, и Петропавловская гавань отстоитъ еще на 1600 миль, притомъ въ командѣ уже 26 человѣкъ больныхъ цынгою, то, оставляя намѣреніе обзора сысканнаго Американскаго берега, слѣдовать по настоящей параллели, на которой лежитъ Петропавловская гавань, на западъ, къ Камчаткѣ. Вѣтръ, теперь установившійся отъ запада, прямо въ лобъ, большею частію дулъ очень свѣжо, нерѣдко крѣпчая до настоящаго шторма; погода, стояла облачная и пасмурная. По 27-е Августа, едва могли по-

даться на 8 или на 9° долготы, въ той же широтѣ $53\frac{1}{2}°$, и до Петропавловской гавани считали еще болѣе 1200 миль, а воды уже оставалось только 25 бочекъ, четверть всего запаса. По этому—надо полагать, что въ наливкѣ и раздачѣ воды былъ большой безпорядокъ—необходимость заставила снова искать какого нибудь ближайшаго берега, и какъ полагали его еще продолжающимся на сѣверѣ, то опредѣлили, въ консиліумѣ офицеровъ, держать отсюда къ сѣверу. Поднявшись на $1\frac{1}{2}°$, на третій день, дѣйствительно увидѣли множество острововъ и за ними вдали матерой берегъ. 30-го числа, стали на якорь въ этой группѣ, названной *Шумагинскою*, по имени скончавшагося на другой день и похороненнаго здѣсь матроса Шумагина—первый изъ множества людей этого несчастливаго судна, погибшихъ впослѣдствіи. Шир. 54°, 48′, близкая къ истинной; долг. $35\frac{1}{2}°$, на $6\frac{1}{2}°$ менѣе настоящей, около 42°. Берингъ былъ уже очень болѣнъ, и не выходилъ изъ каюты. Здѣсь простояли шесть дней, наливаясь водою, которой налили 52 бочки—очень дурной, по словамъ Штеллера, взятой изъ первой попавшейся лужи, хотя нѣсколько далѣе была вода чистая—и задерживаемые потомъ противнымъ къ выходу южнымъ вѣтромъ. Замѣтивъ огонь на одномъ

островѣ, послали для осмотра его Мастера Хитрова, на маломъ гребномъ суднѣ; выброшенный бурунами на берегъ, онъ пробылъ тамъ трое сутокъ, не видѣвъ впрочемъ ничего, кромѣ пепелища. Потомъ пріѣзжали къ боту, на двухъ байдаркахъ, Американцы, сами не пристававшіе къ судну, но крикомъ изнаками призывавшіе на берегъ, которымъ дано нѣсколько подарковъ, и отъ нихъ получены двѣ какія-то палочки съ перьями. Лейтенантъ Вакссль, поѣхавшій за ними на берегъ, выслалъ къ нимъ толмача для переговоровъ, и они хотѣли было задержать его, даже приступили къ овладѣнію шлюпкою; но сдѣланные выстрѣлы, перепугавъ ихъ, заставили отступиться. На другой день, пріѣзжали Американцы къ пакетботу на семи байдаркахъ, приставали къ самому борту, «не имѣвъ никакого страху,» однакожъ не выходили на палубу, и въ замѣнъ подаренныхъ имъ вещей, дали двѣ, сдѣланныя изъ корки шляпы, съ костяною статуйкою на одной.

«Всѣ оные острова безлѣсные и пустые—говоритъ Вакссль въ его донесеніи—и видно, что тѣ Американцы пріѣхали на своихъ байдарахъ къ симъ островамъ съ матераго берега, для промыслу морскихъ звѣрей и рыбы; а какимъ подобіемъ Американцы и ихъ изъ нерпичьей кожи сдѣланныя байдары, о

томъ значится въ нарисованной отъ меня картѣ» (1).

По описанію Штеллера, видѣнные Американцы были довольно рослые, плотные, широкоплечіе и короткошеіи, но вообще порядочно сложенные; лицами смуглые, съ носами приплюснутыми и губами толстыми, съ черными какъ смоль глазами и черными же, висящими съ головы волосами, съ бородами рѣдкими и безъ бородъ; въ разныхъ частяхъ лица были у нихъ проткнуты длинныя косточки и вставлены камешки. На всѣхъ долгія, изъ китовыхъ кишокъ сшитыя рубахи, съ рукавами, подпоясанныя и неподпоясанныя; на нѣкоторыхъ брюки и сапоги изъ тюленьей кожи; шляпы изъ сіучей, съ перьями. У двоихъ были ножи....

6-го Сентября, снялись отсюда, и отойдя нѣсколько къ югу, снова направились къ Камчаткѣ, на западъ. Вѣтръ, по прежнему, стоялъ болѣе западный, крѣпкій, съ небольшими и рѣдкими измѣненіями; погода почти непрестанно пасмурная. Подаваясь впередъ трудно и медленно, 24-го Сентября, когда находились въ шир. около 51°, въ разности долготы отъ Шумагинскихъ острововъ до

(1) Карта эта дошла до насъ въ копіи (Арх. Гид. Деп. № 1940); на ней еще нарисованы морскіе коты, сіучи и коровы.

14°, и считали себя въ 21½° отъ Петропавловской гавани, видѣли къ сѣверу нѣсколько острововъ, и за ними высокую, снѣгомъ покрытую гору, которую считали на материомъ берегу. Это были Алеутскіе острова, около о. Атха; видѣнную гору наименовали, въ память святаго этого дня, *Св. Іоанномъ*.

Между тѣмъ вѣтръ все усиливался, почти неизмѣнно установившись теперь отъ запада, и бывали такіе сильные штормы, какихъ не могли запомнить самые старые мореплаватели, изъ каковыхъ былъ Штурманъ Эзельбергъ. Въ теченіи слѣдующихъ семнадцати дней, съ 25-го Сентября по 11-е Октября, почти постоянно оставаясь подъ малыми нижними парусами, стакселями и рифленными триселями, были отнесены къ востоку на цѣлые пять грудусовъ, къ широтѣ 48°. Погода стояла пасмурная и холодная, часто съ проливнымъ дождемъ и градомъ; волны переливались черезъ палубу; ванты начали лопаться; команда была изнурена и обезсилѣна, больныхъ до двадцати человѣкъ. «Никакое краснорѣчивое перо не въ состояніи было-бы описать нашихъ крайнихъ бѣдствій» замѣчаетъ Штеллеръ. Стали говорить о возвращеніи въ Америку. Берингъ предложилъ сдѣлать пожертвованія на церковь—Русскимъ въ Петропавловской

гавани, Лютеранамъ въ Выборгѣ, городѣ почему-то ему родственномъ. 11-го, стало наконецъ стихать, и въ полдень опредѣлили широту въ 48°, 15′, считая себя отъ Авачи въ 27°. Въ слѣдующіе за этимъ дни, вѣтръ все еще болѣе западный, но уже не столько жестокій, и нерѣдко измѣнявшійся въ попутный, позволилъ подвинуться впередъ, къ 22 числу, на 10° долготы, въ параллели около $49\frac{1}{2}$°. Отсюда, снова угрожаемые недостаткомъ воды, которой оставалось только 15 бочекъ, и то поврежденныхъ частію, опредѣлили, по совѣту со всѣми оберъ-и унтеръ-офицерами, слѣдовать опять къ сѣверу, къ предполагавшемуся тамъ продолженію Американскаго материка. Вѣтръ однакоже былъ противный, сѣверозападный, и потому, продержавшись въ назначенномъ направленіи только шесть часовъ, опять поворотили на югозападъ. Въ ночи на 23-е совсѣмъ стихло, и съ утра, къ общей радости, подулъ вѣтръ отъ юговостока, свѣжій; пошли къ западу по 5 и даже по $7\frac{1}{2}$ миль въ часъ. Но въ слѣдующія сутки, 24-го, вѣтръ опять перешелъ къ сѣверу, потомъ къ сѣверозападу и югозападу, крѣпкій, и пошелъ большой снѣгъ. 25-го Октября, въ широтѣ около 51°, видѣли на сѣверѣ островъ, названный именемъ *Св. Маркіана* (нынѣ Амчитка); 28-го, въ широ-

тѣ около 52°, другой островъ, *Св. Стефана*, (Киска); 29-го, въ широтѣ около $52\frac{1}{2}$°, еще одинъ, *Св. Авраамія* (Семичь); 30-го, нѣкоторымъ казалось видѣли къ сѣверу еще два острова, по мнѣнію Штеллера первые Курильскіе!!— чего не записано въ журналы, однакожъ на картѣ показана какая то здѣсь земля. Принуждаемые теперь, югозападнымъ вѣтромъ, держать наиболѣе къ сѣверу, 1-го Ноября, въ шир. около 54°, получили восточный вѣтръ, и направляясь съ нимъ къ западу, 4-го, въ счислимой широтѣ 53°, 30′—обсервованная, оказалась цѣлымъ градусамъ сѣвернѣе—увидѣли впереди, миляхъ въ 16 разстоянія, высокую землю....

Счисленіе было уже почти потеряно, по крайней мѣрѣ значительно рознилось; судно почти безъ правленія. Начальникъ больной, давно невыходящій изъ каюты; офицеры несогласные и едва перемогавшіеся; команда изнуренная и опынжавшая—умирающіе каждый день, даже по двое на день. Вооруженіе ослабленное, паруса обветшалые. Ни сухарей, ни вина, и воды весьма мало. Сырость и холодъ. Сомнѣніе, безнадежность и ужасъ, почти неминуемо предстоявшей гибели....

«Не возможно описать—говоритъ Штеллеръ—какъ велика была радость всѣхъ насъ, когда мы увидѣли этотъ берегъ! Умирающіе

выползали на верхъ, чтобы увидѣть его собственными глазами, и каждый сердечно благодарилъ Бога, за его великую милость къ намъ. Даже больной Капитанъ-Командоръ вышелъ на верхъ. Всѣ освѣдомлялись о здоровьѣ другъ у друга, всѣ изъявляли надежды на отдыхъ и успокоеніе. Нашли даже спрятанный гдѣ-то боченокъ съ водкою, которымъ еще болѣе усилили общую радость.... Открывшаяся земля казалась Камчаткою!...»

Хотя по счисленію, Авачинская губа еще отстояла, по однимъ на 40 миль, по другимъ на $2\frac{1}{2}^{\circ}$ разности долготы, и хотя полуденная обсервація показала мѣсто цѣлымъ градусомъ выше ея (54°, 30′); но тѣмъ не менѣе почти всѣ были убѣждены, что увидѣнный берегъ, если не самая Авача, по крайней мѣрѣ Камчатка, можетъ быть гдѣ нибудь между Шипунскимъ и Кроноцкимъ мысами. Приведя къ югу, чтобы обойти видимый впереди мысъ, къ которому между тѣмъ приблизились, къ ночи, не обойдя его, опять привели къ сѣверу, и закрѣпили оба, уже зарифленные марселя—такъ былъ жестокъ вѣтръ, дувшій теперь отъ сѣверовостока!

За безпокойною и бурною ночью, день наступилъ прекраснѣйшій, и вѣтръ совсѣмъ затихъ. Но въ теченіи ночи, ванты были уже окончательно перебиты и парусовъ не могли

держать. Тогда собрались въ каютѣ у Беринга на послѣдній консиліумъ—на мірскую сходку—всѣ, кто только могъ дотащиться до его каюты, офицеры и нижніе чины, и положили съ обща, «для спасенія себя,» идти немедленно къ видимому берегу, какой бы это ни былъ берегъ, есть ли у него или нѣтъ пристанище. Штеллеръ утверждаетъ, что Берингъ колебался дать такое гибельное рѣшеніе, полагая еще возможнымъ попытать отысканіе гавани, поддерживаемый въ этомъ Овцынымъ; но убѣжденіе офицеровъ, Вакселя и Хитрова, взяло верхъ. Сопутствуемые теперь тихимъ попутнымъ вѣтромъ, передъ заходомъ солнца, въ 5-мъ часу послѣ полудни, бросили якорь у совершенно открытаго, каменистаго берега, въ разстояніи отъ него около одной версты, на глубинѣ 12 саженъ. Но перепрѣлый канатъ лопнулъ, буруны подхватили судно, и вздымая и ударяя о грунтъ, быстро понесли къ берегу. Бросили другой якорь—его оторвало тотчасъ же; въ торопяхъ хотѣли и послѣдній бросить; но въ то время буруны перекинули судно черезъ груду камней, и—чуднымъ счастіемъ—оно было поставлено на совершенно спокойную воду, между грядою камней и берега, въ полуверстѣ отъ него, на глубинѣ $4\frac{1}{2}$ саженъ. Тихая и лунная ночь

заключила четырехъ-мѣсячное, бурное плаваніе....

Это было у острова, названнаго впослѣдствіи именемъ несчастливаго начальника экспедиціи, *Беринговымъ*, и вмѣстѣ съ сосѣднимъ ему островомъ, *Командорскими*—на *два* градуса сѣвернѣе, и на *восемь* градусовъ восточнѣе Авачинской губы Камчатки.

Оставляя разсказъ о дальнѣйшихъ ихъ бѣдствіяхъ, обращаемся теперь къ Чирикову.

Разлученный съ своимъ товарищемъ, Чириковъ также цѣлыя сутки пролежалъ въ дрейфѣ, и потомъ, считая Беринга отъ себя въ сѣверѣ, но имѣя теперь прямо противный вѣтръ, NNO, легъ на правый галсъ, къ юговостоку, слѣдственно въ другую отъ Беринга сторону. Отдалившись такимъ образомъ на два градуса долготы къ востоку—вѣтръ между тѣмъ отходилъ—поутру 23-го числа, съ шир. около 48°, долг. 20°, по консиліуму съ своими офицерами, онъ рѣшился оставить дальнѣйшіе поиски, и взять настоящій курсъ—не къ параллели 46°, какъ это сдѣлалъ Берингъ, а прямо на востокъ, какимъ курсомъ слѣдовали предъ разлученіемъ, и какимъ, по всей вѣроятности, надлежало теперь слѣдовать.

Сопровождаемый, также какъ и Берингъ, умѣреннымъ и попутнымъ, наиболѣе югозападнымъ вѣтромъ, тоже съ погодою поч-

ти непрестанно облачною и туманною, онъ неуклонно держалъ все по одному направленію, именно по $ONO\frac{1}{2}O$ (въ первые дни спустившись нѣсколько ниже назначеннаго, на $OtS\frac{3}{4}O$ и $OtN\frac{1}{4}O$, теперь поднимаясь полурумбомъ выше), и быстро переходя долготы, медленно измѣнялъ направленіе паралели. Изрѣдка заходилъ или затихалъ вѣтръ, но вскорѣ опять становился попутнымъ. Съ 11-го Іюля, отъ долг. 52°, уже стали показываться признаки близкой земли—плавающія деревья, тюлени, чайки и береговыя утки. Не уменьшая ходу, а только накидывая лотъ, въ третьемъ часу ночи на 15-е Іюля,—полторы сутки ранѣе открытія Беринга—находясь въ шир. 55°, 21′, долг. 61°, 55′, увидѣли впереди землю—«высокія горы и лѣсъ,» которую признали «подлинною Америкою.» Это былъ мысъ, между мысовъ Аддингтона и Варѳоломея, на старинныхъ картахъ называвшійся именно Чириковымъ, лежащій въ той же почти широтѣ, но на *пять съ половиною* градусовъ восточнѣе (1).

(1) Широта, повѣренная въ тотъ же день полуденною, не имѣетъ сомнѣнія. Разность въ долготѣ, по новѣйшей картѣ (Кашеварова) 5°, 39′, именно:

Долг. мыса	226°	18′	О отъ Гр.
— Авачи	158,	44	О — —
Разность	67,	34	
Счислимая	61,	55	
Разность	5,	39.	

День наступилъ тихій и ясный. Берегъ былъ видѣнъ миляхъ въ трехъ разстоянія; глубины до 60 саж.; около судна летало множество разнородныхъ утокъ. Въ полдень заштилевали, и обсервовавъ широту 55°, 41′, послали на берегъ шлюпку, осмотрѣть нѣтъ ли пристанища. Но пристанища не нашлось, и потому, отойдя нѣсколько къ западу, на ночь опять легли къ сѣверозападу, вдоль берега. Вѣтръ установился тогда отъ востока, крѣпкій, дождь и пасмурность. Берега, то скрывались, то открывались вновь, на востокѣ и сѣверѣ, миляхъ въ 3 и 5 разстояніи, все тѣже высокіе, гористые, поросшіе лѣсомъ берега. Послѣ полудни 17-го, въ шир. 57°, 50′, показалось, увидѣли заливъ, и для осмотра его посланъ Штурманъ Дементьевъ, на ботѣ, съ десятью вооруженными людьми. Нетерпѣливо ожидая возвращенія его, оставались на этомъ мѣстѣ подъ малыми парусами, цѣлую недѣлю, все съ тою же пасмурною погодою и восточнымъ вѣтромъ. Но посланные не возвращались. Около полудни 23-го, былъ замѣченъ огонь на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ присталъ ботъ, и потому, по совѣту съ оберъ и унтеръ-офицерами, рѣшили послать туда, на маленькой лодкѣ, боцмана Савельева, съ однимъ матросомъ, плотникомъ и конопатчикомъ, на слу-

чай какихъ либо исправленій, и съ провизіею. Видѣли какъ они пристали къ берегу, но ни условленнаго сигнала не было, ни возвращенія не послѣдовало. Держась съ пакетботомъ такъ близко къ берегу, что иногда буруны захватывали, но не находя у него для себя никакого пристанища, на другой день увидѣли ѣхавшія къ нимъ двѣ лодки, принятыя въ началѣ за свои, съ одной изъ которыхъ, въ довольно далекомъ разстояніи, люди кричали *агай! агай!* и махали руками; но обѣ онѣ воротились. Убѣдившись теперь въ погибели посланныхъ на берегъ, продержались на томъ же мѣстѣ еще до вечера, потомъ отошли въ море, и снова направились къ сѣверозападу, въ виду береговъ (1). Потеря двухъ гребныхъ судовъ—всего что имѣли—лишала возможности, съ отчетливостію производить обозрѣніе бере-

(1) Объ оставленномъ на берегу Штурманѣ Абрамѣ Михайловичѣ Дементьевѣ, Миллеръ, въ его Lettres d'un officier de la marine Russien, пишетъ, что это былъ «человѣкъ хорошей фамиліи, молодой, прекрасный, добродѣтельный, опытный въ своемъ ремеслѣ и ревностный къ службѣ отечества.»—Намъ извѣстенъ цѣлый романъ его любви въ Охотскѣ, кончившійся впрочемъ весьма несчастливо.

У боцмана Савельева оставались жена и дѣти; имъ было выдано, опредѣленное по закону, сиротское жалованье, 19 руб. 80 коп.

га и запасаться водою, а воды оставалось менѣе половины—только 45 бочекъ; потому, въ полдень 26-го, чрезъ *одиннадцать* дней съ открытія берега, находясь въ шир. 58°, 21′, въ удаленіи отъ меридіана перваго открытія на 5° къ западу, по консиліуму съ офицерами, рѣшили возвратиться въ Камчатку. «И еслибъ не учинилось объявленнаго несчастія—пишетъ Чирнковъ—то бъ еще довольное время путь продолжать могли.»

Опредѣливъ теперь давать воду «умѣренно,» и приказавъ собирать дождевую, онъ направился къ западу. Вѣтръ, покамѣсть, былъ не совсѣмъ попутный, однакожъ способный, отъ юга, между SO и SW, измѣнявшійся въ силѣ; погода болѣе пасмурная. Удалившись на 16° долготы отъ меридіана перваго открытія, въ шир. 58°, 46′, послѣ полудни 31-го Іюля, видѣли къ сѣверу, миляхъ въ 18 разстоянія, берегъ—«горы высокія, покрытыя снѣгомъ,» простирающійся къ западу. Встрѣченные противнымъ, западнымъ вѣтромъ, съ пасмурностію и туманомъ, направились отсюда къ югу, и въ полдень 2-го Августа видѣли продолженіе того же берега на западѣ, въ шир. 58°, 24′. Это былъ тотъ самый берегъ, который открытъ Берингомъ, за десять дней прежде, и который, безошибочно, признали за продолженіе

оставленнаго Американскаго. Глубину накидывали, и замѣчали много береговыхъ птицъ, еще градуса на два широты къ югу, но за туманами береговъ не могли видѣть. Вѣтръ устанавливался теперь, также какъ и Берингу въ эту пору, западный, сначала тихій, но потомъ свѣжій большею частію, не рѣдко штормъ. Продолжая плаваніе по способности вѣтра, съ половины Августа, когда проходили по широтамъ $51\frac{1}{2}$—$52\frac{1}{2}^{\circ}$, въ долготахъ 23°-31° отъ меридіана открытія — будучи противъ Аляски и прилежащихъ къ ней острововъ—снова замѣчали береговыхъ птицъ, морскихъ звѣрей и плавающую трабу. Поутру 4-го Сентября, въ шир. $52\frac{1}{2}^{\circ}$, разности долготы около 41°, увидѣли на сѣверѣ, вдалекѣ, высокую землю—надо полагать островъ Уналашку—которая скрылась вскорѣ. Два дни спустя, получили попутный, свѣжій вѣтръ, и вечеромъ 8-го, подавшись еще на 10° къ западу, находясь въ шир. $51\frac{1}{2}^{\circ}$, заштилѣвъ внезапно, окруженные непроницаемымъ туманомъ, вдругъ услышали буруны, и накинули глубину только на 28 саженяхъ. Едва успѣвъ задержаться на якорѣ, на другое утро, когда прочистилось, увидѣли себя чудно занесенными въ тѣсную бухту, шириною не болѣе версты, у берега высокаго и утесистаго, густо поросшаго травою, но

совершенно безлѣснаго—вѣроятно островъ Адахъ, одинъ изъ Андреяновскихъ-Алеутскихъ. Поутру подъѣзжали къ нимъ Алеуты, на семи байдаркахъ, по одному въ каждой, и сначала казалось «шаманили,» т. е. кривлялись и кричали, какъ будто заклинаясь отъ злаго духа, а потомъ стали разговаривать обыкновеннымъ образомъ, и, не понимая другъ друга, знаками. Равнодушные къ показываемымъ имъ бездѣлкамъ, обыкновенно привлекающимъ дикихъ, они не принимали ничего изъ предлагаемаго, но просили *ножей!*.... Привлеченные къ самому борту, никакъ не хотѣли выходить на палубу. Нѣсколько человѣкъ привезли съ берегу свѣжей воды въ пузыряхъ, но выпросивъ за одинъ пузырь ножикъ, не отдали его, выпрашивая еще по ножу на каждаго человѣка. «Собою они мужики рослые—записано въ журналѣ Чирикова—лицемъ похожи на Татаръ, видомъ блѣдны, а знатно что здоровы, бородъ почти у нихъ нѣтъ, отъ природы или выщипываютъ; только двухъ или трехъ человѣкъ видѣли съ бородами короткими. Въ носахъ имѣютъ коренья воткнутые, отъ чего у нихъ и кровь текла.... На головѣ у себя они имѣютъ, вмѣсто шляпъ, сдѣланные изъ березовыхъ тонкихъ досокъ колобки, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы,

а у нѣкоторыхъ привязаны костяныя штатурки.» Потомъ пріѣзжали Алеуты на четырнадцати байдаркахъ, и пробыли у судна часа четыре, но тоже не соглашались взойти на палубу. Между тѣмъ, подулъ способный вѣтерокъ къ выходу, и вечеромъ того же дня вышли отсюда, хотя и «съ великимъ страхомъ,» принужденные при съемкѣ отрубить якорь. 21-го Сентября, будучи въ шир. 52°, 56′, считая себя отъ Авачинской губы уже только въ 31°, еще увидѣли, по направленію курса, берегъ, оставленный тоже въ сѣверѣ —крайній изъ Алеутскихъ острововъ, Атту. Вблизи видѣли, въ разное время, бобровъ, каковыхъ нигдѣ не встрѣчали доселѣ, съ самаго выхода изъ Камчатки. Чириковъ полагалъ, что видѣнныя имъ земли, 4, 9 и 21-го Сентября, части того же Американскаго материка, который открытъ на востокѣ, подъ 55° широты, утверждаясь въ этомъ на встрѣчавшихся ему на всемъ этомъ пути признакахъ близости земли, увеличивавшихся по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, и уменьшавшихся по удаленіи къ югу.

Между тѣмъ, дачу воды сокращали все болѣе и болѣе. Съ 21-го Августа, опредѣлили варить только черезъ два дни обыкновенныя двѣ каши, а въ прочіе по одной, и для питья воду давать мѣрою; но въ за-

мѣнъ того, назначена лишняя чарка водки. Потомъ стали только черезъ день варить одну кашу, питаясь въ остальное время сухарями и масломъ, и иногда отваривая солонину въ морской водѣ. Съ 14-го Сентября, когда оставалось уже только 12 бочекъ средней и малой руки, стали варить кашу по одному разу въ недѣлю, и получали въ день по 5 чарокъ воды; но въ подкрѣпленіе, сверхъ регламентной чарки водки, давалось еще по двѣ. Порядокъ и экономія, были соблюдаемы бдительно. Команда, однакожъ, была изнурена безпрерывными трудами, лишеніями, холодомъ и сыростію; открылась цынга. Уже 16-го Сентября, самъ Чириковъ, Лейтенантъ Чихачевъ и почти всѣ служители, были очень больны; но еще и трудились.... Одинъ человѣкъ умеръ. Съ 21-го Сентября, Чириковъ уже не могъ выходить на верхъ, продолжая однакожъ отдавать приказанія. Заболѣлъ еще Плаутингъ. Судномъ управлялъ, «почти несходно,» одинъ Штурманъ Елагинъ, тоже весьма больной. 26-го, умеръ Подконстапель Кальчиковъ; 6-го Октября, Лейтенантъ Чихачевъ и одинъ матросъ; 8-го, Лейтенантъ Плаутингъ. Паруса рвались и ванты лопались; воды оставалось очень мало; управлять судномъ было почти нѣкому. Еще 2-го Октября, по счисленію, миновали меридіанъ

Авачинской губы, и слѣдуя съ боковыми вѣтрами, довольно быстро, были уже въ долготѣ 11° къ западу отъ искомаго порта, однакожъ точно на широтѣ его, когда, поутру 8-го Октября, наконецъ увидѣли жеданный берегъ, именно Авачу. Задерживаемые теперь тихимъ противнымъ вѣтромъ, вошли въ нее только вечеромъ слѣдующихъ сутокъ, и поутру 10-го, не имѣя своихъ гребныхъ судовъ, пушечнымъ выстрѣломъ потребовали пособія съ берега. Въ тоже утро скончался, только что приготовившійся къ отправленію на берегъ, Астрономъ Делиль Де-ла-Кроеръ, доселѣ поддерживавшій въ себѣ бодрость употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Въ полдень уѣхалъ Чириковъ, весьма больной.

И такъ, открывъ Американскій берегъ, *полуторали* сутками ранѣе Беринга, въ долготѣ *одиннадцатью* градусами далѣе; осмотрѣвъ его на протяженіи *трехъ* градусовъ къ сѣверу, и оставя *пятью* днями позже; Чириковъ возвратился въ Камчатку—*восемь* градусовъ западнѣе Берингова пристанища—цѣлымъ *мѣсяцемъ* ранѣе; сдѣлавъ тѣже на пути открытія Алеутскихъ острововъ; во все это время неубирая парусовъ, и ни разу не наливаясь водою; тоже претерпѣвая бури, лишенія, болѣзни и смертность, бо-

лѣе впрочемъ павшую у него на офицеровъ, чѣмъ на нижнихъ чиновъ. Превосходство во всѣхъ отношеніяхъ разительное! По времени, истинное торжество морскаго искуства!

Мы оставили Берингово судно, въ ночи на 7-е Ноября того жъ года, въ крайней степени изнуренія команды, брошеннымъ къ неизвѣстному берегу, почитавшемуся Камчаткою, но оказавшемуся впослѣдствіи островомъ, получившимъ имя несчастливаго начальника.

Поутру, съ большими усиліями спустили съ палубы единственное остававшееся гребное судно, и которые были по здоровѣе—въ томъ числѣ Штеллеръ—съѣхали на берегъ. Осмотрѣнный берегъ не представлялъ ничего отраднаго: голыя, каменныя скалы, и вдали высокія, снѣгомъ покрытыя горы; лѣсу нигдѣ нѣтъ; никакихъ признаковъ обитаемости; только безбоязненно ходящіе песцы и бобры, да невиданныя дотолѣ—нынѣ истребившіяся—животныя, прозванныя морскими коровами. По видимому, это не была Камчатка; однакожъ еще надѣялись.... Къ великой радости, нашли неподалеку ручей свѣжей воды, и выкидныя деревья, разбросанныя по берегу. Стали выкапывать ямы въ пескѣ, прикрывая ихъ парусами, и перевозить больныхъ. Двѣнадцати человѣкъ лишились

еще во время плаванія, наиболѣе въ послѣдніе дни. Изъ остававшихся, многіе умирали только что вынесенные изъ трюма на свѣжій воздухъ; другіе умирали при перевозкѣ и на берегу. Такимъ образомъ лишились еще девяти человѣкъ. Страшный и жалостный видъ, представлялъ этотъ станъ больныхъ и умирающихъ, брошенныхъ на пустомъ, голомъ берегу. Перевозка производилась медленно, по недостатку здоровыхъ людей и помѣщенія. 9-го, перевезенъ Иванъ Ивановичъ Берингъ, тщательно закутанный отъ вліянія внѣшняго воздуха, и перенесенъ на носилкахъ въ приготовленную для него яму. 15-го, оставилъ судно Мастеръ Софронъ Ѳедоровичъ Хитровъ. 21-го, послѣднимъ, свезенъ Лейтенантъ Савелій Лаврентьевичъ Ваксель, уже весьма больной, заботливо помѣщенный его единоземцами въ особомъ шалашѣ.

Судно оставалось теперь безъ команды, на одномъ плохомъ якорѣ, подлѣ каменистаго берега. Первымъ большимъ вѣтромъ—его или выкинуло бы и разбило на рифѣ, или унесло бы въ море, и несчастные странники лишились бы въ немъ послѣдней надежды на спасеніе, покрайней мѣрѣ всѣхъ остававшихся на немъ запасовъ. Хотѣли поставить его на отмель, но недоставало силъ. По необыкновенному счастію—которое, по-

слѣ столькихъ бѣдъ, теперь являлось во всѣхъ случаяхъ—бурею 28-го Ноября, оно было выброшено именно на ту самую отмель, на которую хотѣли его поставить.

22-го Ноября, скончался старый и опытный Штурманъ Эзельбергъ, уже давно больной. Потомъ умерли еще трое нижнихъ чиновъ. 8-го Декабря, опочилъ несчастный начальникъ экспедиціи, Берингъ, полузасыпанный землею въ ямѣ, въ которой лежалъ, и которую не приказывалъ огребать, чувствуя себя согрѣваемымъ въ ней. Убѣжденный прежде другихъ, что берегъ на который быкинуты, не есть Камчатка, онъ скрывалъ свои убѣжденія, и старался поощрять надежды товарищей. Больной и опечаленный, онъ съ Христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ страданія кончины.... На другой день, скончался Подшхиперъ Хотяинцовъ; потомъ умерли еще трое нижнихъ чиновъ, и 8-го Января, послѣднимъ, Коммисаръ Лагуновъ. Всего умерло 31 человѣкъ (1).

Оставшіеся въ живыхъ, всего 46 чело-

---

(1) Изъ вещей, оставшихся послѣ Беринга, наиболѣе характеристичны: три квадранта, универсальные часы, компасъ, трость съ зрительною трубою, золотыя карманныя часы, пара пистолетовъ, *мѣдный кубокъ*, курительная трубка въ оправѣ, осьмнадцать книгъ, связка картъ, двѣ связки писемъ, семь кар-

вѣкъ, поправлялись въ здоровьѣ очень медленно; нѣкоторые только съ весною поправились.

Для опознанія берега, еще съ самаго начала, былъ посланъ въ сѣверную сторону Подконстапель Россиліусъ, съ двумя матросами, который прошелъ допятидесяти верстъ, и воротился не узнавъ ничего положительнаго. Въ началѣ Декабря, съ тою же цѣлію, былъ посыланъ къ югу матросъ Анчуговъ, который воротился черезъ четыре недѣли, тоже не разузнавъ ничего. Потомъ посылали провѣдывать къ западу, и также безуспѣшно. Оставаясь въ неизвѣстности о мѣстѣ своего пребыванія, впрочемъ почти уже убѣжденные, что находились не на Камчатскомъ берегу, только въ Апрѣлѣ слѣдующаго года окончательно увѣрились въ истинѣ.

Во все пребываніе здѣсь, продолжавшееся девять мѣсяцевъ, жили въ вырытыхъ ямахъ, покрытыхъ парусами. Всѣ, въ этомъ общемъ несчастіи, были какъ равные между собою, называли другъ друга по имени и отечеству, и одинаково занимались работами. Офице-

---

тинъ, и восемь съ половиною дюжинъ *игральныхъ картъ*. Все это, кромѣ игральныхъ картъ, проданныхъ на мѣстѣ, было отослано его семейству, а прочее имущество продано съ аукціона, на сумму около 1000 руб.

ры даже сами, опасаясь неповинования, по кончинѣ Беринга предлагали командѣ равенство; но команда отказалась отъ такой неурядицы, и сохраняла подчиненность (1). Иностранцы образовали свою отдѣльную колонію, помѣстясь въ одной ямѣ: Штеллеръ, Плениснеръ, Россиліусъ, подлекарь Бетхе и солдатъ Зандъ. Другую яму занималъ Вакселъ. Отдѣльныя были еще у боцмановъ Иванова и Алексѣева. Всѣ другіе помѣщались въ одной общей. Провіанта оставалось не много, и его употребляли весьма умѣренно, сберегая еще на возвратное плаваніе; питались наиболѣе добываемыми звѣрями—бобры, морскіе коты, сіучи, тюлени, два раза выброшенные на берегъ киты, и наконецъ морскія коровы, появившіяся весною, мясо которыхъ находили очень вкуснымъ. Лѣсъ для топлива собирали выкидной, отыскивая его подъ снѣгомъ, верстъ за десять отъ жилья и болѣе. Надобно было еще обшивать себя, потому что платье и обувь у всѣхъ износились, и каждому изъ насъ привелось узнать, замѣчаетъ Штеллеръ, важность такихъ вещей, о которыхъ никог-

(1) Извѣстіе, переданное А. И. Нагаевымъ, слышанное имъ отъ самихъ Вакселя и Хитрова. Мы нашли его въ заключеніи одного изъ «экстрактовъ» Нагаева, дѣланныхъ имъ изъ настоящихъ плаваній.

да не думали, какъ напримѣръ: ножикъ, игла, шило, дратва и т. п.—Погода, въ теченіи всей зимы, была почти непрестанно вѣтряная, съ мятелями—рѣдко видѣли красный день, говоритъ Ваксель; а весною и лѣтомъ почти всегда густые туманы.

Съ наступленіемъ весны, когда уже увѣрились, что находились на островѣ, приступили къ совѣщаніямъ о способахъ достигнуть Камчатки. Одни предлагали послать туда, за помощью, судовой ботъ; другіе полагали возможнымъ исправить самое судно; наконецъ остановились на томъ, чтобы разломавъ пакетботъ, изъ остатковъ его построить новое судно, которое могло бы поднять всю команду. При этомъ возникли еще сомнѣнія: можно ли безъ позволенія ломать казенное судно? Однакожъ, по большинству голосовъ, рѣшились ломать, и въ Маѣ мѣсяцѣ приступили къ постройкѣ новаго судна.

Спущенное на воду въ началѣ Августа, длиною по килю 36 ф., по верху 41 ф., шириною 12 ф., глубиною $5\frac{1}{4}$ ф., новопостроенное судно было наименовано гукоромъ Св. Петръ. 12 числа, всѣ перебрались на него, и на другой день, помолившись Богу, отправились въ море. Оставленному острову, по предложенію Хитрова, дано названіе *Берингова.*

На третій день по выходѣ, въ гукорѣ открылась большая течь, и вода поднялась въ немъ до двухъ футовъ. Успѣли однакожъ отлиться и поправить поврежденіе. Сопровождаемые тихимъ и попутнымъ вѣтромъ, 26-го прибыли въ Авачинскую губу.—Въ Камчаткѣ считали ихъ уже погибшими (1).

Въ Охотскъ возвратились въ слѣдующемъ 1743 году.

Между тѣмъ Чириковъ, еще не оправившійся отъ болѣзни, имѣвшій у себя только одного офицера, Штурмана Елагина, команду уменьшившуюся и слабую, и вооруженіе сильно попортившееся, рѣшился предпринять, въ 1742 году, вторичный походъ къ Америкѣ—не для отысканія Беринга (какъ утверждаетъ Миллеръ), котораго онъ не зналъ гдѣ искать—а для точнѣйшаго изслѣдованія земли, видѣнной по частямъ въ

(1) Въ Соборѣ Петропавловскаго порта хранится драгоцѣнный памятникъ набожности бѣдствующихъ: образа Св. Апостолъ Петра и Павла, рисованные и одинъ обложенный серебряною ризою, на мѣстѣ, по возвращеніи, на сумму пожертвованную по обѣщанію. Надпись: Сей Святый образъ обложеніемъ украсился тщаніемъ и по обѣщанію флота Лейтенанта Дмитрія Овцына и всѣхъ служителей, спасшихся съ пустова острова и достигшихъ Камчатской берегъ въ 1742 г. Августа мѣсяца.» (Примѣчаніе Г. Полонскаго.)

предшествующее плаваніе, по 21-е Сентября, до которой теперь считали 956 миль по OtS, или $9\frac{1}{2}^{\circ}$ разности долготы. Онъ вышелъ изъ Авачинской губы 25-го Мая, и направляясь прямо къ востоку, 8-го Іюня, въ шир. около $52\frac{1}{2}^{\circ}$, долг. 14°, дѣйствительно увидѣлъ землю, «высокія горы, покрытыя снѣгомъ,» вдоль которой проходилъ очень близко, и наименовалъ островомъ *Св. Ѳеодора*—нынѣ островъ Атту. Противные вѣтры и непрестанные густые туманы, не допустили къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Отнесенный, дувшимъ тогда отъ юга вѣтромъ, къ сѣверу, до шир. $54\frac{1}{2}^{\circ}$, 16-го Іюня, по сдѣланному консиліуму, онъ пошелъ обратно въ Камчатку. На этомъ пути онъ видѣлъ тотъ самый островъ, на которомъ тогда бѣдствовали несчастные сопутники Беринга, обошелъ его очень близко по южную сторону, и наименовалъ *Св. Іуліаномъ*. 1-го Іюля, прибылъ въ Петропавловскую гавань, и въ Августѣ этого жъ года возвратился въ Охотскъ.

Такими усиліями, съ такими бѣдствіями, были открыты отдаленные Американскіе берега, отъ широты 55°, $21'$ къ сѣверу, и на западъ, съ простирающимися отъ нихъ Алеутскими островами, всего, между крайняго предѣла открытій (мысъ Чирикова) и Авачинской губы въ Камчаткѣ, на протяженіи

67½° разности долготы. Не описанные подробно, но только очеркнутые, берега эти представлялись еще не въ совершенномъ ихъ видѣ; однакожъ, въ главныхъ направленіяхъ, были опредѣлены достаточно. Новооткрытому берегу, справедливо признанному тогда за продолженіе Американскаго, хотя нѣкоторые современные географы оспаривали это предположеніе, открывшіе его офицеры предлагали дать названіе, подобно другимъ Европейскимъ мореплавателямъ, *Новой Россіи;* но по равнодушію, съ какимъ тогда приняты сдѣланныя открытія, такое названіе не было утверждено.

Въ то время какъ совершались настоящія открытія, Шпанбергъ готовился къ новому походу въ Японію. Мы говорили выше, что по окончаніи его первыхъ путешествій, получивъ новыя повелѣнія, въ Августѣ 1740 года, онъ пріѣхалъ въ Охотскъ, въ которомъ еще засталъ Беринга. Но Берингъ взялъ съ собою все запасенное въ Охотскѣ, и надобно было хлопотать о новомъ завозѣ провизіи и припасовъ. По этому, Шпанбергъ немедленно возвратился въ Якутскъ, распорядился тамъ приготовленіями, и вторично пріѣхалъ въ Охотскъ, сопровождаемый транспортомъ, уже въ исходѣ Іюня слѣдующаго 1741 года. Транспортъ еще замедлилъ въ

дорогѣ, и только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ можно было отправиться въ море.

Къ настоящему походу былъ построенъ въ Охотскѣ пакетботъ Св. Іоаннъ, дл. 70 ф. шир: 18 ф. гл. $6\frac{1}{4}$ ф.; а изъ прежнихъ судовъ приготовлены: бригантинъ Архангелъ Михаилъ, дубель-шлюпка Надежда и шлюпъ Большерѣцкъ. Изъ С. Петербурга, были присланы для этого путешествія два ученика Академіи, Шенаныгинъ и Ѳеневъ, обучившіеся Японскому языку. Шпанберга сопровождалъ еще сынъ его, юноша двадцати лѣтъ, и въ числѣ команды находился матросъ Алексѣй Долгоруковъ — сынъ знаменитаго Князя Алексѣя Долгорукова.

Видя, что настоящее лѣто уже пропущено для похода къ Японіи, и располагая теперь довести свой отрядъ только до Камчатки, Шпанбергъ, 4-го Сентября, послалъ одно изъ судовъ своего отряда, дубель-шлюпку Надежду, подъ командою Мичмана Шельтинга, съ геодезистомъ Гвоздевымъ—тѣмъ самымъ, который, вмѣстѣ съ Ѳедоровымъ, первымъ открылъ Американскій берегъ противъ Чукотскаго носа (1)—къ опредѣленной инструкціею описи западнаго берега Охотскаго моря, до устья Амура; а съ остальъ-

(1) См. Зап. Гидр. Деп. ч. IX, статья «Первый походъ Русскихъ къ Америкѣ.»

ными судами отряда, взявъ еще для перевоза провизіи ботъ Гавріилъ, вышелъ изъ Охотска 12-го Сентября, и черезъ десять дней, 22-го, потерявъ только отставшій отъ него бригантинъ, прибылъ въ Большерѣцкъ. Бригантиномъ командовалъ, за недостаткомъ надежныхъ морскихъ офицеровъ, Геодезистъ Свистуновъ. Онъ лишился на пути гротъ-мачты, былъ занесенъ къ Курильскимъ островамъ, и прибылъ въ Большерѣцкъ уже 10-го Октября.

Шельтингъ, съ порученною ему дубель-шлюпкою Надеждою, по отправленіи изъ Охотска, быстро прошелъ подлѣ западнаго берега Охотскаго моря, и черезъ пять дней прибылъ къ Шантарскимъ островамъ. Отсюда, 13-го тогожъ мѣсяца, перешелъ къ устью Уды, положенному имъ, по счисленію, цѣлымъ градусомъ сѣвернѣе, въ шир. 55°, 30′ (истинная 54°, 42′), и, согласно данному наставленію, осмотрѣлъ эту рѣку до Удскаго острога. Рѣка оказалась неудобною для входа большихъ судовъ—на розсыпи передъ входомъ только 3ф. глубины въ малую воду—и окрестности ея неспособными къ поселенію—лѣсъ на строеніе негодный и пахотной земли мало. Потомъ, съ 22-го по 28-е Сентября, онъ ходилъ между Шантарскими островами, нигдѣ не встрѣчая хорошаго пристанища, и

получивъ сильную течь въ суднѣ, по сдѣланному консиліуму, отправился къ Большерѣцку. Туда прибылъ 9-го Октября.

Прозимовавъ въ Большерѣцкѣ, въ слѣдующемъ 1742 году, 23-го Мая, Шпанбергъ отправился по назначенію къ Японіи, съ слѣдующими судами: пакетботъ Св. Іоаннъ, которымъ самъ командовалъ, имѣя у себя Штурмановъ Хметевскаго и Верещагина, Геодезиста Скобельцына, Констапеля Ушакова, учениковъ Японскаго языка Шенанынгина и Өенева, Іеромонаха, подлекаря, всего 78 человѣкъ команды; бригантинъ Св. Михаилъ (на который поставлена новая мачта, перевезенная съ великими усиліями отъ Верхне-Камчатска), подъ командою Мичмана Шельтинга, со Штурманомъ Родичевымъ, команды 40 человѣкъ; дубель-шлюпка Надежда, подъ командою Штурмана Ртищева, съ Геодезистомъ Гвоздевымъ, всего 33 человѣка; и шлюпъ Большерѣцкъ, порученный боцманмату Казину, съ 13 человѣками команды.

На третій день по выходѣ изъ Большерѣцка, они подошли къ первымъ Курильскимъ островамъ, взяли здѣсь переводчиковъ — окрестивъ еще двухъ дикарей въ Христіанскую вѣру—и 30-го тогожъ мѣсяца направились къ юго-западу. Погода стояла туманная,

и 4-го Іюня, когда немного попрочистилось, въ шир. около 47°, ни дубель шлюпки, ни бригантина, уже не было въ виду. Собранный Шпанбергомъ изъ оберъ и унтеръ-офицеровъ консиліумъ, опредѣлилъ: не дожидаясь и не отыскивая отставшихъ, слѣдовать настоящимъ курсомъ прямо къ Японіи. 12-го Іюня, въ шир. 44½°, отлучилось и послѣднее судно, шлюпъ Большерѣцкъ. Оставленный теперь безъ помощниковъ, встрѣчая постоянно противные, «злые» вѣтры и туманы, 22-го Іюня, достигнувъ широты 41°, 15′, и будучи, по разсчетамъ и примѣтамъ, близко къ Японіи, Шпанбергъ предложилъ консиліуму изъ оберъ и унтеръ-офицеровъ вопросъ: продолжать ли далѣе плаваніе, или воротиться назадъ?—представляя, что время остается «почти короткое» (въ Іюнѣ); что стоявшіе доселѣ противные вѣтры, по всей вѣроятности, скоро перемѣнятся въ попутные, и въ свою очередь будутъ противными къ возврату; что за отлучившимися судами, однимъ оставаться въ морѣ опасно, и сношенія съ Японіею будутъ затруднительны; что, наконецъ, люди начали «ослабѣвать,» и могутъ открыться болѣзни. Консиліумъ согласно опредѣлилъ, что не смотря на все это, впередъ слѣдовать надобно; только нѣкоторые полагали срокомъ этого плаванія 1-е Іюля, дру-

гіе 10-е, и потому, вмѣстѣ рѣшили ограничиться среднимъ, 6-мъ Іюля. Однакожъ, не продержались и до этого числа: 30-го Іюня, когда были въ шир. 39°, 35′ (обс.), все еще не видя береговъ, открыли въ суднѣ большую течь—до 14 д. въ полчаса—и потому, сдѣлавъ новое опредѣленіе, пошли обратно. 14-го Іюля, прибыли къ первымъ Курильскимъ островамъ, и нашли здѣсь всѣ отлучившіяся суда отряда. Дубель-шлюпка Надежда, по разлученіи, доходила до шир. 46°, 45′, возвратилась 21-го Іюня, и до встрѣчи съ отрядомъ, держалась передъ Курильскими островами. Бригантинъ Михаилъ, отыскивая флагмана, доходилъ до шир. 38°, 50′, воротился 29-го Іюня, и прибылъ сюда 12-го Іюля; 15-го, снесенный вѣтромъ съ якоря, онъ сильно поколотился на камняхъ. Шлюпъ Большерѣцкъ, по разлученіи, прямо пошелъ къ Курильскимъ островамъ.

Назначивъ теперь Шельтинга командиромъ на дубель-шлюпку Надежду, Шпанбергъ послалъ его къ продолженію описи береговъ, отъ рѣки Уды до устья Амура, а самъ, съ остальными судами (бригантинъ Михаилъ въ командѣ Штурмана Верещагина), 29-го числа отправился къ Большерѣцку. Разсудивъ здѣсь, что за худостію судовъ, продолжать экспедицію въ будущее лѣто «ре-

зоновъ не имѣется,» 11-го Августа всѣ отправились въ Охотскъ, въ который прибыли 21-го тогожъ мѣсяца.

Шельтингъ, на дубель-шлюпкѣ Надеждѣ, со Штурманомъ Ртищевымъ и Геодезистомъ Гвоздевымъ, по отходѣ, 24-го Іюля, отъ Курильскихъ острововъ, 1-го Августа подошелъ къ восточному берегу Сахалина (по его земля Ессо), въ шир. 50°, 10′, и слѣдовалъ вдоль его къ югу до шир. 45°, 34′ (до пролива Лаперуза), имѣя почти непрестанно противные отъ юга вѣтры и густые туманы, потому очень рѣдко усматривая берегъ, отъ котораго находился миляхъ въ шести разстоянія. 17-го Августа, сталъ онъ подниматься къ сѣверу, и 10-го Сентября возвратился въ Охотскъ.

Настоящимъ походомъ, слѣдовательно, кромѣ нѣкоторыхъ, впрочемъ довольно поверхностныхъ изслѣдованій Шельтинга, не пріобрѣтено ничего новаго.

По отправленіи Беринга изъ Охотска, въ 1740 году, начальникомъ экспедичныхъ командъ оставался Лейтенантъ Вальтонъ. Въ Январѣ 1741 года, онъ ходилъ съ описью по берегу Охотскаго моря, на востокъ до рѣки Ини, на разстояніи 95 верстъ, а въ Февралѣ на югъ, до рѣки Ульи, на разстояніи 114 верстъ, отыскивая удобнѣйшаго

для порта мѣста, Съ тою же цѣлію, потомъ было сдѣлано еще нѣсколько описей въ окрестностяхъ Охоты; но все безуспѣшно (1).

Въ Камчаткѣ, въ 1742 году, произведены геодезическія описи береговъ: отъ Большерѣцка до Тигиля, Геодезистомъ Ушаковымъ, и отъ Авачи до Кроноцкаго мыса, Гардеманомъ Юрловымъ. Такимъ образомъ продолжена къ сѣверу, до настоящихъ предѣловъ, съемка этого полуострова, на югѣ, отъ Большерѣцка до Авачи, описаннаго, какъ мы говорили, еще въ прошломъ 1739 году Елагинымъ (2). Геодезистъ Красильниковъ—выѣхавшій отсюда со Шпанбергомъ въ 1742 году—опредѣлилъ, широтою и долготою, Петропавловскую гавань, Большерѣцкій острогъ, потомъ Охотскъ и многіе пункты внутри Сибири (3). Штеллеръ и Горлановъ, продолжали изслѣдованія здѣсь до 1744

(1) Вальтонъ, произведенный по очереди въ Капитаны, и потому вызванный въ С. Петербургъ, скончался на дорогѣ, въ 1742 году.

(2) Съемки Ушакова и Юрлова, доселѣ неизвѣстныя, найдены нами въ дѣлахъ экспедиціи, и теперь хранятся въ Архивѣ Гидрографическаго Департамента. См. Зап. Гидр. Деп. ч. VIII, стр. VIII.

(3) Петропавл. гав. шир. 53°, 1′, 20″ долг. 176°, 12′, 30″.
Большерѣцкъ — 52, 54, 30 — 174, 10, 00.
Охотскъ — 59, 20, 00 — 160, 59, 15.
Прочіе, см. у Миллера, въ Ежем. соч. 1757 г., 12.

года. Производились и опыты посѣвовъ, оказавшіеся неудачными (1).

Команды Чирикова, Вакселя и Шпанберга, по прибытіи къ Охотску, отправлялись въ Якутскъ, и тамъ ожидали дальнѣйшихъ назначеній.

Былъ еще посланъ штурманъ (тогда уже переименованный въ Мичмана) Хметевской, на ботѣ Большерѣцкѣ, къ описи береговъ Охотскаго моря, которые онъ и описывалъ въ теченіи 1743 и 1744 годовъ, отъ Охотска по всему сѣверному берегу, до р.

(1) Чириковъ доносилъ Адмиралтействъ-Коллегіи, въ Маѣ 1742 года: «Ржи, пшеницѣ, гороху, гречихѣ, и прочему, кромѣ ячменя, да развѣ ярицы, родиться здѣсь весьма нечаятельно, понеже здѣсь и низкія мѣста совершенно до Іюня первыхъ чиселъ отъ снѣгу неочищаются, а съ высокихъ горъ и никогда снѣгъ не сходитъ; и время лѣтнее живетъ здѣсь въ туманахъ и въ частыхъ дождяхъ, а въ Сентябрѣ опять настаетъ стужа и снѣгъ иногда выпадаетъ. И за такимъ короткимъ временемъ, хлѣбъ поспѣвать не можетъ.»—Онъ ссылается на опыты въ *предшествующую* экспедицію, производившіеся въ Нижне-Камчатскѣ, когда садили горохъ, и на настоящіе, у Петропавловскаго порта, гдѣ садили горохъ и бобы, и было посѣяно немного пшеницы. Все побило морозомъ. Удавались только рѣпа и рѣдька; капуста выходила безъ вилковъ, а огурцы совсѣмъ не выходили. Въ 1743 году, были повторены эти опыты, уже въ отсутствіи Чирикова, и оказались также неудачными:

Вилеги, и минуя Гижигинскую и Пенжинскую губы, восточнаго отъ рѣки Хахтаны до Большерѣцка.

Экспедиція оканчивалась.... Все предназначенное ей, въ главныхъ чертахъ, уже было сдѣлано; а подробности, открывалось, требовали очень многаго. Многіе уже возвратились, или окончивъ назначенное имъ, или за болѣзнями и по разнымъ обстоятельствамъ; многіе умерли; наличныхъ командъ оставалось недостаточно. Завезенные съ собою припасы всѣ израсходовались; такелажъ и

посѣяны пшеница, горохъ, рѣпа и конопляное семя, въ разныя числа; взошли, но были побиты морозами. «Состояніе здѣшней земли—продолжаетъ Чирковъ—повсюду въ высокихъ горахъ, съ которыхъ снѣгъ никогда не сходитъ, межъ которыми низкія мѣста находятся побольшей части болотныя; межъ тѣмъ находится и нѣсколько сухихъ мѣстъ, на которыхъ довольно ростетъ травы, и для того можно здѣсь скотъ держать, хотя и не съ такою свободою, какъ въ нашихъ мѣстахъ, понеже въ короткое и дождливое лѣто, должно про скотъ готовить травы, по послѣдней мѣрѣ, на семь съ половиною мѣсяцевъ. А на лошадяхъ ѣздить зимою, въ дальнія дороги, за глубокими снѣгами, не возможно. Лѣсъ лиственной, годной къ строенію морскихъ судовъ, при Верхнемъ Камчатскомъ острогѣ и выше Нижняго, по нѣкоторымъ впадающимъ въ Камчатку рѣкамъ, находится; также есть и ельникъ. А въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ бы былъ такой лѣсъ, по настоящее время извѣстія нѣтъ.»

паруса обвѣтшали; построенныя суда уничтожались. Самыя средства Сибири были истощены до крайности, инородцы изнурены повинностями, даже лѣса оскудѣли.... Въ 1743 году, открылся голодъ во всей восточной Сибири, и Высочайшимъ указомъ 23-го Сентября, было повелѣно *пріостановить* экспедицію, размѣстивъ команды ея по плодороднѣйшимъ, западнымъ предѣламъ Сибири. Пріостановленная, экспедиція совсѣмъ прекратилась....

Сибирскія команды были разосланы по своимъ мѣстамъ, а Адмиралтейскія, помѣщены въ Томскѣ и Енисейскѣ. Уменьшаемыя вызовами въ С. Петербургъ и увольненіями, переведенныя потомъ всѣ въ Томскъ, онѣ оставались тамъ еще долго—до 1746 года, подъ начальствомъ Чирикова и Шпанберга; до 1749 года подъ начальствомъ Вакселя; и до 1754 года съ Ртищевымъ, когда поступили въ новую экспедицію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ПРЕДЛОЖЕНІЯ БЕРИНГА.

Представляемыя здѣсь «Предложенія» Беринга, поданныя имъ по возвращеніи изъ первой его экспедиціи, въ Апрѣлѣ 1730 года, и послужившія основаніемъ второй экспедиціи, донынѣ не были извѣстны вполнѣ. Берхъ, въ его біографіи Беринга, напечаталъ ихъ съ неполнаго списка, именно, однѣ первыя половины параграфовъ всего перваго предложенія—вѣроятно онѣ были написаны въ два столбца, и Берху попались списки только одной стороны столбцовъ — притомъ съ пропусками нѣкоторыхъ словъ и ошибками.

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

1.) Понеже около Якуцка живетъ народъ, называемый Якуты, близко пятидесяти тысячь, и вѣру имѣли отъ старины Махомецкую, а нынѣ вѣруютъ во птицъ, а иные идолопоклонничествуютъ, а оный народъ не таковъ глупъ, чтобъ про Вышняго Бога не знали.

Ежели заблагоразсуждено будетъ, то надлежитъ промежъ ими поселить одного или двухъ священниковъ, или такихъ чтобъ дѣтей ихъ учили въ школѣ. А признаваю, чтобъ много охотниковъ было отдавать

дѣтей въ наученіе. А въ городъ Якуцкъ посылать опасаются, ради оспы и другой скорби. Тогда изъ того народа промежду ихъ опредѣлить поповъ или учителей; и надѣюся, что не малое число въ Христіанскую вѣру привесть можно.

2.) Въ Сибири, когда случится нужда въ желѣзѣ, то возятъ отъ Тобольска до дальнихъ городовъ, отъ чего учиняется въ провозѣ лишной коштъ.

При Ангарѣ рѣкѣ, около Яндинскаго острога, имѣется желѣзная руда; такожъ около Якуцкаго; и оной народъ сами плавятъ въ крицы. А ежелибъ опредѣлено кому умѣющему плавить въ прутья, то можнобъ во всякомъ дѣлѣ и въ судовомъ строеніи довольствоваться безъ нуждъ. А оное противъ самаго лучшаго Сибирскаго желѣза будетъ. А Якуцкой народъ дѣлаютъ для себя изъ того желѣза котлы, и обиваютъ сундуки, и на всякія другія нужды употребляютъ.

3.) Служилыхъ людей считается при Якуцку около тысячи человѣкъ; а имѣется надъ ними командующій казацкій голова, сотники и пятидесятники. А хотя оные командующіе надъ ними и есть, но токмо содержатъ не подъ страхомъ: понеже служилые пьянствуютъ и пропгрываютъ, не токмо что изъ своихъ пожитковъ, но временно бываетъ пропгрываютъ женъ своихъ и дѣтей, что мы и сами видѣли при Камчаткѣ. А когда отправляются въ нужной путь, тогда они платья не имѣютъ; такожъ и ружье не исправно; и я нашелъ при Охотскѣ и при Камчаткѣ, что не имѣли ружья, луковъ и стрѣлъ. А больше надлежитъ опымъ служилымъ имѣть изъ ружья винтовки.

А для лучшаго распредѣленія и порядку, какъ надлежитъ всякому служилому въ регулярномъ полку быть; а потамошнему обыкновенію, для службы над-

лежитъ имѣть при Якуцку всякому служивому лошадь, теплое платье, ружье съ аммуниціею; при Охотскѣ и при Камчаткѣ надлежитъ имѣть теплую одежду, ружье и аммуницію, луки и стрѣлы, лыжи, собакъ, вмѣсто лошадей.

4.) При Охотскѣ не имѣется скотины рогатой, а травъ довольно; такожъ и по Ураку рѣкѣ. А проѣзжіе люди случаются, которые посылаются на Камчатку временно, не малую нужду воспріемляютъ; такожъ и по возвращеніи изъ Камчатки.

При этомъ острогѣ можно опредѣлить изъ Якутовъ семей три или четыре и больше, которыябъ могли имѣть скотину и лошадей; тогдабъ проѣзжіе люди могли бъ и пропитаніе отъ того возымѣть, и лошадей для провозу казны отъ Охотска до рѣки Юдомы.

5.) На Камчаткѣ не имѣется никакой скотины, а травъ довольно. А служилые желаютъ, чтобъ имъ уволить привесть скотины рогатой на Государевыхъ судахъ; а коровы у Якутовъ продаются, цѣною по два рубли, и по два рубли съ четвертью.

Ежелибъ отъ Якуцка до Охотска повелѣно пригнать молодой скотины коровъ и свиней, и отъ Охотска перевесть чрезъ моря на Камчатку или сухимъ путемъ чрезъ Колымъ; и при всякомъ острогѣ опредѣлить по одной или по двѣ семьи людей изъ Якутовъ, которымъ пасти скотину, понеже Камчатской народъ къ тому на обыченъ, тобъ можно тамъ и землю пахать и всякой хлѣбъ сѣять: понеже въ бытность мою учинена проба обо всякомъ огородномъ овощу, такожъ и рожъ при мнѣ сѣяна; а прежде насъ сѣяли ячмень, рѣпу и конопли, которая и уродилась; токмо пашутъ людьми.

6.) Смолу жидкую и густую прежде сего возили отъ Лены рѣки и отъ Якуцка до Охотска, отъ чего много убытку въ провозѣ учинилось.

А мы, въ бытность свою на Камчаткѣ, къ строенію судовъ сами сидѣли изъ лиственничнаго дерева сколько намъ надобно; а впредь дабы опредѣлить такихъ людей, которые бъ могли смолу сидѣть. А на Юдомѣ и Удѣ рѣкахъ имѣется къ тому довольно и сосноваго лѣсу; также, ежелибъ имѣлось при казнѣ мѣдныхъ и чугунныхъ котловъ довольно, тогдабъ соли возить на Камчатку не надобно, понеже мы въ первый годъ сами варили сколько надобно, безъ нуждъ.

7.) При Охотскѣ и на Камчаткѣ четыре человѣка мореходовъ, которые въ зимнее время больше какъ въ своей волѣ живутъ, и чрезъ многіе годы бываетъ починка тамошнимъ судамъ, для того что смолы не имѣютъ. Такожъ, когда коммисары переправляются отъ Охотска до Камчатки, то опредѣляютъ на суда вмѣсто матросовъ служилыхъ людей, и всякій путь перемѣняютъ. А тамошнія суда, которыя построены на подобіе карбусовъ, объ одной мачтѣ, и доска на доскѣ пришивается.

Того ради, ежелибъ опредѣлено было надъ ними кому командующему, которой бы имѣлъ стараніе въ починкѣ судовъ; также для морскаго пути обучать молодыхъ казачьихъ дѣтей всякому морскому обыкновенію; а по признанію де его, во время можно свободно обучать сколько надлежитъ для проѣзду отъ Камчатки до Охотска. И ежелибъ оное учинилось, тобъ отселѣ посылать не надобно; и навсякое судно довольно по 12 или 15 человѣкъ для науки.

8.) При Алюторской рѣкѣ, въ губѣ, противъ Ка-

рагинскаго острова, прежде бывалъ острогъ; а нынѣ то мѣсто пусто. А рыбы въ оной рѣкѣ довольно.

Ежелибъ повелѣно поселить на ономъ мѣстѣ охотниковъ и служилыхъ, тобъ Коряцкой народъ и Юкагиры охраненыбъ были отъ Чюкчей, которые по всякой годъ въ зимнее время приходятъ и разоряютъ помянутой народъ, отъ чего они не могутъ надлежащаго ясака платить.

9.) На Камчаткѣ рѣкѣ, при Нижнемъ острогѣ, имѣется одна церковь, и монастырь зачинается, и на всей Камчатской землѣ токмо одинъ попъ; а при Верхнемъ и Большерѣцкомъ острогахъ священниковъ не имѣется; а тамошніе жители, которые Русскіе, весьма желаютъ, чтобъ при каждомъ острогѣ опредѣленъ былъ священникъ. Такожъ жаловался мнѣ Камчатской народъ, а именно, отъ Кигиль рѣки и отъ Харіозовой, на тамошнихъ служилыхъ людей въ обидѣ, которая имъ чинится при ясашномъ платежѣ, что сбираютъ противъ указу излишество; а многіе служилые люди сказали, которые въ давнихъ лѣтахъ живутъ на Камчаткѣ, а жалованья не получаютъ, для того, что обстоятельной указъ при Якуцку запрещаетъ жалованье производить, кромѣ тѣхъ, которые явятся на лицо при Якуцку; а съ помянутыхъ людей сбираютъ подушныя деньги, отъ чего не малую нужду претерпѣваютъ. Такожъ, по извѣстію отъ Камчатскихъ народовъ, на Камчаткѣ имѣется обыкновеніе, отъ зачинанія владѣнія Россійскаго государства, когда сбирается ясакъ собольми или лисицами, тогда они добровольно даютъ сборщику одну и временемъ двѣ части, сверхъ положеннаго на нихъ ясака.

А ежелибъ опредѣленъ былъ управитель на сколько лѣтъ, который бы имѣлъ стараніе объ ономъ народѣ,

чтобъ не былъ обиженъ; такожъ межъ ими въ ссорахъ имѣлъ судъ; а изъ тѣхъ народовъ, которые по мѣстамъ живутъ около Курильскаго носу, такожъ въ сѣверномъ краю, приведеныбъ были къ ясачному платежу; и служилые люди, которые обрѣтаются при Камчаткѣ, надлежитъ имъ посылать отъ Якуцка жалованье; тогдабъ надѣялся, чтобъ не малой прибыли въ годъ учинится. А по нынѣшнему обыкновенію, посылаются по всякой годъ коммисары для ясашнаго сбору, а весной паки возвращаются въ Якуцкъ, а Камчатскіе остроги оставляютъ подъ охраненіе служилымъ людямъ; и по всякой годъ ясачнаго сбору убавляется; а ежелибъ служилымъ людямъ жалованья повсягодно (давать), то можно оную часть брать въ казну, и потому двойная бъ прибыль казнѣ была: понеже по всякой годъ сбирается 60 и 65 сороковъ разныхъ звѣрей, а ежелибъ оныя части брать въ казну, то будетъ въ сборѣ больше 120 сороковъ, и оному народу въ томъ ни малой тягости не будетъ.

10.) А народъ Камчатской имѣетъ обыкновеніе, когда захвораетъ человѣкъ и пролежитъ немного, хотя и не при смерти, тогда выбрасываютъ вонъ, и пропитанія ему даютъ мало, то отъ голоду умираютъ; старой или молодой человѣкъ не похочетъ болѣе жить, то выдетъ въ зимнее время на морозъ и голодомъ умираютъ; и многіе сами себя давятъ; а ежели случится утопать въ рѣкѣ одному, а многіе видятъ, то ему споможенья не чинять, и ставятъ себѣ въ великой грѣхъ ежели избавятъ отъ потопленія; и тако напрасно много народу отъ такого ихъ обыкновенія погибаетъ.

Того ради надлежитъ приказать накрѣпко, чтобъ болѣзнующихъ изъ домовъ не выкидывать, и самимъ

себя не умерщвлять; такожъ надлежитъ опредѣлить одного или двухъ священниковъ или искусныхъ людей ко ученію ихъ: понеже при всякомъ острогѣ берутся отъ тамошнихъ знатныхъ людей дѣти, для вѣрности отъ нихъ, и тогда можно учителямъ тѣхъ ребятъ учить, то надѣюся, что многіе склонятся къ Христіанской вѣрѣ.

11.) На Камчатку ѣздятъ изъ Русскихъ торговые люди съ товаромъ, на Государевомъ суднѣ, и паки возвращаются; а распредѣленія не имѣютъ что взять за провозъ.

Въ бытность мою, которые торговые паки пожелали возвратиться на Государевомъ суднѣ, и приказалъ я съ каждаго человѣка брать по двѣ лисицы, а съ скарбу ихъ, съ каждой сумы по двѣ жъ лисицы; и оныя лисицы отданы мореходу съ росписко̀ю; и приказалъ тѣ росписки объявить въ Якуцкѣ, чтобъ впредь имъ мореходамъ, зачитать въ ихъ жалованье.

12.) На Камчаткѣ случается отъ пріѣзжихъ Коммисаровъ, что перемѣняютъ самовольно служилыхъ людей, которые на Камчаткѣ давно обрѣтаются и имѣютъ домы, женъ и дѣтей; въ томъ числѣ перемѣняютъ и ремесленныхъ людей.

А по мнѣнію моему надлежитъ больше посылать ремесленныхъ людей на Камчатку, нежели оттуда вывозить; а именно: плотниковъ и кузнецовъ, прядильщиковъ, слесарей; понеже когда случится нужда, тогда не надобно возить отъ дальнихъ городовъ.

13.) Около Тауйскаго острога, подлѣ Охотскаго, въ Пежинской губѣ, такожъ подлѣ берегу Камчатской земли, выбрасываетъ изъ моря часто мертвыхъ китовъ, при которыхъ имѣются усы; а тамошній народъ

оные усы ни вочто вмѣняетъ, и такъ пропадаютъ; иные употребляютъ на полозья подъ нарты.

Ежелибъ повелѣно отъ онаго народу принимать китовые усы вмѣсто ясака, по пуду или по два, или какъ расположено будетъ, тогда надѣюся, во время многобъ сыскалось охотниковъ для собранія оныхъ усовъ.

14.) Во всѣхъ трехъ Камчатскихъ острогахъ имѣется винная продажа на откупахъ, а казаки и Камчатской народъ пропиваютъ много звѣрей и прочаго, понеже до нашего прибытія на Камчаткѣ денегъ не имѣлось.

А ежелибъ винная продажа была подъ вѣденіемъ управителя, или бъ были опредѣлены къ тому цѣловальники, тогдабъ тѣ звѣри приносились за вино въ казну.

15.) Прошлаго 1729 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ, изъ Камчатки рѣки отправлено до Большерѣцкаго острога судно, подлѣ Камчатской земли, и видѣли подлѣ берега ходящихъ людей иностранныхъ, и признаваемо, что подлинно Японскаго народу, и показывали желѣзо, трости и бумаги, что найдено на маломъ острову близь Авачина. И впредь ежели повелѣно строить для морскаго пути суда, то оныя строить глубиною 8 и 9 футовъ; а лучшаго мѣста къ строенію судовъ, кромѣ какъ на Камчаткѣ рѣкѣ, не признано.

Да для онаго жъ пути, вмѣсто морскаго провіанта, а именно: мяса говяжьяго, масла коровьяго, вина хлѣбнаго, можно довольствоваться другимъ. Того ради приказано отъ меня тамошнему управителю, чтобъ послать служилыхъ искать гдѣ оные люди обрѣтаются и привесть ихъ подъ охраненіе; а ежели впредь вышеписанной народъ Японской найдетъ, то надлежитъ тѣхъ людей отправить на казенномъ суднѣ въ

ихъ землю и провѣдать путь, и можно-ли съ ними имѣть торгъ, или какимъ другимъ образомъ къ пользѣ Государству что присмотрѣть, понеже до самыя Японскія земли отъ Камчатскаго угла имѣются острова, и не въ дальнемъ разстояніи островъ отъ острова; а при рѣкѣ Камчаткѣ, къ строенію судовъ лиственничнаго лѣсу довольно; а желѣза привесть отъ Якуцка можно рѣками Алданомъ, Маею и Юдомою; токмо во время какъ оныя рѣки скроются, а ежели умедлить то время, тогда оными рѣками, за мелкою водою, пройтить судами не можно. А вмѣсто провіанту можно покупать мяса оленья у Коряцкаго народа, а вмѣсто масла коровья имѣть безъ нуждъ рыбій жиръ, а вино сидѣть изъ тамошней сладкой травы сколько надобно.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

1.) Понеже вывѣдывая изобрѣлъ я, что далѣе оста, то море волнами ниже подымается, такожъ и на берегъ острова, именуемаго Карагинской, великой сосновой лѣсъ, котораго въ Камчатской землѣ не ростетъ, выбросило; и для того признаваю я, что Америка, или оныя, между оной лежащія земли, не очень далеко отъ Камчатки, напримѣръ 150 или 200 миль быть имѣетъ; и буде подлинно такъ, то можно будетъ установить торги съ тамошними обрѣтающимися землями, къ прибыли Россійской Имперіи; а того де прямо можно будетъ доискиваться, ежели построить судно, величиною напримѣръ отъ 45 до 50 ластовъ.

2.) Оное судно надлежалобъ построить при Камчаткѣ, за тѣмъ что требуемые на строенія лѣса, тамо качествомъ и годностію лучше достать можно, не-

жели индѣ; такожъ на пищу служителямъ рыбу и ловчихъ звѣрей тамо способнѣе и дешевле можно пріобрѣсть; да и больше вспоможенія отъ Камчадаловъ нежели отъ обывателей въ Охотскомъ получить можно; сверхъ-же того, рѣкою Камчаткою, за глубокостію въ устьѣ, лучше можно судами проходить нежели рѣкою Охотою.

3.) Не безъ пользыбъ было, чтобъ Охотской или Камчатской водяной проходъ, до устья рѣки Амура и далѣе, до Японскихъ острововъ, вывѣдывать; понеже надежду имѣю, что тамо нарочитыя мѣста можно находить, и съ тѣми нѣкоторые торги установить; такожъ, ежели возможность допуститъ, и съ Японами торгъ завесть, чегобъ не малой прибыли Россійской Имперіи впредь могло оказаться; а за неимуществомъ судовъ съ тѣхъ мѣстахъ, можно будетъ и изъ попадаемыхъ на встрѣчу Японскихъ судовъ побирать; да къ тому жъ еще можно одно судно при Камчаткѣ такою величиною какъ выше упомянулъ, или хотя и меньше, построить.

4.) Иждивеніе на сію экспедицію, окромѣ жалованья и провіанта, такожъ и кромѣ матеріаловъ на обои суда, которыхъ тамъ достать не можно, а отсюда, изъ Сибири, перевезены быть имѣютъ, оное можетъ обойтися съ транспортомъ въ десять или въ двѣнадцать тысячь рублевъ.

5.) Ежели заблаго разсуждено будетъ сѣверныя земли, или берегъ отъ Сибири, а именно отъ рѣки Оби до Енисея, а оттуда до рѣки Лены, къ устьямъ оныхъ рѣкъ можно свободно и на ботахъ или сухимъ путемъ вывѣдывать, понеже оныя земли подъ высокою державою Россійской Имперіи суть.

II. ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТЫ ДЕЛИЛЯ.

Главныя черты описываемой здѣсь карты, изображены на приложенныхъ картахъ путей Беринга и Шпанберга. Мы не имѣли оригинала ея, но воспользовались копіею Адм.-Коллегіи, 1737 года, весьма огромнаго размѣра. Объясненіе предлагается въ современномъ переводѣ.

ИЗВѢСТІЕ

О новой ландкартѣ, на которой представленъ Восточный океанъ, съ показаніемъ ближайшаго пути между Азіею и Америкою.

Сочиненіе Астронома Іосифа Делиля.

На сей ландкартѣ представлено подлинное положеніе восточныхъ береговъ Азіи, сколько оные понынѣ извѣстны, и разстояніе отъ ближайшихъ береговъ Сѣверной Америки, чтобъ способнѣе сыскать ближайшій путь между Азіею и Америкою.

Обыкновенный путь, которымъ понынѣ изъ Азіи въ Америку ходили, производился отъ Филиппинскихъ острововъ въ Мексику, и хаживали онымъ наипаче Шпанцы, яко владѣтели помянутыхъ земель.

Сіе разстояніе считается въ длину на 130°, въ которыхъ 2300 морскихъ миль будетъ, полагая на каждый градусъ опыхъ по 20; и покрайней мѣрѣ въ помянутомъ разстояніи 13000 верстъ будетъ.

Разстояніе между Азіею и Америкою становится тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе оныя земли къ сѣверному полюсу подходятъ; или чѣмъ восточнѣе Азіятскія, тѣмъ западнѣе Американскіе берега лежатъ, между которыми мореходцы путь свой воспринимаютъ.

Сей путь избралъ Донъ-Жанъ-де-Гама, какъ онъ изъ Китая отправился въ новую Гишпанію; и Французскій корабль, называемый Святой Антоній, возвращаясь изъ Новой Гишпаніи въ Китай, симъ же путемъ прибылъ. Слѣдовательно, сіи оба пути нѣсколько короче того, который между Новою Гишпаніею и Филиппинскими островами предпріемлется. Ежелиже отъ отдаленнѣйшихъ Россійскаго владѣнія сѣверовосточныхъ береговъ ѣздить въ Америку, то разстояніе будетъ еще гораздо меньше. Отъ самаго крайняго, сѣверовосточнаго мыса Азіи, до котораго доходилъ Капитанъ Берингъ, и который лежитъ подъ 67°, 20′, до ближайшихъ и намъ вѣдомыхъ береговъ Американскихъ, по прямому пути не болѣе 600 морскихъ миль или съ небольшимъ 5000 верстъ будетъ, которое разстояніе противъ вышеозначеннаго и въ четвертую долю не будетъ.

А все ли вышепоказанное между Азіею и Америкою самое ближайшее разстояніе состоитъ изъ моря, или отчасти и изъ земли, о томъ неизвѣстно, потому что въ оной странѣ никто еще не бывалъ, развѣ тѣ которые о томъ извѣстіе имѣя, для своего купечества содержатъ въ тайности, чтобъ другимъ народамъ не подать поводу отъ полученной оттуда прибыли имѣть участіе.

А понеже такожъ мало извѣстно, сколько далеко Америка на сѣверовостокъ простирается, то можетъ статься что она тамъ съ Азіею еближается, что между оными не широкій проливъ находится, по которому, въ способную погоду, можетъ быть небольшими судами ходить безопасно.

Сіи догадки утверждаются такожъ и на нѣкоторыхъ признакахъ, примѣченныхъ Господиномъ Капитаномъ Берингомъ, во время первой его экспедиціи по

сѣверовосточнымъ берегамъ Азіи отъ 56 до 67° широты; именно: 1.) Что въ нѣкоторомъ отъ береговъ разстояніи, находящіяся въ близости земли, въ морѣ небольшая глубина и волны мелкія, какія обыкновенно въ проливахъ бываютъ, и отъ большихъ на пространномъ морѣ волнъ далеко разнствуютъ. 2.) Что сосновыя и другія деревья, которыя на Камчаткѣ не ростутъ, восточнымъ вѣтромъ къ Камчатскимъ берегамъ приноситъ. 3.) Увѣряютъ Камчатскіе жители, что въ зимнее время, когда море наполнено льдомъ бываетъ, буде западный вѣтръ съ 4 или съ 5 дней продолжится, который отъ Камчатскихъ береговъ ледъ относитъ, то восточному вѣтру довольно будетъ 2 или 4 дней продолжиться, чтобъ оный ледъ принести назадъ къ Камчатскимъ берегамъ. 4.) Что нѣкоторыя птицы ежегодно въ свое время съ восточной стороны прилетаютъ, и пробывши нѣсколько мѣсяцевъ на Камчатскихъ берегахъ, въ свое время назадъ улетаютъ.

Сверхъ сихъ признаковъ, можно еще привесть и по ландкартѣ нѣкоторыя вѣроятныя доказательства. Напримѣръ, усмотрѣнная Донъ-Жуаномъ земля, которую я на ландкартѣ прямо противъ Камчатки означилъ, можетъ быть не соединяется ли съ твердою землею Америки, а именно съ Калифорніею, на сѣверъ, при сысканномъ отъ Мартина д'Алгвилара заливѣ; ибо, покрайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ ландкартахъ, означенъ около сей страны долгій берегъ, что можетъ быть учинено не безъ причины, хотя оная намъ неизвѣстна, и хотя новѣйшіе землеописатели сего берегу на своихъ ландкартахъ не означили. По ежедневному искусству извѣстно есть, что иногда неотмѣнно надлежитъ опять принимать старыя мнѣнія, которыя во все оставлены были.

Ежели посмотримъ на ландкартѣ на всѣ впадины и заливы, на Гудзонской, Баффинской и Даунской, которые отъ смѣлыхъ мореплавателей Гудсона, Баффина и Даунса, при исканіи ближайшаго по сѣверозападному морю, изъ Европы въ Азію, пути, въ сѣверной части Америки найдены, и притомъ разсудимъ, коимъ образомъ еще ни одинъ мореходецъ путешествія своего съ желаннымъ успѣхомъ не окончилъ—а сему причиною всемѣрно тѣ берега, которые на моей ландкартѣ означены—то всекопечно можно думать, что помянутые берега суть края той твердой земли, которая чаятельно къ западу и къ сѣверу далеко простирается, и слѣдовательно самый крайній носъ Азіи, гдѣ Капитанъ Берингъ былъ, близко къ вышепомянутымъ берегамъ подался.

И ежели бы такимъ образомъ твердая земля Америки такъ далеко простиралась, чтобъ она съ обысканными Донъ-Жаномъ-де-Гамою берегами, которые лежатъ прямо противъ Камчатки, соединялась, то бы подлѣ Азіятскихъ береговъ, подлѣ которыхъ Капитанъ Берингъ ходилъ, надлежало означить проливъ Аніанской; токмо я того утверждать не могу, есть ли такой проливъ или нѣтъ, ибо можетъ быть что токмо думаютъ что есть. А что большому проливу между Азіею и Америкою гдѣ нибудь быть надлежитъ, то безъ сомнѣнія принимается. Варепій, въ генеральной своей географіи, въ доказательство сего приводитъ, что на Тихомъ морѣ, между Татаріею и западными берегами Америки, на 700 миль отъ Японіи къ Америкѣ, безпрестанное отъ сѣвера и сѣверозапада въ море теченіе и во время противнаго вѣтра примѣчено; а переставаетъ оно близь Американскихъ береговъ, и въ разстояніи Новой Гишпаніи на 100 миль совсѣмъ не чувствительно бываетъ. Къ тому же объ-

являетъ онъ и сіе, будто на первыхъ 700 миляхъ много находится китовъ и такихъ рыбъ, которыя у Гишпанцовъ албакарами и бовитами называются, и которыя обыкновенно въ морскихъ проливахъ водятся, слѣдовательно должно имъ заходить туда въ устьѣ того пролива.

По всѣмъ вышепоказаннымъ признакамъ, не въ указъ говоря, можно въ Камчаткѣ, для пріиску сосѣдственныхъ земель, учредить мореплаваніе слѣдующимъ образомъ:

Ежели предпріимется путь до самаго крайняго сѣверовосточнаго носа Азіи, куда заходилъ Капитанъ Берингъ, то отъ твердой земли Америки никакъ заблудиться не можно, хотя бы курсъ держать между нордъ-остомъ и зюйдъ-остомъ; причемъ, по самой большей мѣрѣ, не болѣе 600 морскихъ миль переплыть надобно. А чтобъ такъ далеко не заходить, то можетъ способнѣе будетъ ходъ возымѣть отъ того мѣста Камчатскихъ береговъ, гдѣ по объявленію Капитана Беринга вышепоказанные признаки близко лежащей земли къ востоку примѣчены, и тамъ искать земли и подлѣ оной идти.

Но можетъ быть еще скорѣе и съ большею достовѣрностію, видѣнная Донъ-Жаномъ-де-Гамою земля найдется, ежели оную искать будутъ отправлять съ Камчатки на полдень, потому что она лежитъ на востокъ отъ такъ-называемой Земли Компаніи, которая въ 1643 году Голландскими кораблями найдена, и оными, именемъ Господъ Генеральныхъ Штатовъ, взята въ Голландское владѣніе, какъ на ландкартѣ видѣть можно. На сей землѣ, гдѣ былъ Гама, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не былъ, и слѣдовательно тамъ, не можно еще ни какой державѣ имѣть своего владѣнія.

Сожалѣнія достойно, что не можно мнѣ было сыскать о сей землѣ больше извѣстій, кромѣ что на ландкартѣ показано; но и то взято изъ новѣйшихъ ландкартъ покойнаго моего брата, перваго географа Короля Французскаго, гдѣ положеніе оной земли, въ разсужденіи земель Компаніи и Ессо опредѣлено, а сихъ земель положеніе мнѣ извѣстно; того ради я потому, какъ положеніе такъ и разстояніе обрѣтенной Де-Гамомъ земли, примѣняяся къ Камчаткѣ, подлинно опредѣлить могъ.

О вышепоказанныхъ двухъ морскихъ походахъ, для пріискиванія лежащихъ между Азіею и Америкою незнаемыхъ земель, болѣе объявлять нечего. Чтоже надлежитъ до третьяго похода, ежели оной мимо земли Ессо и Компаніи, такожъ и мимо лежащаго въ срединѣ Голландскихъ Штатовъ острова, предпріятъ будетъ, то я въ состояніи сообщить всѣ потребныя къ исправному морскому ходу извѣстія. Теперь объявлю тѣ основанія, по которымъ я, Ессо съ прочими сосѣдственными землями, при семъ восточномъ краѣ Азіи, положилъ на ландкартѣ.

Разкрашенныя на Азіятской сторонѣ красною краскою земли, принадлежатъ къ Китайскому Государству, въ томъ числѣ находится и Корея, потому что она состоитъ подъ защищеніемъ Китайскаго хана, такожъ и вся восточная Татарія до самыхъ Россійскихъ границъ. Зеленою краскою разцвѣчены тѣ земли, которыя Россіянами обрѣтены и покорены. Но мое намѣреніе наипаче состояло въ томъ, чтобъ только берега представить. И такъ, Китайскаго Государства и прочихъ оному подвластныхъ земель берега, означены по Китайскимъ ландкартамъ; а берега земель Россійскаго владѣнія, представлены

по походной и по морской Капитана Беринга ландкартѣ.

Китайскія ландкарты, которыя я, при сочиненіи моей ландкарты употреблялъ, сдѣланы на Пекинскій меридіанъ, понеже положеніе сего города въ разсужденіи С. Петербурга, по произведеннымъ въ обѣихъ мѣстахъ многимъ обсерваціямъ Юпитеровыхъ спутниковъ, мнѣ точно извѣстно; къ томужъ, положеніе С. Петербурга, въ разсужденіи перваго меридіана, который полагается на островѣ Ферро, также совершенно опредѣлено. Того ради Китайскую ландкарту, съ моею сносить мнѣ можно было. И тако, на моей ландкартѣ, долгота всѣмъ мѣстамъ опредѣлена по вышепоказанному первому меридіану, что на островѣ Ферро.

Что же надлежитъ до Камчатки и до соотвѣтственныхъ земель, то съ пользою мнѣ служили обсерваціи двухъ лунныхъ затмѣній, примѣченныхъ въ первой экспедиціи Капитаномъ Берингомъ и бывшими при немъ офицерами, сравнивая оныя съ оными обсерваціями, которыя въ другихъ Европейскихъ Государствахъ тѣмъ же затмѣніямъ учинены были.

Островъ Королевства Японскаго разкрашенъ желтою, а земля Ессо съ прочими островами и съ окольными землями, которыя найдены Голландцами, Японцами и другими народами, синею краскою.

Положеніе Японіи довольно извѣстно по вѣдомому отъ Кореи ея разстоянію. О величинѣ и о соотвѣтствующемъ положеніи всѣхъ принадлежащихъ къ Японіи острововъ, также не безъизвѣстно, отчасти по обсерваціямъ, по ландкартамъ, и по извѣстіямъ іезуитовъ, которые прежде сего въ Японіи Евангеліе проповѣдовали, отчасти же и паче съ того времени,

когда іезуиты изъ Японіи выгнаны были, по описаніямъ Голландскимъ и по большой части по описаніямъ Кемпферовымъ.

А что земля Ессо или Езо, островъ Штатовъ и земля Компаніи, положены на ландкартѣ между Японіею и Камчаткою къ сѣверу, то послѣдовалъ я въ томъ Голландскимъ ландкартамъ, которыя, по журналу воспріятаго Голландцами въ 1643 году морскаго похода, вышепомянутымъ землямъ сочинены. Самаго журнала Голландцы не объявили. А понеже они изъ Японіи отправились, отъ простирающагося на самый сѣверъ мыса Нобе или Горе, и на своихъ ландкартахъ, примѣняемое положеніе земли Ессо съ мысомъ Набо показали, то я тѣмъ былъ доволенъ, что по симъ Голландскимъ ландкартамъ, на моей ландкартѣ, опредѣлить точное положоніе земли Ессо, острова Штатовъ и земли Компаніи могъ.

На Голландскихъ ландкартахъ, земля Ессо, съ западной стороны къ Татаріи, изображена безъ береговъ; а я оные означилъ тоненькими черточками, и такъ сію землю сдѣлалъ островомъ, такъ что между землею Ессо и Татаріею сталъ быть проливъ. Къ сему подали мнѣ поводъ старинныя о землѣ Ессо извѣстія, въ которыхъ объявляется, что съ западную земли Ессо сторону есть проливъ, и что онымъ, для быстраго теченія, на судахъ ходить невозможно.

Опредѣленная на моей ландкартѣ земли Ессо величина, не разнствуетъ съ положеніемъ того острова, который на Китайскихъ ландкартахъ положенъ противъ устья рѣки Амура; такожъ неутѣснены мѣстомъ и тѣ небольшіе острова, которые на моей ландкартѣ, между землею Ессо и южнымъ Камчатскимъ носомъ, зеленою красною накрыты.

Безспорно есть, что на разныхъ ландкартахъ, которыя здѣсь, въ Россійской Имперіи, по сказкамъ бывшихъ на Камчаткѣ людей сочинены, вмѣсто вышеупомянутыхъ малыхъ острововъ, поставлены рядомъ гораздо большіе острова, которые простираются отъ южнаго Камчатскаго носа до Японіи. А понеже тѣже самыя ландкарты, ни по странамъ свѣта, ниже по градусамъ высоты полюса, точно не сочинены; къ томуже по обсерваціямъ и по ландкартѣ геодезиста Евреинова явно есть, что вышепоказанные острова болѣе подъ собою мѣста не занимаютъ, какъ на 2 градуса широты; того ради, потому возымѣлъ я причину, оные острова на моей ландкартѣ такъ представить, чтобъ опредѣленному мною землѣ Ессо положенію, не учинилось ни какого умаленія.

На Голландскихъ ландкартахъ не означено, сколь далеко земля Компаніи на востокъ простирается, и чаятельно потому, что Голландцы на восточной оной сторонѣ не бывали. А я, на послѣднихъ покойнаго моего брата ландкартахъ нашелъ, что онъ не токмо восточные берега сея земли означилъ, но и нѣсколько небольшихъ острововъ при томъ поставилъ. И такъ, слѣдовалъ я сей ландкартѣ, для того, что онъ учинилъ сіе не безъ основанія, хотя ему и самому совершенно въ томъ неизвѣстно было, потому что онъ, сіи восточные берега земли Компаніи, съ лежащими не подалеку островами, означилъ маленькими черточками, что онъ, въ неизвѣстныхъ или сомнительныхъ случаяхъ, всегда такимъ образомъ дѣлывалъ.

III. СПИСОКЪ УЧАСТНИКОВЪ.

	Въ началѣ назначенные.	*Впослѣдствіи поступившіе.*
Кап.-Команд.	Витусъ Берингъ. 1.	
Капитаны	Мартынъ Шпанбергъ. Алексѣй Чириковъ. 2.	
Лейтенанты	Дмитрій Лаптевъ. Егоръ Ендогуровъ. Вилимъ Вальтонъ. Питеръ Ласиніусъ. Дмитрій Овцынъ. Степанъ Муравьевъ. Михайло Павловъ. 7.	Степанъ Малыгинъ. Алексѣй Скуратовъ. Иванъ Сухотинъ. Харитонъ Лаптевъ. Иванъ Чихачевъ. 5.
Мичманъ	Алексѣй Шелтингъ. 1.	
Штурмана	Свенъ Ваксель. Василій Прончищевъ. Михайло Плаутингъ. Андреянъ Эзельбергъ. Левъ Казимеровъ. 5.	Иванъ Кошелевъ. Ѳедоръ Мининъ. Софронъ Хитровъ. Авраамъ Дементьевъ. 4.
Подштурман.	Иванъ Верешагинъ. Иванъ Елагинъ. Матвѣй Петровъ. Дмитрій Стерлеговъ. Семенъ Челюскинъ. Василій Ртищевъ. Василій Андреевъ. Гаврило Рудневъ. 8.	Петръ Позняковъ. Марко Головинъ. Иванъ Биревъ. Харламъ Юшинъ. Моисей Юрловъ. Андрей Шиганов. 6.
Гардемарины		Василій Паренаго. Іоаннъ Синдъ. Андреянъ Юрловъ. 3.

Штурманск. ученики	Михайло Щербининъ.	
	Василій Хметевскій.	
	Осипъ Глазовъ.	
	Емельянъ Родичевъ.	
	Андрей Великопольскій.	
	Ѳедоръ Канищевъ.	
	Сергѣй Спиридовъ.	
	Сергѣй Суньковъ.	
	8.	
Коммисары	Атафонъ Чоглоковъ.	Иванъ Лагуновъ.
	Ѳедоръ Колычевъ.	1.
	Степанъ Ивашнинъ.	
	3.	
Шхиперы	Иванъ Бѣлый.	Михайло Воейковъ.
	1.	1.
Подшхиперы	Дмитрій Коростлевъ.	Никита Хотяинцовъ.
	1.	1.
Боцманы	Нилъ Янсенъ.	
	Сидоръ Савельевъ.	
	2.	
Ботов. маст.	Ѳедоръ Козловъ.	
	1.	
Шлюп. маст.	Андрей Козминъ.	
	1.	
Лекаря	Вилимъ Буцковскій.	
	Генрихъ Говій.	
	Каспаръ Фейхъ.	
	3.	
Подлекаря	Иванъ Ступинъ.	Андреянъ Гееръ.
	Вилимъ Беренсенъ.	Иванъ Паксинъ.
	Питеръ Браунеръ.	Генрихъ Гебель.
	Симъ Гренъ.	Михайло Брантъ.
	Томасъ Винцендорфъ.	Матисъ Бетхе.
	Генрихъ Шеферъ.	Іоганъ Лау.
	Илья Гинтеръ.	6.
	Кирило Жемчужниковъ.	
	Морицъ Арменусъ.	
	9.	

Академики	Герардъ Миллеръ. Іоаннъ Гмелинъ. Людвигъ Де-ла-Кроеръ.	3.
Профессоръ	Іоаннъ Фишеръ.	1.
Адъюнктъ	Георгъ Штеллеръ.	1.
Студенты	Степанъ Крашенинниковъ. Ѳедоръ Поповъ. Лука Ивановъ. Алексѣй Третьяковъ. Алексѣй Горлановъ.	5.
Инструм. маст.	Степанъ Овсянниковъ.	1.
Живописецъ	Іоганъ Беркганъ.	1.
Рисовальщ.	Іоаннъ Люрсеніусъ.	1.
Переводчикъ	Илья Яхонтовъ.	1.
Геодезисты	Андрей Красильниковъ. Петръ Скобельцынъ. Никифоръ Чекинъ. Дмитрій Баскаковъ. Моисей Ушаковъ. Иванъ Свистуновъ. Александръ Ивановъ. Василій Шетиловъ. Василій Селифонтовъ. Иванъ Кындяковъ. Василій Сомовъ. Михайло Гвоздевъ.	4. 8.
Геодезіи ученики	Михайло Выходцевъ. Ѳедоръ Прянишниковъ. Алексѣй Макшѣевъ. Иванъ Шаврыгинъ.	4.
Пробирныхъ дѣлъ мастеръ	Спмонъ Гардеболь.	1.

Рудознатцы { Дмитрій Одинцовъ. Фридрихъ Вейдель. Илья Шель. Захаръ Медвѣдевъ. Агапій Лескинъ. Самойловъ.

6.

Необходимо замѣтить здѣсь, что морскіе чины того времени, значительно разнятся съ нынѣшними. Главное, всѣ выпускались изъ единственнаго тогда морскаго училища, Морской Академіи: въ линейные флотскіе чины, исключительно дворяне, но и во всѣ другіе чины, вмѣстѣ съ разночинцами, также дворяне—или малопомѣстные или недовольно обучившіеся. Впослѣдствіи, по экзаменамъ, они могли переходить въ линейную флотскую службу. Отсюда легкость перемѣщенія чиновъ, и здѣсь объясненіе значительности нѣкоторыхъ чиновниковъ, по нынѣшнему малозначительныхъ. Вообще, штурмана тогда не имѣли никакихъ чиновъ; но при отправленіи въ экспедицію, нѣкоторымъ даны «Лейтенантскіе» т. е. Поручичьи ранги; другимъ, впослѣдствіи, открыты ваканціи «Мастеровъ,» что было болѣе Мичмана и менѣе Лейтенанта. Между тѣмъ Лейтенанты, по штату 1733 года, получили ранги «Маіорскіе.» Коммисарамъ, впослѣдствіи, тоже даны ранги Прапорщичьи. Геодезистамъ—воспитанникамъ Морской Академіи, также дворянамъ не рѣдко—отсюда отправленнымъ, даны ранги Прапорщичьи, а уже бывшимъ въ Сибири, Подпоручичьи.

Въ теченіи экспедиціи, многіе изъ поименованныхъ здѣсь лицъ были произведены, по очереди, въ слѣдующія, высшія званія и чины.

IV. СОСТАВЪ ЭКСПЕДИЦІИ.

Чины.	На боты.			На дубель-шлюпки.		На два Бѣломорскія	Всего.
	Перв. Берин.	Второй Чирик	Третій Шпан.	На двѣ Шпан.	На три Сѣвер.		
Капит. Командоръ. . . .	1	«	»	«	«	«	1
Капитановъ	«	1	1	«	«	«	2
Лейтенантовъ.	1	1	«	1	3	2	8
Мичмановъ.	«	«	«	1	«	«	1
Штурмановъ	1	1	2	«	«	«	4
Подштурмановъ	2	2	«	2	3	2	12
Штурм. учениковъ . . .	«	«	2	«	3	2	7
Лекарей.	1	1	1	«	«	«	3
Подлекарей	1	1	»	2	3	2	9
Лекарск. учениковъ. . .	2	2	«	«	«	«	4
Боцмановъ	1	1	«	«	«	«	2
Боцманматовъ.	2	2	1	2	3	2	12
Квартирмейстеровъ . . .	2	2	1	2	3	2	12
Коммисаровъ.	1	1	1	«	«	«	3
Трубачей.	2	«	2	«	«	«	4
Подконстапелей	1	1	1	2	3	2	10
Кононеровъ.	6	6	2	4	6	4	28
Писарей.	1	1	2	«	3	«	7
Подшхиперовъ.	1	1	«	«	«	«	2
Матросовъ.	12	12	12	4	6	4	50
Конопатчиковъ.	3	3	4	4	9	4	27
Парусниковъ.	3	3	2	4	9	4	25
Плотниковъ.	3	3	3	6	9	6	30
Купоровъ	3	3	2	4	6	4	22
Сержантовъ.	1	1	1	2	«	2	6
Капраловъ	1	1	«	«	«	«	2
Солдатъ.	24	24	20	52	78	52	250
Барабанщиковъ	1	1	1	«	«	«	3
Всего. . . .	77	75	61	92	147	94	546

Таково было начальное назначеніе, по обстоятельствамъ измѣнявшееся.

Сверхъ этого: 1 пасторъ и 6 священниковъ; разнаго рода мастеровыхъ 20; съ тремя академиками: 5 студентовъ, 4 геодезиста, 2 живописца, перевод-

чикъ, инструментальный мастеръ и особый конвой изъ 14 человѣкъ; постушившіе здѣсь и въ Сибири: 8 геодезистовъ, 2 геодезіи ученика, 1 пробирныхъ дѣлъ мастеръ, 6 рудознатцевъ, и разные другіе чины, мастеровые, рабочіе и проч.—По донесеніямъ Беринга, въ его экспедиціи, выключая отряды Академическій и Бѣломорскій, наличныхъ чиновъ было:

Командъ	*1737 г.*	*1738 г.*	*1739 г.*
Адмиралтейскихъ	259	254	256
Сибирскихъ	324	320	320
Всего	583	574	576

V. СТОИМОСТЬ ЭКСПЕДИЦІИ.

Изъ С. Петербурга:			
На жалованье и мундиръ. .	30,383	р.	5½ к.
— провіантъ.	684	— 76	—
— прогоны	3,103	— 67¼	—
Академическихъ инструм.	73	— 52	— —
Припасовъ рази. по цѣнѣ на	5,206	— 54¾	—
	39,451	р. 55½	к.
Изъ Казани:			
Денегъ.	4,754	—	
Такелажу, лѣсовъ и припасовъ на.	1,107	— 25¼	—
Изъ Архангельска	10,801	— 47½	—
	56,114	р. 28¼	к.
Изъ Илимска	2,178	— 73	— —
Изъ Сибирскаго приказа: денегъ, провіанта и припасовъ, по конецъ 1738 года	229,525	— 33	— —
Потомъ, въ разное время . . .	72,840	— 79½	—
	360,659	р. 13¾	к.

По счету Адм.-Коллегіи, сдѣланному по свѣденіямъ, имѣвшимся къ концу 1742 года.

VI. ПРЕДЛОЖЕНІЕ ЧИРИКОВА.

1746 года, 25 Іюля.

Помѣщая это Предложеніе вполнѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы нашли его—написанное въ третьемъ лицѣ, потому что включено въ представленіе Адм.-Коллегіи—другія, подобныя его предложенія, на которыя онъ ссылается здѣсь, по обширности ихъ, излагаемъ сокращенно, въ примѣчаніяхъ.

I. Понеже чрезъ двѣ Камчатскія экспедиціи, отправленныя отсюда въ 1725 и съ 1733 по 43 годъ, открылось не малой части земноводнаго глобуса много земель и острововъ, о которыхъ до упомянутаго времени не было извѣстно, а нынѣ явственно показуютъ поданные Адмиралтействъ-Коллегіи упоминаемой экспедиціи отъ морскихъ офицеровъ карты. А изъ тѣхъ всѣхъ мѣстъ, открылись западные Американскіе берега, коп отъ Камчатской Петропавловской гавани прямымъ разстояніемъ отстоятъ въ четырехъ тысячахъ въ двухъ стахъ верстахъ со излишествомъ. И ежели бы въ тамошнихъ приморскихъ мѣстахъ, которыя ближе ко внутренности Государства, именно при Пенжинскомъ морѣ, имѣлись привольные порты и можнобъ было тамъ хлѣбъ жатвою умножить (чего свойство тамошней земли и воздухъ учинить не допускаетъ, о чемъ бывшія тамъ пробы свидѣтельствуютъ), тобъ по его Чирикова разсужденію (ежели бы оное достойно было къ принятію), хотя на лежащихъ отъ Камчатки къ востоку берегахъ, у Американцевъ, ничего они богатаго не видали, и по землѣ тамъ почти вездѣ высокія и покрытыя снѣгомъ горы, и богатства тамъ, кромѣ звѣрей, какъ и въ Сибири, чтобъ нашлось чаять не мож-

но; также хотя и плаваніе тамъ, за стоящими почти всегда туманами и мглою, едва безбѣдственное быть можетъ; но *для распространенія землею и прославленія Государства и обращенія тамошнихъ народовъ въ Христіанскую вѣру*, не надлежалобъ оныя земли и острова оставить до такого произведенія, чтобъ прежде хотя на приближнихъ отъ Камчатки Американскихъ берегахъ, обыскавъ удобное мѣсто, *построить бы тамъ крѣпость*, и приводить тамошнихъ народовъ ласкою (употребляя осторожность, чтобъ самихъ нашихъ людей не повредили) въ подданство державѣ Россійской.—Чтожъ до Японіи касается, то по его Чирикова разсужденію, къ оному предпріятію никакого основанія нѣтъ, точію къ учрежденію тамъ коммерціи; понеже изъ давнихъ лѣтъ, о богатствѣ Японскаго Государства и сколько оное сильно, извѣстно. А къ произведенію обстоятельной коммерціи, какъ бывшій Капитанъ-Командоръ Берингъ, обще со всѣми Камчатской экспедиціи офицерами, изъ Охотска въ 1740 году, Августа отъ 29 дня, въ бывшій Кабинетъ доносилъ, не взявъ позволенія отъ Японскаго владѣтеля, который резидуетъ въ городѣ Іедо или Іедзо, утвердиться не можно.

Ежелибъ коммерція воспослѣдовала, то для приближенія къ одному изъ острововъ, лежащихъ отъ Камчатки къ Японіи, на которыхъ жителей Японскихъ не имѣется, изыскавъ удобный къ содержанію морскихъ судовъ, безъ препятствія можно *крѣпость построить* и служителей пристойное число содержать.

Но все вышеписанное произвесть *препятствуютъ*, какъ онъ Чириковъ вышеупомянулъ, неспособныя Россійскимъ тамошнія приморскія и почти пустыя мѣста и скудость провіанта, чего ради въ 1742 году,

Октября отъ 18-го числа, между прочимъ отъ него Чирикова въ представленіи написано: что ежели повелѣно будетъ экспедицію дѣйствіемъ производить, то за безхлѣбіемъ въ тамошнихъ пристаняхъ, къ которымъ изъ Иркутской и Енисейской провинцій, чрезъ весьма дальнее разстояніе и многими претрудными пустыми мѣстами, на экспедичныхъ служителей хлѣбъ завозить принуждено будетъ съ великимъ отъ казны денежнымъ и прочимъ расходомъ (о чемъ въ помянутомъ его представленіи пространно описано), и что къ возврату оныхъ расходовъ, обнадеживанія порученной ему Чирикову экспедиціи не видно. (1)

Также, въ поданномъ въ Коллегію сего 1746 года, Іюня 16-го, на присланный къ нему указъ, коимъ повелѣно, чтобъ по требованію Сибирскаго Приказа, о разныхъ обстоятельствахъ подать въ разсужденіе рапорта своего въ 4 пунктѣ, о трудномъ завозѣ провіантовъ и съ великимъ расходомъ возврату, точно вышеписанному показалъ. (2)

А какія трудности людямъ происходили въ тѣхъ мѣстахъ въ завозѣ провіанта, о томъ явствуетъ въ поданномъ отъ него въ Коллегію, Апрѣля 7-го дня 1746 года, доношеніи, въ 3, 4 и началѣ 5 пунктовъ. (3)

II. Но дабы сысканное чрезъ Камчатскія экспедиціи, совсѣмъ оставлено не было, того ради, вышепомянутымъ рапортомъ, поданнымъ въ Коллегію Іюня 16-го дня, 4 и 5 пунктами того рапорта, онъ Чириковъ представлялъ, чтобъ на содержаніе Сибирской губерніи употребить два судна, изъ оставшихся отъ экспедиціи, и опредѣлить на нихъ командирами штурмановъ, и при нихъ по два подштурмановъ и прочихъ служителей, какъ въ томъ рапортѣ именно описано. А куда на оныхъ судахъ ходить, и что дѣй-

ствовать, и гдѣ содержать для сохраненія ихъ, о томъ обстоятельно въ упоминаемыхъ 4 и 5 пунктахъ пространно изображено; и чтобъ порядочное тѣхъ судовъ на морѣ отправленіе было, для того, въ томъ же 5 пунктѣ представлялъ; не повелѣноль будетъ посылать въ Охотскъ, въ командиры или воеводы, изъ отставныхъ морскихъ офицеровъ, которые получили при отставкѣ Маіорскіе или флота Лейтенантскіе чины, изъ вѣдомыхъ добрыхъ людей, съ перемѣною чрезъ три или четыре года. И дабы для уменьшенія привозу туда, изъ помянутыхъ весьма удаленныхъ мѣстъ провіантовъ, учредить на Камчаткѣ порядочныя рыбныя ловли, дабы оной довольно было чрезъ весь годъ къ пропитанію; и какъ оную сушить, коптить, солить и вялить, и хранить отъ поврежденія, чтобъ чрезъ годъ же не испортилась и къ пищѣ могла быть годна, и въ прочемъ ко удовольствію пропитаніямъ тамошнихъ обывателей, о томъ представлялъ 6-мъ пунктомъ тогожъ упоминаемаго рапорта, поданнаго отъ него въ Коллегію Іюня 16 дня, сего 1746 года. (4)

III. Понеже изъ Иркутской провинціи, рѣки Ингода и прочія впадаютъ въ рѣку Шилку, на которой и городъ Нерчинскъ, Иркутской же провинціи, селеніе свое имѣетъ, а Шилка впадаетъ въ рѣку Амуръ, а Амуръ течетъ мѣстами благорастворенной климаты, и впадаетъ ниже 50° сѣверной широты въ Пенжинское или Камчатское море; и для того, ежелибы и на то Высочайшее соизволеніе и повелѣніе Ея Императорскаго Величества воспослѣдовало, исходатайствовать отъ Китайскаго двора, безъ нарушенія съ нимъ согласія, и безъ пресѣченія происходящей коммерціи, хотя точію свободное по Амуру подданнымъ плаваніе, и при устьѣ Амурскомъ, хотя на сѣверной

сторонѣ оной рѣки, свободныя мѣста, для строенія тамъ города и довольнаго пріемъ селенія жителей; ибо ко оному мѣсту, изъ Иркутской провинціи, провіанты и всякіе матеріалы, можнобъ было безъ великаго труда отправлять, а со временемъ, и при самомъ Амурскомъ устьѣ, по климату онаго, упоительно (ежели какихъ противныхъ, неизвѣстныхъ, свойствъ земли не имѣется), сѣятвою хлѣбъ умножить. Чрезъ оное, все вышеписанное въ первомъ пунктѣ, въ совершенное дѣйствіе произвесть-бы была надежда, а наипаче къ доброму произведенію коммерціи съ Японскимъ государствомъ. *Кромѣ же сего*, не токмо сильное дѣйствіе невозможно произвесть, и вновь найденныя отъ Камчатки, въ восточной сторонѣ, земли и острова (изъ которыхъ, первое жилое мѣсто имѣется отъ Камчатской Петропавловской гавани въ 1500 верстахъ, а оттуда простирается межъ сѣвера и востока, и потомъ межъ юга и востока, на разстояніи, сознгибами, близь 3000 верстъ; и хотя они, за препятствіемъ отъ великихъ тумановъ, видѣли опую по мѣстамъ, точію конечно признаваетъ той всей земли, на помянутыхъ 3000 верстахъ, быть нераздѣльной и самой Америки, понеже при оной, въ разныхъ трехъ мѣстахъ, видѣли жителей, а въ четвертомъ мѣстѣ видѣлиж жилье, и по прочимъ, видѣнымъ ими признакамъ, оная нераздѣльность земли утверждается), также и прочія овладѣть, и въ подданство Россійской державѣ невозможно ж привесть; но, и въ какомъ состояніи экспедиція прежде была, за вышеписанными неспособностьми, содержать будетъ весьма трудно, и за многими казенными расходами, безполезно. Но развѣ, какъ онъ выше представлялъ, повелѣно будетъ содержать Сибирской губерніи точію два судна, и ими дѣйствовать по вышеписанномужъ представленію его.

IV. Что же касается до прочаго, въ тамошнихъ сторонахъ исправленія, о томъ онъ, часто-упоминаемымъ рапортомъ его, поданнымъ въ Коллегію Іюня 16 дня, сего 1746 года, въ семи пунктахъ, представлялъ; а именно: первымъ пунктомъ, какъ наилучшимъ порядкомъ отправлять изъ Якутска до Охотска провіанты; вторымъ, объ исканіи пристаней и гаваней на Пенжинскомъ морѣ, въ сѣверномъ рукавѣ, близь устья рѣки Пенжи; третьимъ, о содержаніи судовъ при Охотскомъ портѣ, для перевоза на Камчатку провіанта и ясашныхъ сборщиковъ и купецкихъ людей, и о числѣ, сколько содержать на тѣхъ перевозныхъ судахъ и какихъ чиновъ морскихъ служителей; четвертымъ, пятымъ и шестымъ, о чемъ представлялъ, уже явствуетъ выше сего; а седьмымъ, о удержаніи Русскихъ служилыхъ людей, чтобъ Камчадаловъ, Тунгусовъ и Якутовъ и прочихъ ясашныхъ плательщиковъ, не обидѣли, и объ облегченіи, коимъ вѣрить можно, въ иманіи отъ нихъ дѣтей и родственниковъ въ аманаты; а служилыхъ людей, кои находятся въ дальнихъ острогахъ, о сложеніи подушныхъ съ нихъ денегъ, и о прочемъ; въ которомъ изображеножъ, какъ хранить отъ зазженія тамошнихъ повсюдныхъ лѣсовъ, дабы тѣми пожарами звѣри не переводились, въ чемъ состоитъ тамошняго края все богатство; и о строеніи въ удаленныхъ острогахъ церквей; о ученіи грамотѣ и знанію Христіанскаго закона дѣтей тамошняго народа, кои похотятъ дѣтей своихъ отдавать для сего ученія на время добровольно; и чтобъ чрезъ тѣхъ учениковъ научить Христіанскаго закона, и кочующихъ Русскаго языка; о провѣдываніи чрезъ ясачныхъ людей въ тамошнихъ пространныхъ Сибирскихъ мѣстахъ, нѣтъ ли гдѣ богатыхъ рудъ, добрыхъ красокъ и каменьевъ, ибо, хотябъ и нарочно посылапы были

для сего знающіе люди, тобъ всюду имъ, по великому пространству Сибирской земли, объѣздить и осмотрѣть невозможно было, а тамошніе народы, для промысловъ звѣрей, а иные по обычаю своему, кочуютъ, переходя съ мѣста на мѣсто, и всюду обходятъ, и ежели гдѣ есть отмѣнная земля и каменья, примѣчать имъ, и о томъ Сибирскихъ городовъ воеводъ и управителей, кто изъ нихъ гдѣ подсудны, объявлять можно.

---

(1) Представленіе 18-го̀ Октября 1742 года: Для продолженія экспедиціи, чтобы въ такихъ отдаленныхъ и опасныхъ плаваніяхъ имѣть взаимную помощь, и надежнѣе пропзводить высадки, необходимо два судна, и ежели пакетботъ Св. Петръ не возвратится, то надобно построить вмѣсто него новое, такой же величины. «Точію за оскуденіемъ при Охотскѣ лѣсу, а на прочихъ мѣстахъ, лежащихъ отъ Охотска по берегу морскому, за безлюдственною пустотою, а на Камчаткѣ, при гавани Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, за неимѣніемъ лѣсу, а на рѣкѣ Камчаткѣ, за несвободностію фарватера и рейда, и скудостію пропитанія,» строить не способно и дорого; потому, для настоящей цѣли, или употребить одно изъ судовъ Шпанберга, или, если они окажутся неудобными, построить одно меньшее, футовъ въ шестьдесятъ длиною. Построить еще одно малое судно, которое могло бы держаться въ морѣ и близко подходить къ берегамъ. Пополнить комплектъ служителей пакетбота Св. Павла, и дать служителей на другое судно. Дать новый такелажъ, въ двойномъ комплектѣ; и какъ въ Сибирскихъ городахъ такой пеньки не находится, которой нитка поднимала бы по семи и осьми пу-

довъ, а поднимаетъ только по три, по четыре и по пяти, да и такой трудно доставать, то стоячій такелажъ и канаты доставить изъ С. Петербурга. Отпустить канефасу на новые паруса. Однакожъ, «ежели о всѣхъ видѣнныхъ ими въ прошлой 1741 года кампаніи, и о прочихъ, чаемыхъ земляхъ, лежащихъ отъ Камчатки межъ норда и оста, развѣдываніе, а напаче порядочную опись учинить, то, хотябъ и великихъ всегдашнихъ тумановъ тамъ не было, на такомъ великомъ разстояніи, въ одну или въ двѣ кампаніи учинить невозможно, но потребуется къ тому многова времени; а по состоянію на тамошнемъ морѣ темнаго воздуха, едва кажется оное дѣйствіе произведено быть (можетъ) безъ бѣдственныхъ опасностей и потерянія людей; да и въ содержаніи вышепредставленныхъ судовъ, Иркутской провинціи и прочимъ Сибирскимъ городамъ, не безъ отягощенія:» далекія разстоянія, потребность множества рабочихъ, подводъ и судовъ, наконецъ самый недостатокъ въ хлѣбѣ, по случаю настоящихъ неурожаевъ, и причиненное экспедиціею раззореніе Якутамъ и Камчадаламъ, лошадьми и собаками, быками и оленями, затрудняютъ возможность возобновленія экспедиціи. Послѣдуютъ многія денежныя издержки, «а къ возврату оныхъ расходовъ, обнадеживанія никакого еще не видно.»

(2) Представленіе 16 іюня 1746 года, см. далѣе, 4.

(3) Представленіе 7 Апрѣля 1746 года: § 3. «Отъ Юдомскаго креста до самаго Охотскаго острога, до котораго разстоянія 250 верстъ, не мало возили на себѣ, каждый человѣкъ нартами по 5 пудъ матеріаловъ и провіанту; а отъ того Юдомскаго креста до Урацкаго плотбища, разстояніемъ чрезъ 90 верстъ, большую часть всѣхъ провіантовъ, которые къ Крес-

ту на всю экспедицію привезены были на судахъ, изъ Якутска и отовсюду, съ 1735 по 1740 годъ, перевозили на себѣ жъ, и въ каждую зиму, перевозя оные провіанты и матеріалы, оборачивались отъ Урацкаго плотбища по 10, 12 и 14 нартъ.» § 4. «На Урацкомъ плотбищѣ, во всѣ вышепоказанные годы, строили суда, и на строеніе оныхъ деревья и доски таскали изъ лѣсу на себѣ, не чрезъ ближнее разстояніе; и тѣми построенными судами по Ураку—опасной рѣкѣ къ плаванію, отъ имѣющихся на ней пороговъ, а вешнимъ временемъ и высокихъ льдовъ, подъ которыхъ края суда совсѣмъ подноситъ, при чемъ опасно бывало, чтобъ тотъ ледъ обвалясь и судно не затопилъ, также и отъ наносовъ, на которые суда, быстрою водою прибиваетъ и опрокидываетъ—сплавливали провіанты и матеріалы до моря, по 150 и по 170 пудъ на суднѣ; и выплывъ на море, моремъ подлѣ берегу, бичевыми важивали чрезъ 20 верстъ къ Охотскому острогу. А ко всякой сплавкѣ отъ Урацкаго плотбища, строены новыя суда, ибо возвращать изъ Охотска прежнихъ судовъ, по состоянію рѣки Урака, не можно; а строивали на ономъ плотбищѣ въ годъ отъ 20 до 50 судовъ, со излишествомъ.» § 5. «Да на морскія суда, которыя строены при Охотскѣ, а именно: на два пакетбота, на бригантинъ и дубель-шлюпку, и къ тѣмъ настоящимъ морскимъ судамъ на шлюпки, лангъ и ялъ-боты, бревна и кокоры, и прочее что надлежало, изъ лѣсу таскалижъ на себѣ, по верстѣ, по двѣ и больше къ берегу рѣчному; и стаскавъ къ рѣкѣ связывали въ плоты; и плотами сплавя къ мѣсту строенія, тутъ опять вытаскивали на берегъ на себѣжъ. И такую трудность несли въ шесть лѣтъ, почти въ самыхъ пустыхъ мѣстахъ.»

(4) Предложеніе 16 Іюня 1746 года: § 1. Завозить провіантъ въ Охотскъ прежнимъ порядкомъ, именно: полагая въ годъ по 3000 пудовъ, которые, изъ верхоленскихъ мѣстъ могутъ быть привезены въ Якутскъ на одномъ плоту, пятью человѣками, разложить здѣсь на 6 судовъ по 500 пудовъ, положивъ еще на рабочихъ мѣсяца на три, опредѣля по 20 рабочихъ на судно, отправлять Леною, Алдаюмъ, Маіею и Юдомомъ, до Юдомскаго креста; сложивъ его здѣсь, рабочимъ возвратиться въ Якутскъ, а при Юдомскомъ крестѣ постоянно содержать до 25 рабочихъ и до 50 оленей, которыми, въ теченіи зимы, все завезенное сюда переправлять къ Урацкому плотбищу, на разстояніи 90 верстъ; весною, выслать изъ Охотска 5 плотниковъ, которые, съ означенными 20 рабочими, сдѣлаютъ 13 или 14 судовъ, и въ половинѣ Мая, съ присланными къ этому времени изъ Охотска еще 25 рабочими—всего слѣдовательно 55 человѣками—оставя впрочемъ 2 или 3 для пастьбы оленей, сплавлять по Ураку до моря, и моремъ подлѣ берега, бичевою, на 20 верстъ, до Охотска. § 2. Послать осмотрѣть Пежинскую губу, и буде найдется тамъ хорошая пристань, завозить туда провіантъ для команды Маіора Павлуцкаго, пребывавшаго тогда въ Анадырскѣ, для усмиренія Чукочь; что удобно дѣлать, ибо при устьѣ Пежины живетъ мирный народъ Коряки, богатый оленями, и до Анадырска оттуда не болѣе 400 верстъ. Только полнаго по регламенту количества провіанта, ни этимъ, ни другимъ какимъ либо путемъ, черезъ 2500 и 3000 верстъ, завозить на команду Павлуцкаго невозможно, ибо она состоитъ неменѣе какъ изъ 450 человѣкъ, и на всякій годъ будетъ приходиться по 10,832 пуда; довольно будетъ посы-

лать по 2 или по 3 пуда на человѣка въ годъ, т. е. по 900 или 1350 пудовъ; и покамѣсть найдется удобная пристань въ Пенжинской губѣ, посылать сухопутно, какъ представлялъ «знающій человѣкъ» Капитанъ-Лейтенантъ Лаптевъ: изъ Якутска на Индигирку, до Зашиверска, на 900 верстъ, вьюками на лошадяхъ; оттуда на лошадяхъ и оленяхъ и частію на плотахъ въ Средне-Колымскій острогъ; далѣе, на судахъ, до Нижне-Колымска; потомъ по рѣкѣ Анюю, вверхъ до рѣки Ангарки, на судахъ же, и до Анадырскаго острога на оленяхъ. При этомъ, для охраненія Якутовъ отъ разоренія, завесть въ Якутскѣ до тысячи войлоковъ на потники ихъ лошадямъ, и давать ихъ имъ подъ вьюки, въ зачетъ платы; такъ какъ въ предшествовавшія перевозки, за не имѣніемъ подобныхъ потниковъ, много лошадей погибало. За остальной провіантъ, выдавать Павлуцкому, какъ онъ и самъ просилъ этого, деньгами; питаться же его команда будетъ оленями и рыбою, для чего посылать ему, на сѣти, пудовъ по 10 питей и пудовъ по 20 пеньки, да для вымѣна оленей котловъ, выбойки, табаку и другихъ товаровъ. Наконецъ, наградить Павлуцкаго «для приданія ему авантажа» рангомъ; ибо, находясь въ томъ краю съ 1728 года, онъ только получилъ Маіорскій чинъ, а его товарищи уже Полковниками. § 3. Содержащіяся въ Охотскѣ два судна, гальотъ и шхерботъ, для сообщеній съ Камчаткою, содержать и впредь, опредѣляя на нихъ командирами подштурмановъ, съ приличною командою, содержа и возобновляя суда на счетъ Сибирской губерніи. Въ портѣ имѣть для этой цѣли подмастерья ластовыхъ судовъ, ученика шлюпочнаго и разныхъ мастеровыхъ поименованное число. § 4. Въ предшествующія плаванія экспедиціи къ Американскимъ и Японскимъ берегамъ, также въ плава-

ніе Гвоздева къ Америкѣ, жителей видѣли, но только на берегахъ отдаленныхъ; а въ морѣ встрѣтили много морскихъ звѣрей—бобровъ, морскихъ котовъ, коровъ, тюленей и китовъ—«и можно Сибирскому приказу опредѣлить: на приближніе острова изъ Камчатскихъ остроговъ посылать, наибольше на восточные, охотниковъ и служилыхъ людей и Камчадаловъ, кои промышлять бобровъ обыкновенны; ибо слышно, что уже въ 1744 году, съ Камчатки, на ближній островъ, служилые люди уже ходили и добычу бобровую имѣли.» Для такихъ промышленниковъ давать изъ малыхъ, бывшей экспедиціи, судовъ, или построить таковыя вновь, и содержать ихъ въ Петропавловской гавани; къ тому еще опредѣлить 2 штурмановъ, 4 подштурмановъ и другихъ чиновъ. § 5. «Не токмо для порядочнаго на острова отправленія, но и для всего въ Охотскѣ и на Камчаткѣ добраго содержанія, наивящшая нужда есть, чтобъ тамъ командиръ или воевода былъ добросовѣстный, къ прибыткамъ не лакомый и не лихоимственный человѣкъ, и радѣтельный къ исканію интереса и общей пользѣ подчиненныхъ ему природныхъ жителей и Русскихъ людей.» И какъ края эти приморскіе, то полезно бы было, начальниками въ нихъ посылать морскихъ офицеровъ, «изъ отставныхъ,» Маіорскаго или Лейтенантскаго ранга, «вѣдомыхъ добрыхъ людей,» смѣняя ихъ черезъ три или четыре года; а управителемъ Камчатки опредѣлить, находящагося въ Якутскѣ дворянина Ѳедота Амосова. Охотскому начальнику послать одного изъ штурмановъ, къ востоку верстъ на двѣсти, и къ западу (къ югу) до р. Уди, описывать берега геодезически, чтобы осмотрѣть порядочно—не найдется-ли гдѣ удобнѣйшей гавани, нежели при Охотскомъ устьѣ, гдѣ «со-

держатся суда по нуждѣ, ибо на убылой водѣ обсыхаютъ, а большимъ судамъ, за мелкостію и входить не можно;» и ежели найдется лучшая гавань, то въ ней и основаться. Посылаемыхъ на промыслы охотниковъ подчинять штурманамъ, которымъ вести всему промыслу счеты, и для поощренія промышленниковъ, отдавать имъ третью долю промысла шкурокъ пушныхъ звѣрей и китовыхъ усовъ, а тюленьи кожи и жиръ весь отдавать имъ. «Ежели, паче чаянія, найдутъ гдѣ жителей, то съ ними поступать ласково, и отнюдь никакихъ обидъ имъ не чинить, и увѣщевать ихъ въ подданство, и давать имъ недорогіе гостинцы.» «Переходя съ острова на островъ, и обращаясь зимовать въ Петропавловскую гавань, чтобъ на другое или хотя на третіе лѣто дойтить бы и до той земли, которая отъ насъ найдена съ жителями, въ 1500 верстахъ отъ гавани Св. Апостолъ Петра и Павла на OtS, и поступать съ жителями, по вышеписанному, со всякою ласкою; а чаятельно тамъ быть ихъ многолюдно, того ради опасать себя, чтобъ незапно или оплошкою и ласканьемъ ихъ не обмануться, и не впасть бы и не отдаться въ руки ихъ.» Ежели найдется тамъ удобное мѣсто, преимущественно островъ, поставить небольшую крѣпость. Дѣлать описаніе всему замѣчаемому на островахъ, и вести точное въ пути счисленіе. Хотя земля, видѣнная Гвоздевымъ противъ Чукотскаго носа, по отдаленности ея и суровости климата, не обѣщаетъ многаго, однакожъ, какъ носятся слухи, что тамъ много соболей и другихъ звѣрей, то со временемъ сходить и къ той землѣ. Каждое лѣто, обо всемъ доносить Адм.-Коллегіи. § 6. Завести и улучшить на Камчаткѣ рыбныя ловли, для чего посылать туда пеньку на сѣти—дѣлаемыя тамъ изъ крапивы сѣти не прочны; постро-

ить сараи, въ которыхъ сушить, вялить, коптить и солить рыбу; сдѣлать ледники для сохраненія ея. Пріискавъ способныя мѣста, содержать табуны оленей. Стараться развести хлѣбопашество, особенно у Верхне-Камчатскаго острога, которое мѣсто признается къ тому удобнѣйшимъ; только при расчисткѣ земли «накрѣпко смотрѣть,» чтобы не сдѣлать пожару по всей землѣ, и тѣмъ, истребивъ лѣса и траву, не перевесть бы звѣрей. «И ежели ячмень и ярица будутъ тамъ умножаться, тогда можно туда изъ Тобольскихъ слободъ перевесть сколько надобно будетъ крестьянства; къ томужъ посылать туда на житье изъ подлыхъ людей, осуждаемыхъ за вины въ ссылки, и тѣми отъ времени до времени умножать жатву хлѣба.»

§ 7. Для удержанія Русскихъ служилыхъ людей отъ обидъ мѣстнымъ кочующимъ народамъ, запретить самовольныя поѣздки къ нимъ, а за сборомъ ясака посылать коммисаровъ; съ служилыхъ же людей, покрайней мѣрѣ въ дальнихъ, за-Якутскихъ острогахъ, для облегченія, сложить подушный сборъ. Безъ особенной нужды аманатовъ не брать. Приносимыхъ дикарями, сверхъ ясака, дорогихъ звѣрей, принимать по строгой оцѣнкѣ, или въ счетъ ясака, или съ наличною платою. Въ мѣстахъ, гдѣ соболей нѣтъ или мало, а ясакъ положенъ соболями, какъ въ острогахъ Колымскомъ, Анадырскомъ, Зашиверскомъ и Жиганскомъ, брать въ зачетъ шкурки другихъ звѣрей—лисицъ, песцовъ, горностаевъ и бѣлокъ, и именно: за трехъ-рублеваго соболя, здѣшними лисицами по три, а Камчатскими по двѣ, песцами по пятнадцати, горностаями по сту, бѣлками по двѣсти. Якутовъ считается въ ясашномъ платежѣ болѣе 17,000 человѣкъ, и многіе изъ нихъ обложены сборомъ лисицъ; а лисицъ тамъ мало—простая покупается ясашниками

по 3½ и по 3 рубли, а въ казну же не приходится и въ два; для того, выгоднѣе опредѣлить сборъ деньгами, по 2 или по 2½ рубли. Капитанъ-Лейтенантъ Лаптевъ представлялъ, о сохраненіи тамошнихъ пространныхъ лѣсовъ отъ пожаровъ, дабы не переводились звѣри, что и Чириковъ признаетъ необходимымъ, предлагая дѣлать о предосторожностяхъ частыя по городамъ публикаціи. Тотъ же Лаптевъ представлялъ, о построеніи въ отдаленныхъ острогахъ церквей, съ чѣмъ также согласуются представленія Чирикова: «ибо за неимѣніемъ тамъ Божіихъ церквей и священниковъ, младенцы, а изъ тамошнихъ народовъ и возрастные люди, желающіе креститься, безъ крещенія умираютъ, а старые, хотя и крещеные, безъ причастія и покаянія умираютъ; и живутъ жена съ мужемъ не вѣнчавшись.» Для основательнѣйшаго приведенія въ Христіанство тамошнихъ народовъ, уговаривать лучшихъ изъ ихъ людей, отдавать своихъ дѣтей учиться Русской грамотѣ, и обучать таковыхъ при монастыряхъ, или въ приходахъ, внушая имъ Христіанство, которое, со временемъ, они передадутъ своимъ родичамъ. «А какъ они утвердятся въ Христіанствѣ, тогда, по единовѣрству, можно будетъ на оныхъ Россіи во всемъ надѣяться, какъ на своихъ природныхъ.»—«Понеже Сибирь такъ пространствомъ велика, что одна всей Европѣ равняется, то не дивно быть въ ней, гдѣ ни есть, богатымъ рудамъ и прочему;» а какъ знающимъ людямъ, всюду объѣзжать не возможно, кочующіе же народы бываютъ по-всюду, то отбирать отъ приходящихъ въ остроги и города всякаго рода свѣденія о мѣстностяхъ, подтверждая имъ замѣчать свойства земли, и привозить ея образчики; ежели что откроется такимъ образомъ годное, то открывателей награждать.

=

ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Подлинные журналы и карты настоящей экспедиціи, посланные, какъ мы сказали въ предисловіи, въ 1754 году въ Иркутскъ, и оттуда, въ 1759 году, въ Тобольскъ—*не отыскались на мѣстѣ.* Полагаютъ, что эти документы истреблены, бывшимъ въ 1788 году въ Тобольскѣ пожаромъ.

II. Предложеніе нѣкоторыхъ членовъ Адм.-Коллегіи, объ отправленіи настоящей экспедиціи отсюда моремъ, кругомъ свѣта, приведенное нами по Берху и Гмелину, подтверждается свидѣтельствомъ одного изъ «экстрактовъ» настоящей экспедиціи, составленнымъ Адм.-Коллегіею въ 1738 году. Въ немъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «.... Для совѣту призываны въ Сенатъ Коллегіи Адмиралтейской члены, которые представляли, что мочно отправить на Камчатку изъ С. Петербурга корабли, которые могутъ тамъ, о чемъ намѣреніе есть, исправить, и къ тому морскіе офицеры практику имѣть будутъ.»—Угадываемъ здѣсь голосъ знаменитаго Президента Адм.-Коллегіи, Адмирала Графа Н. Ѳ. Головина. Десять лѣтъ позже, въ 1743 году, по случаю бывшей тогда войны со Швеціею, онъ предлагалъ высылать каперовъ въ море, тоже, частію, въ видахъ практики офицерамъ, «о чемъ—говорилъ онъ—моего представленія, при бывшемъ владѣніи и послѣднемъ правленіи, было довольно, но ничто, ниже самые важные и подобно-полезные отечеству резоны, приняты не были, и дѣйствомъ оставлены.» И проч. (См. Зап. Гидр. Деп. ч. V, 265.)

III. Лейтенантъ Х. П. Лаптевъ, названный нами «молодымъ офицеромъ,» не былъ однакожъ «молодой человѣкъ.» Произведенный въ Лейтенанты, и то въ видѣ по-

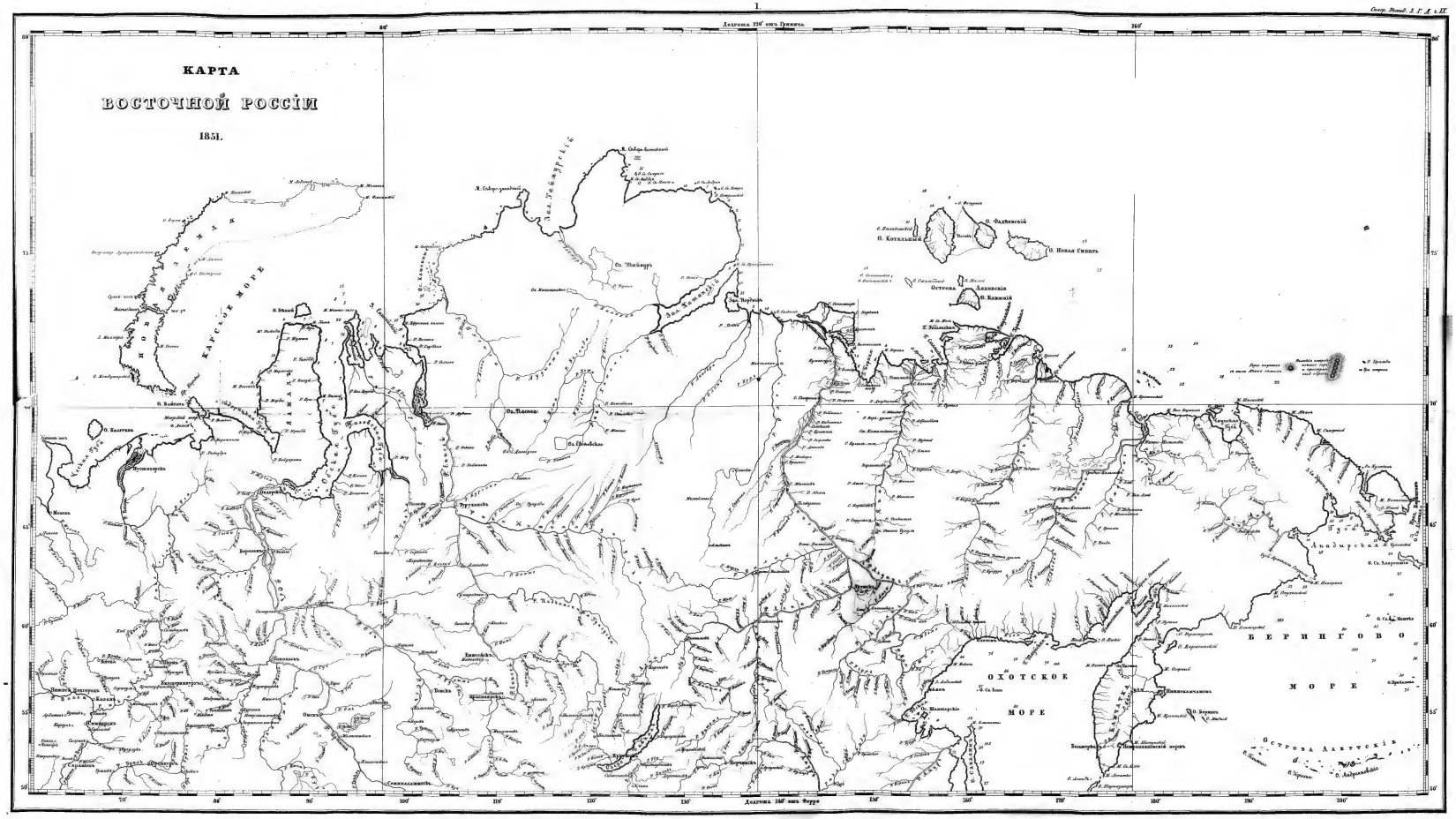
ощренія, только при его назначеніи въ экспедицію, въ 1738 году, онъ находился въ службѣ, гардемариномъ съ 1718 года, а Мичманомъ съ 1726.

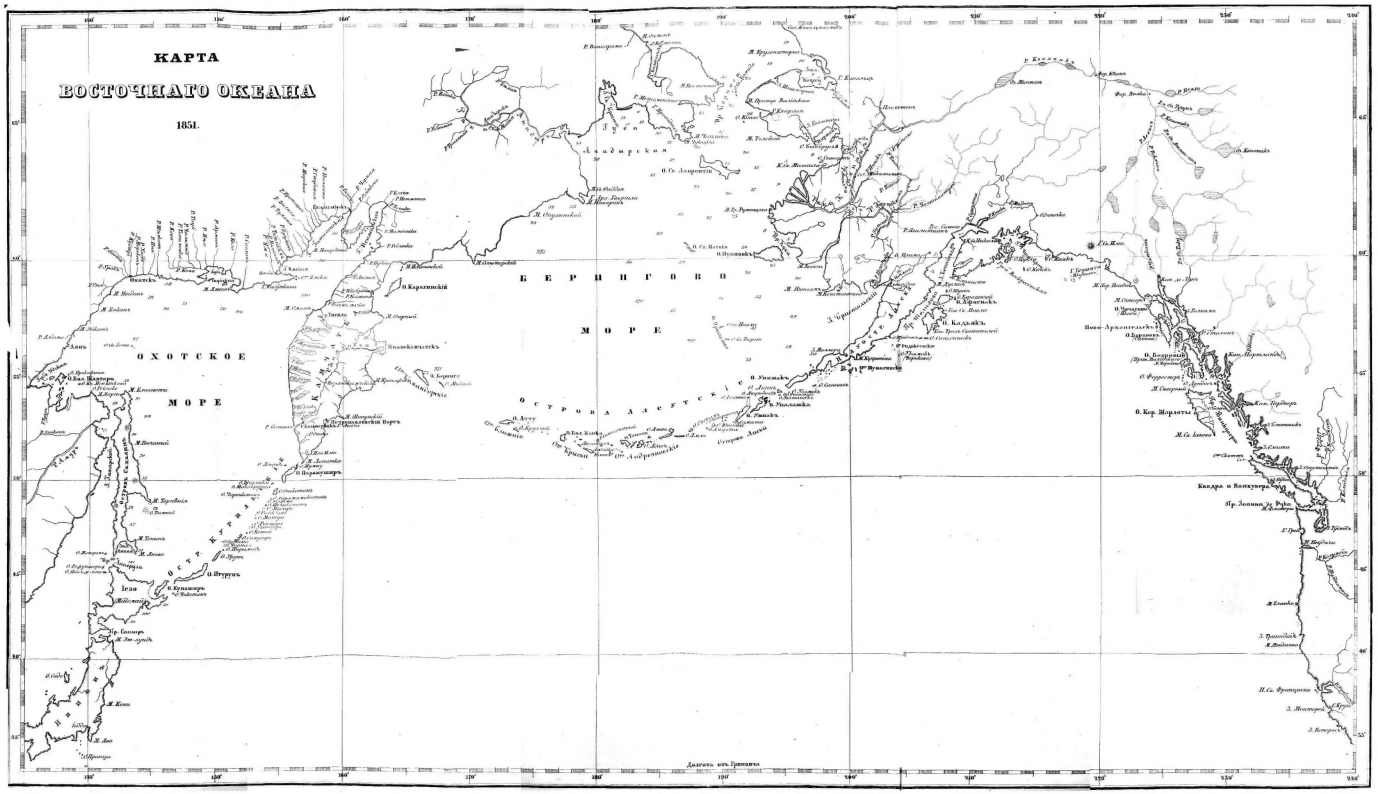
IV. Такъ какъ настоящая экспедиція не была окончена, но только парализирована, то и обѣщанныхъ наградъ за нее, въ свое время не послѣдовало. Пока еще продолжалась экспедиція, Адм.-Коллегія, сколько то отъ нея зависѣло, награждала представляемыхъ ей низшихъ чиновъ: такъ, повышены нѣкоторые нижніе чины, по представленіямъ Овцына и Лаптевыхъ; такъ, въ 1743году, произведены, прибывшіе съ донесеніями, рекомендованные начальниками—отъ Вакселя, боцманматъ Алексѣй Ивановъ въ подшхиперы, и отъ Чирикова, Мичманъ (бывшій штурманъ) Елагинъ въ Лейтенанты. Уже 20-го Ноября 1749 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о необыкновенной наградѣ бывшимъ на пакетботѣ Св. Петръ, съ Берингомъ, «претерпѣвшимъ многія и неслыханныя нужды:» Хитрова, тогда Лейтенанта, въ Капитаны 1-го ранга, Вакселя и Овцына, тоже Лейтенантовъ, въ Капитаны 2-го ранга, считая всѣмъ имъ производство съ 1744 года; а рядовыхъ велѣно наградить, по разсмотрѣнію Адм.-Коллегіи, денежнымъ жалованьемъ.—Всѣ другіе служили по липіи.

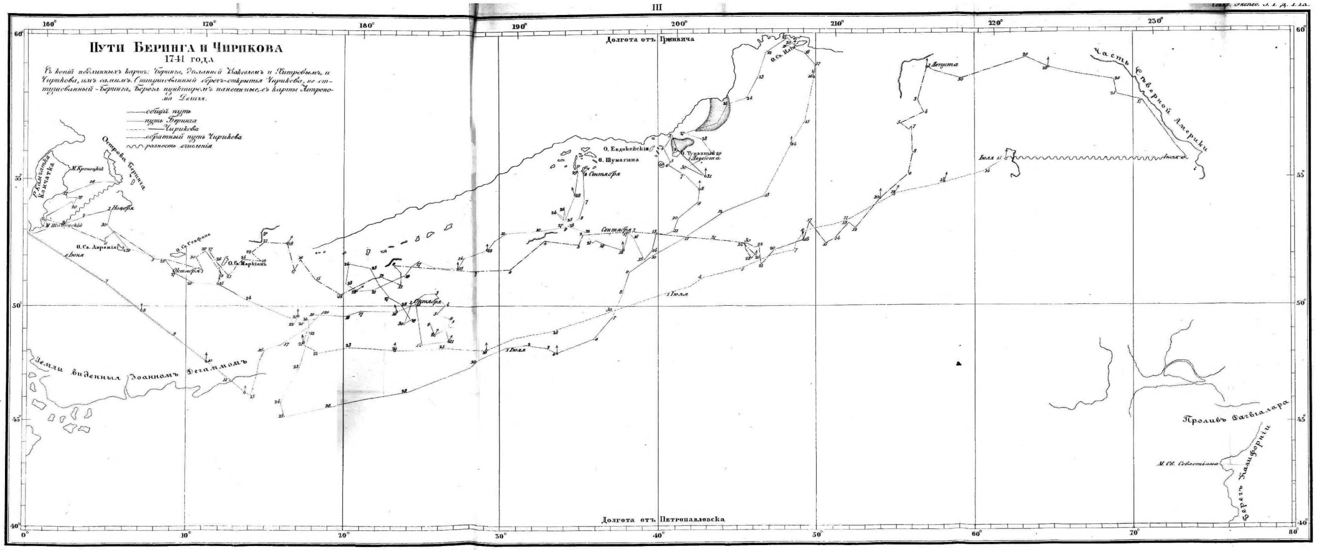
V. Изъ остававшихся въ Сибири, въ 1754 году, находилось: въ Томскѣ, съ Лейтенантомъ Ртищевымъ, 42 человѣка, и въ Охотскѣ, съ Лейтенантомъ Хметевскимъ, 46. Ртищевъ и Хметевской, впослѣдствіи Капитаны, были въ Охотскѣ еще въ 1773 году. Бывшій гардемариномъ Синдъ, извѣстный впослѣдствіи неудачною экспедиціею къ Берингову проливу, тоже постоянно оставался въ Сибири, съ чиномъ Лейтенанта, и значится при Охотскѣ въ 1779 году.

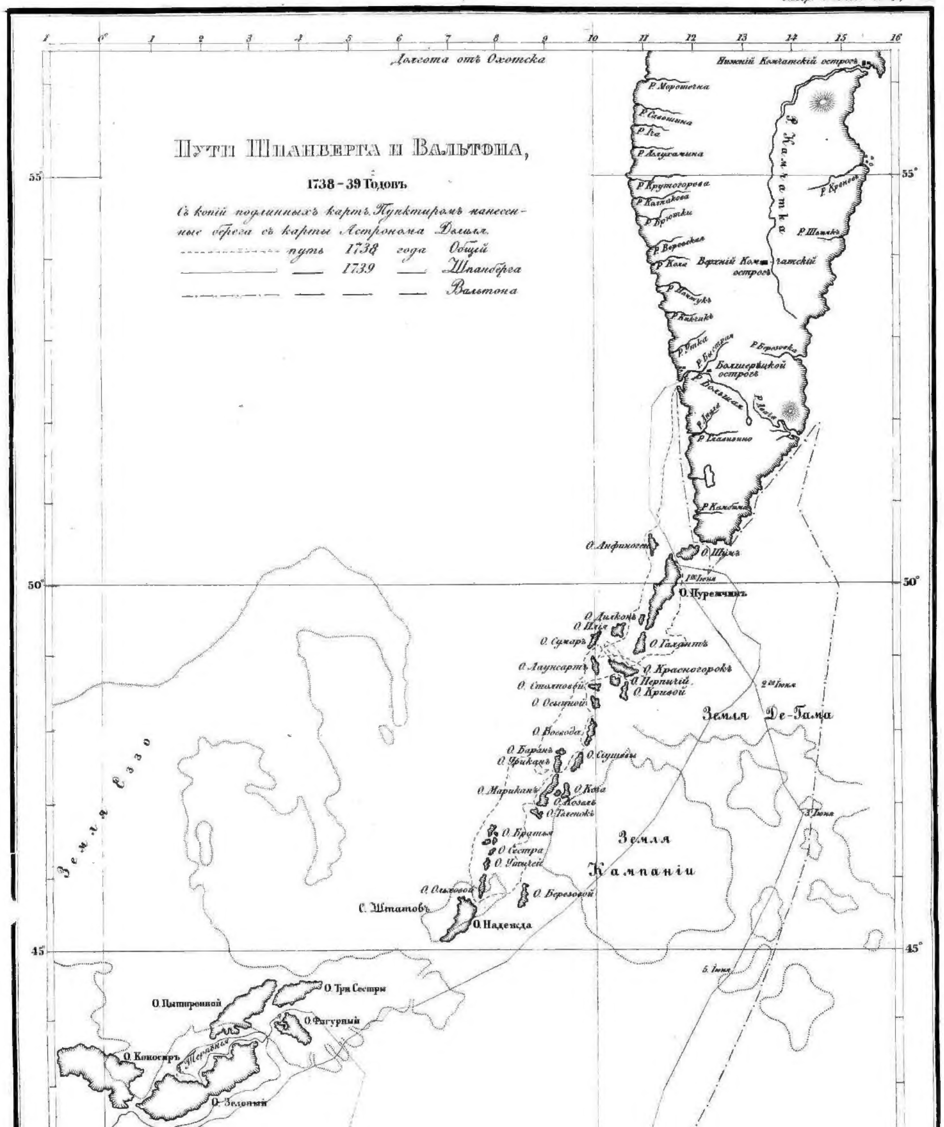
ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
I	9	130°	120°.
IV	9	съ карты Шпанберга	съ картъ Шпанберга и Вальтона
31	12	по два раза	по разу въ два мѣсяца.
32	22	геогрометровъ	гидрометровъ
212	28	*кубокъ*	*кубъ*

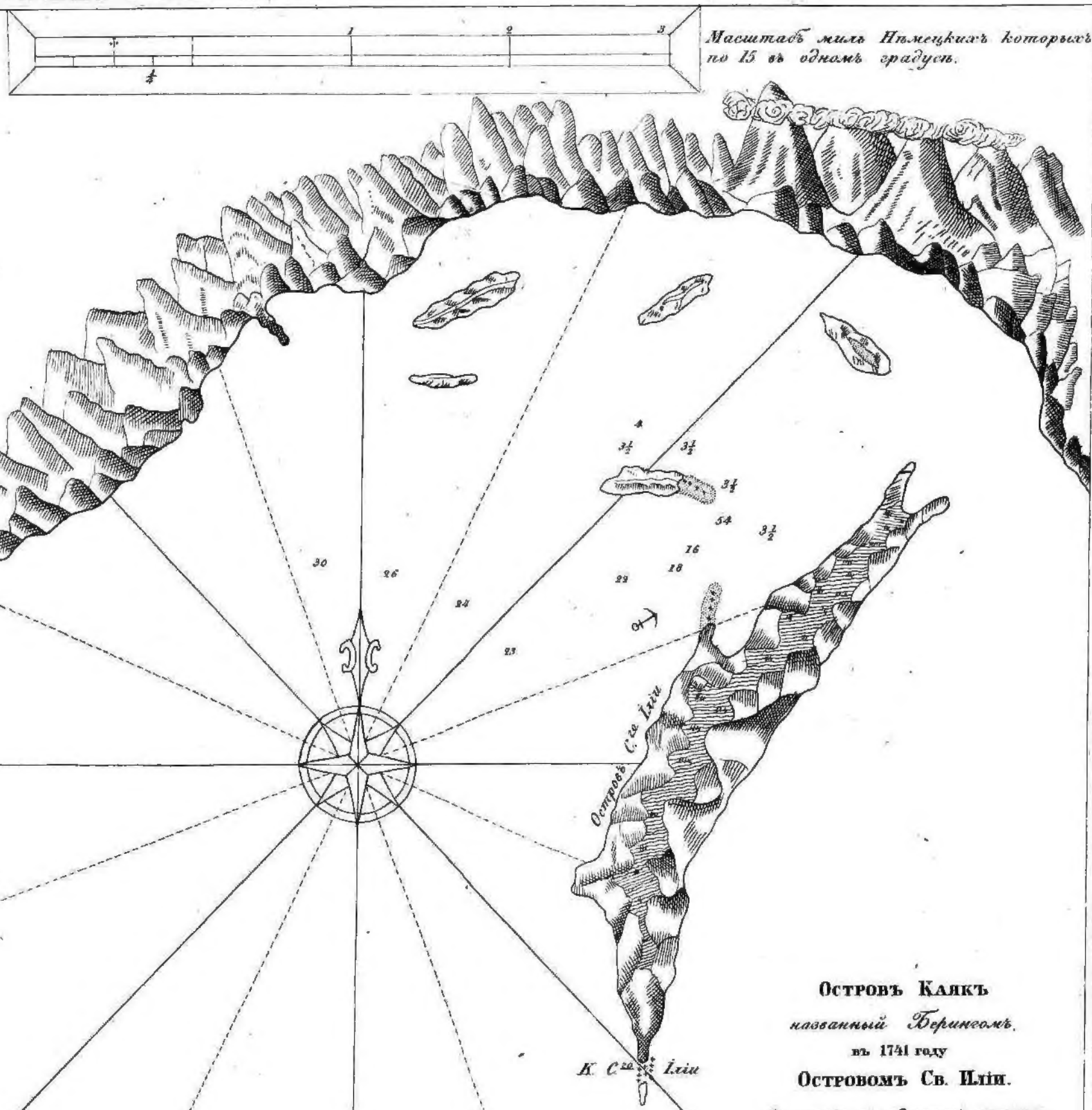

КАРТА
ВОСТОЧНОЙ РОССІИ
1851.
Долгота 120° отъ Гринича.
Долгота 140° отъ Ферро
Ледовитое море
Карское море
Охотское море
Берингово море
Амурская
Острова Алеутскія
Якутск
Иркутск
Нерчинск
Петропавловск
Николаевск
Охотск
Гижигинск
Нижнеколымск
Верхоянск
Якутский округ
Иркутская губ.
Енисейская губ.
Тобольская губ.
Томская губ.
Забайкальская обл.
Приморская обл.
Камчатская обл.
Якутская обл.
Зап. Хребет
Зап. Камень
Ос. Байкал
Ос. Ханка
Ос. Шантар
Ос. Ямышево
Ос. Чебачье
О. Котельный
О. Новая Сибирь
Острова Ляховскія
О. Беннетовъ
О. Врангеля
О. Медный
О. Беринга
О. Ионаншинскій
О. Ситхинскій
О. Ситха
О. Кадьякъ
О. Уналашка
О. Ситкинскій
О. Ситкинскій
О. Ситкинскій


КАРТА
ВОСТОЧНАГО ОКЕАНА
1851.
БЕРИНГОВО
МОРЕ
ОХОТСКОЕ
МОРЕ
Камчатка
Курильские
Острова
Алеутские
Острова
Командорские
Острова
Медный
Берингов
Залив
Кадьяк и Банкувер
Ю. Америка
Ю. Георгия
Ю. Сандвичевы
Ю. Маркизы
Ю. Кор. Жорлиты
Ю. Каролинские
Ю. Филиппины
Ю. Марианские
Ю. Бонин-Сима
Ю. Сандвичевы
Ю. Маркизы
Ю. Кор. Жорлиты
Ю. Каролинские
Ю. Филиппины
Ю. Марианские
Ю. Бонин-Сима


Пути Беринга и Чирикова
1741 года
Съ копій подлинныхъ картъ: Беринга, дѣланной Вакселемъ и Хитровымъ, и Чирикова, имъ самимъ. Оттушеванный берегъ-открытія Чирикова, не оттушованный - Беринга, берега пунктиромъ нанесенные, съ карты Астронома Делиля.
общій путь
путь Беринга
Чирикова
обратный путь Чирикова
разность счисленія
Долгота отъ Гринвича
Долгота отъ Петропавловска
Острова Беринга
Р. Камчатка
Камчатка
М. Кроноцкій
Земли виденныя Іоанномъ Деґаммомъ
О. Евдокѣевскія
О. Шумагина
Часть Сѣверной Америки
Проливъ Агвиляра
Берегъ Калифорніи


Пути Шпанберга и Вальтона,
1738 – 39 Годовъ
Съ копіи подлинныхъ картъ. Пунктиромъ нанесенные берега съ карты Астронома Делиля.
путь 1738 года Общій
1739 Шпанберга
Вальтона
Долгота отъ Охотска
Долгота отъ Гринича
Нижній Камчатской острогъ
Верхній Камчатской острогъ
Болшерѣцкой острогъ
Камчатка
О. Анфиногенъ
О. Шумъ
О. Пурумчинъ
О. Галантъ
О. Краснагорокъ
О. Черный
О. Кривой
Земля Де-Гама
Земля Кампаніи
Земля Еззо
О. Надежда
О. Березовой
С. Штатовъ
О. Три Сестры
О. Фигурный
О. Цыпиронной
О. Коносиръ
О. Зеленый
О. Машмай
М. Лаге-зандъ
Японія
М. Витте

Масштабъ миль Нѣмецкихъ которыхъ по 15 въ одномъ градусѣ.



Островъ Каякъ

названный Берингомъ

въ 1741 году

Островомъ Св. Ильи.

Съ рисунка и подлинномъ журналѣ Мастера Хитрова.